Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 19—20 31 ОКТЯБРЯ

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 7

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

«П Р А В Д А»

Главлит № А—1379 Москва. Тираж 90 000 экз.
Тип. Изд-ва „Правда" и „Беднота". Яузский м., Серебрянич. наб., 23/а

Октябрьский пленум ЦК и ЦКК.

Октябрьский об'единенный пленум ЦК и ЦКК происходил в обстановке нарастания некоторых трудностей, связанных с обострением военной опасности. Само собой разумеется, что пленум должен был остановить и остановил внимание партии на этих новых затруднениях и на путях борьбы с ними. Однако, пленум не мог за этими кон'юнктурными явлениями проглядеть больших итогов нашего хозяйственного развития и задач политики партии, намечаемых на период реконструкции нашего хозяйства, в который мы вступили и который лежит перед нами.

Пленум, собравшийся ко времени 10-летнего юбилея советской власти, должен был подвести итоги десятилетнего развития пролетарской диктатуры, подвести основные балансы, а также очертить и те особенности классовых соотношений и политики пролетарской диктатуры, которые характерны для настоящей полосы.

Пленум отметил несомненные успехи социалистического строительства за истекшую полосу, подчеркнув тот факт, что в процессе борьбы различных хозяйственных форм наибольший успех падает на социалистический сектор нашего хозяйства, на обобществленные формы хозяйства СССР, что *социализм ведет в СССР победоносное наступление на капитализм.*

Как на одно из проявлений успеха социалистического развития, пленум указал на *рост планового воздействия командных высот пролетарской диктатуры на все хозяйство в целом.* Уже один тот факт, что на обсуждение с'езда впервые ставится вопрос о пятилетнем плане развития народного хозяйства, о плане развития хозяйства *на ряд лет,* свидетельствует о росте элементов плановости в хозяйственном развитии СССР.

В «Директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства», принятых пленумом, прежде всего подчеркивается этот факт роста плановости в хозяйственном строительстве.

> «Если в начале новой экономической политики государственная промышленность почти бездействовала, в области товарооборота государственные и кооперативные органы сами прибегали к частному посредничеству, а частный капитал, имея все преимущества быстрого оборота, играл относительно крупную роль, то *на пороге перехода от восстановительного*

к реконструктивному строительству социалистическая промышленность и другие командные высоты играют уже решающую и ведущую роль во всем народном хозяйстве, государственная и кооперативная торговля обнимает собой подавляющую часть общего товарооборота страны, *обобществленный сектор народного хозяйства определяет собой общее направление развития*, вытесняет частный капитал, беря на буксир и постепенно преобразуя хозяйство простых товаропроизводителей-крестьян».

В «Директивах» указывается, что предпосылкой усиления плановости является укрепление нашей социалистической промышленности и всех командных высот пролетарской диктатуры. «Город» начинает играть в развитии всего народного хозяйства в целом все более решающую роль.

«Сколько бы мелкобуржуазные демократы, называющие себя социалистами и социал-демократами (Черновы, Мартовы, Каутские, Лонгэ, Макдональды и К°),—заявлял Ленин в 1919 г. в статье «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата»,—ни разбивали себе лба перед богинями «равенства», «всеобщего голосования», «демократии», «чистой демократии», или «последовательной демократии»,—от этого не исчезнет экономический и политический факт *неравенства* города и деревни. Это—факт неизбежный при капитализме вообще, при переходе от капитализма к коммунизму в частности.

Город не может быть равен деревне. Деревня не может быть равна городу в исторических условиях этой эпохи. *Город неизбежно ведет за собой деревню*. Деревня неизбежно *идет за городом*. Вопрос только в том, *какой класс* из «городских классов» сумеет вести за собой деревню, осилить эту задачу и какие формы это руководство города примет».

Десять лет назад в России у власти стал пролетариат, т.-е. такой класс из «городских классов», который «ведет за собой деревню» под знаменами борьбы с эксплоататорами разных видов. Десять лет существования советской власти показали, что в этой обстановке «перехода от капитализма к коммунизму» так же, как и при капитализме, «город ведет за собой деревню». Но деревню ведет уже *пролетарский* «город», строящий социализм, преодолевающий капитализм.

Разница между руководством буржуазного «города» и пролетарского «города» заключается не только в том, что первый тянет деревню к капитализму, а второй, борясь с капитализмом, выводит широкие массы трудящегося крестьянства на путь социалистического развития. Разница заключается также и в том, что пролетарский город, выводя деревню на путь социалистического развития, руководит ею, по мере укрепления своей диктатуры, во все более *плановом* порядке в то время, как буржуазный город реализует свою руководящую роль в процессе *стихийной* борьбы экономических факторов.

В тезисах пленума «О работе в деревне» указано, что рост удельного веса пролетарского «города» во всей системе социально-экономических и политических отношений нашей страны дает теперь возможность перейти к более систематическому *плановому* воздействию пролетарского «города» на деревню.

«С точки зрения классов,—читаем мы в тезисах,—партия может констатировать рост и консолидацию пролетариата, укрепление, на основе решений XIV конференции и XIV с'езда, его союза с середняком и усиливающееся наступление на частный капитал. Одновременно этот процесс сопровождался ростом сельскохозяйственной продукции, организацией бедняцких групп, повышением организованности батрачества, оживлением советов и возрастающим—в новых условиях—отпором кулачеству. *Эти предпосылки создают возможность более широкого охвата кооперацией бедняцких и середняцких слоев деревни, дальнейшего усиления планового воздействия на крестьянское хозяйство и более решительного наступления на кулака на основе достигнутых успехов по закреплению союза пролетариата и деревенской бедноты с середняком*».

Если в предшествующий период мы не могли охватить в сколько-нибудь значительной мере нашим воздействием деревню, то теперь на основе наших достижений, на основе укрепления позиций пролетарского «города», мы входим в полосу более широкого, значительного и систематического планового влияния на процессы развития советской деревни.

В тесной связи с этим фактом усиления планового руководства деревней со стороны пролетарского государства стоит решение пленума об *усилении нажима на капиталистические элементы*. XIV партийная конференция и XIV партийный с'езд, как известно, решили провести ряд мероприятий по урегулированию отношений между городом и деревней, смысл которых заключался в дальнейшем развязывании товарооборота и ликвидации военно-коммунистических пережитков в деревне.

«В области экономической политики,—читаем мы в резолюции XIV партконференции о партийном строительстве,—*необходимо развязывать по возможности хозяйственный оборот во всех отраслях хозяйства*, в том числе и в деревне. Это должно происходить при условии, что экономические высоты уже находятся в руках пролетариата и действительно укрепляются. *Элементы капитализма*, которые *в ближайшие годы будут неизбежно нарастать*, будут преодолеваться средствами экономической борьбы и растущим кооперированием основной массы крестьянства. *В результате более бы-*

строго товарооборота будет расти и темп накопления во всем народном хозяйстве и все больший абсолютный и относительный рост социалистических элементов хозяйства».

В обстановке, предшествовавшей XIV партийной конференции, наблюдалось несомненное ухудшение отношений между пролетариатом и основной середняцкой массой крестьянства. Это ухудшение, которое было трезво и спокойно учтено партийным руководством и всей партией в целом и было предпосылкой решений, принятых на XIV партийном с'езде, привело тогда кое-кого из теперешних вождей оппозиции в паническое состояние. Известно, что тов. Зиновьев, напуганный ростом недовольства в среде крестьянства, предлагал пойти тогда на такие уступки крестьянству, на которые не пошло большинство партийного руководства и не пошла партия.

За время, прошедшее с тех пор, партия и советская власть достигли несомненных успехов в деле укрепления смычки пролетариата, опирающегося на бедноту, с середняком. Устранение пережитков военного коммунизма, политика развязывания товарооборота, политика «оживления советов» и т. д. внесли в деревню несомненное успокоение. Общий баланс изменения классовых соотношений сложился, в результате проведения этих мероприятий, в нашу пользу: для развития отношений в этот период бесспорно является характерным «все больший абсолютный и относительный рост социалистических элементов хозяйства», на который указывала в приведенной выше цитате из резолюции XIV конференции наша партия. Вместе с тем, однако, оправдалось и указание конференции на то, что «элементы капитализма в ближайшие годы будут неизбежно нарастать».

Теперь, накануне XV с'езда, пленум, учитывающий результаты социально-экономического развития со времени XIV партконференции и XIV партс'езда, предлагает партии, опираясь на усилившиеся позиции диктатуры пролетариата, начать более энергичное наступление на капиталистические элементы.

> *«Решения XIV конференции и XIV партс'езда,*—указано в «Директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства»,—послужили основой правильной политики по отношению к деревне в текущий период, и именно они *обеспечили укрепление союза рабочего класса с основной массой крестьянства. Пролетариат, преодолевший противосередняцкий уклон в среде своей партии, на основе достигнутого укрепления рабоче-крестьянского блока, вместе со всей бедняцкой и середняцкой массой имеет теперь возможность перейти к дальнейшему, более систематическому и настойчивому ограничению кулака и частника.* Такова должна быть основная классовая установка пятилетнего плана народного хозяйства».

Всякий, кто вдумывался в решения партии за период строительства социализма, поймет логику решений, принимаемых партией. Совершенно очевидно, что решения, принятые на XIV партконференции и XIV с'езде, являются предпосылкой тех директив, которые предлагает партии последний об'единенный пленум. Партия делает различные «ударения» в своей политике в зависимости от изменения соотношения классовых сил в нашей стране, такие «ударения», которые соответствуют интересам пролетарской диктатуры, интересам ее укрепления в *данную* полосу развития. Только люди, оторвавшиеся от партии, только люди, не понимающие конкретных отношений в нашей стране и изменения этих отношений; только люди, отошедшие от ленинской политики, могут утверждать, что переход от решений XIV конференции и XIV с'езда к директивам, предлагаемым пленумом, демонстрирует какую-то «неуверенную» политику «зигзагов». В действительности же у партии есть *линия*, у партии есть связанность ее предшествующих решений с последующими; в действительности же чередование этих мероприятий, изменение «ударений» являются лишь различными звеньями *одной* политической цепи, моментами единой политики на пути к осуществлению определенного плана.

Вожди оппозиции не поняли ни смысла решений XIV партконференции и XIV партийного с'езда, ни той логики, которая продиктовала отмеченные нами директивы последнего пленума. Для них не существует партийной линии, взаимосвязанности предшествующих и последующих мероприятий партии, им непонятна партийная *линия*.

Шатающиеся из одной стороны в другую, путающиеся, колеблющиеся, растерянные, они не могли понять и той связи, которая существует между директивами пленума и важнейшими практическими положениями Октябрьского Манифеста советской власти. Об'ективная политическая роль оппозиционного блока стала особенно ясной, когда его представители проголосовали на пленуме ЦК и ЦКК против Октябрьского Манифеста. Никакие «левые» фразы не могут изменить того факта, что *лидеры оппозиции отвергли Манифест, встреченный с энтузиазмом пролетариатом и широкими массами трудящихся нашего Союза.*

Что предложил в Манифесте ЦИК Союза ССР? Он предложил, *во-первых*, «обеспечить на протяжении ближайших лет переход от восьмичасового рабочего дня к семичасовому рабочему дню без уменьшения заработной платы, для чего обязать президиум ЦИК и СНК Союза ССР приступить не позже, чем через год к постепенному осуществлению этого постановления по отношению к отдельным отраслям промышленности»; *во-вторых*, «увеличить ассигнования на рабочее жилищное строительство в этом году на 50 милл. рублей»; *в-третьих*, «освободить от сельхозналога, сверх освобожденных уже от него 25% крестьянских хо-

зяйств, дополнительно еще 10% с целью улучшения материального положения бедноты и вообще маломощного крестьянства»; *в-четвертых*, сложить задолженность крестьянских хозяйств по государственным ссудам, недоимки с бедноты и т. д.; *в-пятых*, «принять на государственный счет землеустройство всех бедняцких крестьянских хозяйств»; *в-шестых*, «разработать закон о приступе к постепенному обеспечению за счет государства лиц престарелого возраста из маломощных слоев крестьянства» и т. д., и т. д. *Все* эти мероприятия имеют своей целью *улучшение положения рабочего класса, деревенской бедноты и вообще маломощных групп крестьянства*. И вот *против этих* предложений «термидорианского» правительства голосовала «левая» оппозиция! Разве этот политический факт не имеет крупнейшего политического значения? Разве не ясно, что именно Центральный Комитет стоит на страже интересов пролетариата и беднейшего крестьянства, а оппозиция «путается в ногах» и высказывается против мероприятий крупнейшего политического значения, имеющих целью улучшить положение пролетариата и бедноты? Разве, в свете этого факта, не ясно, что оппозиция использует «левые» фразы только в демагогических целях, разве не очевидно, что оппозиция оторвалась от масс, что она не понимает, чем дышат рабочий класс и деревенская беднота?

Это знаменательное голосование доказало правильность утверждений, что вся «программа» оппозиции насквозь демагогична, что «левая» фраза у нее прикрывает нереволюционное дело.

Но эти шатания оппозиции, ее беспомощность, ее постоянные «перелеты», ее антипартийные выступления имеют глубокие идейные корни. Постоянные «дрожания» оппозиции, бесконечные противоречия, в которых она путается, ее отход от партийной *линии* суть проявления того, что оппозиция в своих исходных положениях, в своем подходе к основным политическим вопросам все больше скатывается к позициям социал-демократии.

В то время как партия подводит итоги величайшим достижениям пролетарской диктатуры за десять лет ее существования, в то время как пролетариат и широкие массы трудящихся подводят положительный баланс успешного социалистического строительства в нашей стране, в то время как они с гордостью оглядываются на пройденный путь и с уверенностью смотрят вперед, в то время как опыт классовой борьбы доказал, что социализм победоносно наступал и наступает в нашей стране на силы капитализма в самых трудных условиях, в то время как с каждым годом отпадают всякие основания для сомнений в том, что мы имеем «все необходимое для построения социализма в нашей стране»,—в это время идеологи оппозиции стараются убедить партию, пролетариат и широкие массы трудящихся в недостаточности *внутренних* сил революции для построения социализма, в том,

что построение социализма в нашей стране невозможно, благодаря ее *технической отсталости*.

Но ведь это не новое утверждение. Во время борьбы пролетариата за власть в 1917 г. меньшевики разных оттенков утверждали, что в нашей отсталой стране невозможно осуществление диктатуры пролетариата, невозможно строительство социализма. Это же они утверждают и теперь вопреки фактам, вопреки победоносному продвижению социализма в нашей стране. Оппозиция в своей борьбе против партии скатилась к этим идейным позициям социал-демократии.

Что означает тезис о невозможности построения социализма в нашей стране из-за ее технической отсталости в переводе на язык *социальных* отношений? Ведь, техническая отсталость определяется преобладанием мелкобуржуазных форм хозяйства в нашей стране, тем фактом, что более $^4/_5$ населения нашей страны составляет крестьянство. И вот оппозиция утверждает, что социалистический «город» не может повести деревню к социализму, не может перестроить деревню на социалистический лад. Она утверждает, что противоречия между пролетариатом и крестьянством в условиях диктатуры в нашей стране неразрешимы, что мелкая буржуазия так или иначе захлеснет пролетарскую диктатуру в условиях замедления темпа мировой революции. Выступление тов. Смилги на последнем пленуме необычайно ярко иллюстрировало это положение оппозиции.

Тов. Смилга рискнул заявить, что *деревня в условиях диктатуры пролетариата в нашей стране подчиняется в своем развитии буквально тем же закономерностям, которым она подчиняется в условиях господства капитализма*. Это—не новый мотив в рядах оппозиции. Еще в дискуссии, предшествовавшей XIV партийной конференции, тов. Сафаров отрицал возможность некапиталистической эволюции простого товарного сельского производства. К этой же точке зрения склонялся т. Зиновьев и др. И после этого оппозиционные ревизионисты, совершенно прямо, недвусмысленно высказывающиеся против ленинских положений о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства в условиях диктатуры пролетариата, против кооперативного «плана» Ленина,—имеют еще наглость говорить о народничестве, которое, якобы, проявляется защитниками ленинских позиций в этой области!

Но, ведь, что было характерным для народничества, для его отношения к вопросу о путях и перспективах развития деревни? Идеологи эсэровского народничества стояли на той точке зрения, что деревня—через кооперацию—может в условиях *господства капитализма* двигаться по пути социалистического развития. Они игнорировали ведущую роль капиталистического «города» и капиталистической государственной власти, они как раз не понимали

того, что «город не может быть равен деревне», что «город неизбежно ведет за собой деревню». Поскольку город был капиталистическим, поскольку командные высоты находились в руках буржуазии, постольку развитие деревни, стихийное развитие массы товаропроизводящих хозяйств, получало мощный стимул для движения капитализма. Другого пути—кроме капиталистического—быть в этих условиях не могло. Кооперативные организации выбивались, выдерживали конкуренцию только в том случае, если они сами превращались в коллективно-капиталистические организации, если они обладали достаточными капиталами, если они являлись орудием капиталистических групп. О кооперации, как о пути перехода *к социализму широких крестьянских масс*, бедняцких и середняцких масс, говорить при капитализме было недопустимо. Ленин издевался над эсерами, над их нежеланием понять действительное положение вещей, над непониманием ими того факта, что в условиях господства капитализма немыслимо развитие деревни к социализму через кооперацию.

Но тот же Ленин указывал *после утверждения диктатуры пролетариата*, что изменение характера государственной власти, что превращение *буржуазного* «города» в «город» *пролетарский* создает возможность движения деревни по социалистическому пути. Из этого, конечно, не вытекает, что в деревне не развиваются капиталистические отношения. В условиях товарных отношений эти капиталистические отношения развиваются, происходит процесс расслоения крестьянства, выделение буржуазных и полупролетарских элементов. Однако, этот процесс «перехлестывается» другим процессом, процессом нивелировки крестьянских хозяйств, процессом под'ема бедняцких хозяйств, подвижки их в группу середняцких хозяйств. С другой стороны, давление пролетарского государства и пролетарско-бедняцкой общественности затрудняет процесс выделения кулачества и содействует хозяйственному упадку кулацких элементов. Чем сильнее становится пролетарская диктатура, чем более значительно она может воздействовать на процессы, происходящие в деревне, тем сильнее будет процесс дифференциации «перехлестываться» процессом *нивелировки*, сопровождающимся процессом *кооперирования массы бедняцких и середняцких крестьянских хозяйств.*

Оппозиция не понимает того, что Октябрьская революция внесла принципиальное изменение в соотношение классов и в деревне. *Она повторяет ошибку народников*, которые при анализе деревенских отношений, при анализе тенденций развития деревни скидывали со счетов, такой решающий фактор как *«город»*. Эсэровские народники скидывали со счетов *буржуазный* город,—народничествующие оппозиционеры скидывают со счетов *город пролетарский*. Здесь они опять-таки «не открывают Америки» и повторяют старые коренные ошибки эсэров и меньшевиков.

Но тенденции к меньшевизму проявляются у оппозиции не только в вопросе о перспективах строительства социализма в нашей стране. Совершенно ясно, что, разрешая подобным образом вопрос о перспективах строительства социализма в СССР, оппозиция—при последовательности—должна притти к тому, что рано или поздно надо делать «третью» революцию, когда отношения будут более благоприятны для пролетариата.

Этим оценкам оппозиции *классовых* отношений в СССР, оценкам, которые почти совпадают с социал-демократическими, соответствуют и некоторые *политические* оппозиционные тенденции социал-демократического характера. «Левая фразеология» прикрывает у оппозиции ее борьбу за *вторую партию*, за легализацию системы нескольких партий, т.-е. фактически за систему *буржуазно-политической демократии*. В борьбе за вторую партию оппозиция не останавливается и перед тем, чтобы организовать против партии и *беспартийные* элементы. А в обстановке империалистического внешнего и буржуазного и мелкобуржуазного внутреннего окружения силы контрреволюции обязательно попытаются пролезть в эту «щель» и, поощряя антиреволюционную деятельность оппозиции, будут готовить удар против пролетарской диктатуры. Оппозиция превращается в то же время в центр притяжения антиреволюционных сил и в международном масштабе. Стремление создать международное об'единение из ренегатов разных мастей (группа Рут Фишер—Маслова в Германии, Суварина—во Франции, бордигианцев в Италии и т. д.) по своему политическому значению должно быть приравнено к попытке Троцкого создать августовский ликвидаторский блок против большевиков в 1912 году. Оппозиция пытается создать теперь ликвидаторский блок в международном масштабе.

Вполне понятно, что в этих условиях пленум ЦК и ЦКК принял постановление о выводе тт. Зиновьева и Троцкого из состава ЦК. Партия не может допустить того, чтобы в составе ее руководящего органа находились люди, организующие вторую партию, организующие международное ликвидаторское об'единение и исходящие в своих политических построениях из предпосылок социал-демократического порядка.

На предпоследнем, августовском об'единенном пленуме тт. Зиновьев и Троцкий получили от партии последнее предупреждение. Они ему не вняли, они с ним не посчитались: за короткое время, протекшее от августовского пленума до октябрьского, оппозиция допустила еще *ряд шагов*, которые сделали *недопустимым пребывание тт. Зиновьева и Троцкого в рядах Центрального Комитета*. За это время была организована нелегальная типография с участием буржуазных интеллигентов, которые в свою очередь были связаны с контрреволюционными элементами. Этот факт доказал, что «третья сила» уже начала использовать оппозицию,

«облипать» ее, понимая антиреволюционный характер деятельности оппозиции, понимая, что *оппозиция перешагивает здесь не только рамки внутрипартийной легальности, но и рамки легальности советской*, понимая, что *борьба оппозиции против партии перерастает в борьбу против режима пролетарской диктатуры*. Нет никакого сомнения в том, что в предс'ездовской дискуссии партия даст оппозиции самый решительный, самый жестокий отпор и поставит перед ней вопрос: или отказаться от своей антипартийной и антиреволюционной деятельности, или порвать с партией.

Э. Гольденберг.

От пораженчества к меньшевизму.

При помощи подлогов, пуская в ход буржуазных интеллигентов, ломая рамки не только партийной, но и советской легальности, оппозиция отпечатала свою «платформу». Если самый факт ее размножения и распространения, вопреки всем партийным решениям и элементарнейшим требованиям партийной дисциплины, означает не что иное, как открытый организационный разрыв с партией, то своим содержанием платформа ярко свидетельствует об идейном разрыве оппозиции с коммунизмом. То, что представляет собою платформа, уже не есть критика партии *изнутри*; по существу, это — критика партии извне, принципиально ничем не отличающаяся от обычной меньшевистской *травли*. Платформа оппозиции есть платформа меньшевистской клеветы и злостных передергиваний, платформа прямого натравливания масс на партию пролетарской диктатуры. Оппозиция шагает форсированным маршем от пораженчества к меньшевизму. Ибо ее платформа, развернутая до конца, становится не чем иным, как знаменем третьей революции.

Мы отступаем во всех направлениях, кулак и нэпман нас перерастают, государственный аппарат перестает нас слушаться, промышленность и транспорт не поспевают за ростом народного хозяйства, положение рабочих ухудшается, пролетариат свертывается, между тем как другие классы развертываются,—все это мы слышали от оппозиции уже не раз, и все это снова повторено в платформе. Гвоздь, однако, не в этом. Существенно новое заключается в той оценке, которую платформа дает роли партии и пролетарского государства во всех этих, якобы, происходящих процессах, в оценке, на которую открыто, по крайней мере, оппозиция решилась только теперь. Платформа обвиняет партию и ее ЦК в том, что он, «приспособляясь и подлаживаясь к враждебной стихии, ослабляет и запутывает силы пролетарской армии». «Прямое потакание правым уклонам, ослабление влияния пролетарского и старо-большевистского ядра в партии и т. д. и т. п.,—все это ослабляет и обезоруживает рабочий класс в момент, когда всего нужнее активность пролетариата». «В стране существуют две, исключающие друг друга, основные позиции: одна—позиция пролетариата, строящего социализм, другая—позиция буржуазии, стремящейся повернуть развитие на капиталистические рельсы... Между этими двумя позициями—все ближе к последней—проходит сталинская линия (читай: линия ЦК), состоящая из коротких зигзагов влево, и глубоких—вправо».

Партия и ее руководство здесь выступают как активные факторы и прямые пособники наступления буржуазии на пролетариат. Если партия «приспособляется к враждебной стихии» и

линия ее пролегает «все ближе» к линии прорывающегося капитализма, то говорить только о «термидорианских элементах в стране» уже не приходится. Партия и партийное руководство открыто обвиняются в том, что они желают сдать монополию внешней торговли, «уйти из Китая», признать полностью и безоговорочно долги, сделать дальнейшие уступки нэпману и кулаку, ввести «капитализм в рассрочку». Можно ли считать государство, руководимое *такой* партией, пролетарским? Можно ли считать промышленность, находящуюся в руках *такого* государства, социалистической? Может ли *такая* партия строить социализм?

Круг замкнулся. Уже в дискуссии, предшествовавшей XIV с'езду, оппозиция выступала под пораженческим знаменем невозможности построения социализма в нашей стране, невозможности для пролетариата вести за собою крестьянство, неосуществимости ленинского кооперативного плана. Эти же, по существу, вопросы стоят перед нами и теперь. Оппозиционная платформа говорит в конечном счете о тех же разногласиях, но эти разногласия в ней воспроизведены на далеко расширенной и углубленной основе. То, что еще год назад было только социал-демократическим уклоном, сейчас раскрывается как прямой меньшевизм. Оболочка «левой» фразы становится все более прозрачной, все менее убедительной. Все явственнее выступает об'ективный смысл оппозиционной платформы.

Этот об'ективный смысл оппозиционной платформы заключается не в чем ином, как в отрицании социалистического характера нашей революции, в попытке вбить клин между рабочим классом и его партией, спекулируя на его цеховых интересах, спекулируя на об'ективных трудностях социалистического строительства. Именно в этом и состоит внутренняя логика всего развития оппозиции. Еще в 1922 году Троцкий повторил свою старую теорию относительно невозможности для пролетариата выйти победителем в его неизбежном будто бы конфликте с крестьянством без прямой помощи со стороны международной революции. Что это значит в обстановке затягивающейся международной революции, в условиях частичной стабилизации капитализма? Это означает неизбежность для единственной страны пролетарской диктатуры, которая является к тому же страной и технически и экономически крайне отсталой, постепенного, более или менее быстрого сползания с рельс социализма на рельсы капитализма. Это сползание может пройти двояким путем: либо происходит контрреволюционный переворот, и мелкобуржуазная стихия одним ударом освобождает себя от сковывающей ее пролетарской диктатуры, либо пролетарская диктатура медленно отступает под напором этой стихии и, отступая, перерождается сама. Уже в 1923 году Троцкий, поэтому, совершенно со своей точки зрения последовательно поставил вопрос о перерождении партийных кадров. В 1925 году Зиновьев и Каменев признали это перерождение в условиях затянувшейся мировой революции принципиально неизбежным, провозгласив невозможность построения социализма в одной стране. В самом деле, очевидно, что невозможность построения социализма означает не что иное, как невозможность строительства социализма. «Строить можно, но достроить нельзя»,—такая теория представляет собой полную бессмыслицу. Невозможность построения социализма в нашей стране

означает невозможность преодоления в ней мелкобуржуазной стихии. А когда мелкобуржуазная стихия не преодолевается социализмом, то это значит, что она сама преодолевает социализм, прокладывая дорогу капитализму. Это значит, что партия, пролетарская диктатура будут под ее напором отступать и, отступая, сначала невольно, а потом и совершенно сознательно,—перерождаться. В течение двух лет, отделяющих XIV с'езд от XV, оппозиция с каждым новым своим выступлением все больше углубляла и заостряла эту свою концепцию, и, наконец, теперь, после ряда промежуточных этапов, вслед за заявлением, что «наше государство далеко не пролетарского характера», вслед за поддержкой Оссовского, вслед за блоком с Сапроновым в СССР, с Масловым и Сувариным за границей, раздались слова о «термидоре», о «бонапартистском курсе», о «капитализме в рассрочку».

Партийное руководство и партийный аппарат перерождаются, партия безвольно и безропотно шагает за переродившимся аппаратом, непролетарские слои населения развертываются как политически, так и экономически, между тем как пролетариат свертывается и поэтому не в состоянии сломить термидорианский курс партии,—что все это означает, о каких исторических сдвигах это сигнализирует? Если отбросить шелуху всякого рода персональных обвинений, то чем еще, кроме как обоснованием старого меньшевистского тезиса о несоциалистическом характере нашей революции, могут служить все эти утверждения? Что иное, как не победу мелкобуржуазной стихии над социализмом может означать перерождение партии? И если это перерождение действительно имеет место, если эта победа налицо, если рабочий класс ничего с этим не может сделать и ограничивается тем, что продолжает свертываться, то в чем неправота меньшевиков, отрицающих социалистический характер нашей революции, *что* отделяет оппозицию от меньшевизма?

Как и чем, однако, обосновывает оппозиционная платформа свою политическую установку? Здесь сразу бросается в глаза зияющая диспропорция между размахом утверждений и нищетой аргументации. В соответствии с общей своей точкой зрения оппозиция все последние годы пыталась замалчивать и отрицать наши достижения, пыталась доказать, что мы непрерывно отступаем. Платформа собрала в один букет все поражения и неудачи, которые приписывала партии оппозиция последние два года. И так как «целевая установка» заключается в том, чтоб доказать, что «рабочий класс свертывается в то время, как прочие развертываются», так как наиболее удобным трамплином для антипартийной демагогии всегда является спекуляция на цеховых интересах рабочих, на противопоставлении цеховых интересов общеклассовым, то естественно, что атака на партию с особенной силой заостряется на так наз. «рабочем вопросе», на вопросах зарплаты и безработицы.

«Реальная зарплата,—утверждает платформа,—стоит в лучшем случае на том же уровне, что и осенью 1925 года... Ясно, что доля рабочего класса в общем доходе страны падала, в то время, как доля других классов росла. Этот факт—важнейший для оценки всего положения».

Движение заработной платы есть, несомненно, чрезвычайно существенный момент. Но тем большее значение приобретает то

обстоятельство, что в этом вопросе платформа попросту лжет. Наиболее верно воспроизводит динамику реальной зарплаты индекс ВЦСПС. Этим индексом, между прочим пользуются и авторы платформы. Согласно данным ВЦСПС реальная месячная зарплата рабочих крупной госпромышленности исчисленная в условных московских рублях, изменялась следующим образом:

			В %% к предыдущ. году
IV квартал	1925/26 года . . .	30 р. 31 к.	—
I „	1926/27 „ . . .	30 р. 67 к.	104,6
II „	1926/27 „ . . .	30 р. 33 к.	112,0
III „	1926/27 „ . . .	32 р. 70 к.	118,7
IV „	1926/27 „ . . .	33 р. 92 к.	111,9 [1]

Осенью же 1925 года, согласно тому же индексу, в условных московских рублях средняя месячная зарплата составляла 29 р. 68 к. (Эту цифру приводит, между прочим, и платформа). 33 р. 92 к. (IV квартал 1926/27 г.) больше, чем 29 р. 68 к. (осень 1925 г.), на 14,3%. Следовательно, утверждение платформы, что за последние два года уровень зарплаты не повысился и в «лучшем случае» находится на уровне осени 1925 года, представляет собою прямую неправду и клевету.

Дело, однако, этим не ограничивается. В действительности рост зарплаты был за последние два года значительно больший, чем на 14%. Оппозиция проделывает фокус, хорошо известный любому статистику. Если вам хочется доказать, что с 1925 г., например, по 1927 г. зарплата не возросла совсем, или возросла очень незначительно, то вы можете очень облегчить себе задачу при помощи одной очень невинной подтасовки: вам надо взять для сравнения месяц *максимальной* зарплаты для 1925 года и месяц *минимальной* зарплаты для 1926 года— и результаты не замедлят сказаться. Именно эту подтасовку производят авторы платформы. Они берут в качестве исходного пункта осень 1925 года, ни словом при этом не заикаясь о том, что уровень зарплаты, достигнутый тогда, был по тогдашним условиям, на тогдашней стадии развития не только максимальным. Выдержать тогдашний уровень зарплаты наша промышленность была не в состоянии. Образовались угрожающие ножницы между движением зарплаты и производительности, закрепление которых влекло бы за собой рост себестоимости, серьезные осложнения на рынке и инфляцию.

Это показывает, между прочим, и динамика соотношения зарплаты и производительности.

Средний месячный прирост.

	Индекса зарплаты	Индекса производительности труда
1924 г.	+1,5	+2,3
1925 г.	+2,4	+0,9
1926 г.	+0,4	+1,5
1 полуг. 1927 г. .	+1,9	+1,9 [2]

[1]) Данные за IV квартал 1925/26 г. и первые 2 квартала 1926/27 г. см «Статистика Труда» №№ 1—2 и 4. Данные за последние два квартала 1926/27 г. взяты из статьи т. Маркуса печатаемой в настоящем номере «Большевика».

[2]) Контрольные цифры на 1926/27 г. стр. 219.

Рост зарплаты в 1925 г., таким образом, далеко обогнал рост производительности. Темп увеличения первой был в два с половиной раза более быстрый, чем темп увеличения последней. Разумеется, такое соотношение долго продержаться не могло. Реальная зарплата, достигнув в октябре 1925 г. своего максимума—30,83 моск. руб., уже в ноябре падает до 28,31 р. и, непрерывно снижаясь, докатывается в феврале 1926 г. до 26 р. 88 к. Новый под'ем начинается лишь *после* февраля.

Если же мы будем сравнивать достигнутый нами теперь уровень зарплаты не с осенью 1925 года, а скажем, с одним только ноябрем 1925 г., то получим уже рост не в 14,3%, а в 16,9%. Если же отодвинуть исходную точку еще на два месяца и взять февраль 1926 года, то рост составит величину еще большую: 26,3%. Разумеется, последние два подсчета будут так же произвольны, как и первый. Действительную тенденцию развития передает лишь сопоставление средне-годовых уровней зарплаты. В среднем за весь 1925—26 г. реальная зарплата возросла сравнительно с 1924—25 г. на 14,7%, в 1926—27 г. по сравнению с 1925—26 г.—на 11,8%, и, наконец, в 1927—28 г. контрольные цифры намечают дальнейший рост реальной зарплаты на 11,1% [1]).

Еще в 1925—26 году реальная зарплата промышленных рабочих и железнодорожников составляла 93,7% довоенной. В 1926—1927 г. мы перешагнули уже за довоенный уровень, достигнув 105,3% сравнительно с 1913 г. И, наконец, согласно контрольным цифрам, в 1927—28 г. зарплата составит 116,9% довоенной. Писать можно все, что угодно: бумага и в особенности папиросная, все стерпит. Но вопреки фактам, вопреки *всем без исключения* индексам и подсчетам утверждать, что заработная плата за последние два года была в «лучшем случае» стабильна в то время, как налицо очевидный рост—это уже не демагогия внутрипартийной оппозиции, это—меньшевистский прием, это—меньшевистская клевета.

Одно из самых болезненных явлений нынешнего периода представляет безработица. Спекуляция на безработице давно уже стала излюбленным ходом оппозиции. Бесчестность ее игры на об'ективно-неизбежных трудностях, быть может, нигде не выступает с большей отчетливостью, нежели здесь. «Медленный рост индустриализации,—вещает платформа,—нигде не проявляется так болезненно, как в области безработицы, которая захватила и коренные кадры промышленного пролетариата». Относительно характера безработицы и ее причин платформа, однако, умалчивает. Выходов из положения она тоже не дает. Все дело попросту в «медленном росте индустриализации», в котором в свою очередь повинны, конечно, партия и ее Центральный Комитет.

Как обстоит дело на самом деле? Несомненно, что за истекший год безработица у нас усилилась. С первого полугодия 1925—26 г. по первое полугодие 1926—27 г. число безработных у нас возросло с 988,8 тысяч человек до 1294,8 тысяч, т. е. на 306 тысяч. Но платформа *молчит* о том, что за то же время общее число занятых рабочих и служащих возросло еще больше—

[1]) «Контрольные цифры на 1927/28 г.», стр. 294.

на 777 тысяч человек [1]). Следовательно, число работающих растет в два с лишним раза быстрее, чем число безработных.

Возьмем теперь специально индустриальную группу. Здесь число безработных за тот же промежуток времени возросло на 66,3 тысячи человек. По этому поводу т. Пятаков еще на авгу-стовском пленуме ЦК поспешил провозгласить кризис нашего городского хозяйства. Но ни т. Пятаков, ни платформа не счи-тают нужным помнить, что одновременно число работающих уве-личилось в два раза больше, на 136,7 тысяч человек. Причина безработицы, следовательно, отнюдь не в «кризисе» городского хозяйства.

Мы приведем два ряда цифр, которые с исчерпывающей ясностью разоблачают злостную демагогичность оппозиционных утверждений, будто ответственность за безработицу ложится на неправильную политику ЦК. Как известно, от царской России мы унаследовали жестокое аграрное перенаселение. К действию аграрного перенаселения необходимо присоединить еще и дей-ствие другого фактора, двигающего в том же направлении: культурно-бытовые ножницы города и деревни, более высокий жизненный уровень в городах, притягивающий деревенскую мо-лодежь. В результате, за 1924 год из деревни в город пришли в поисках за работой 653,7 тысячи человек, в 1925 году 785,9 тысяч, в 1926 году 894,5 тысячи. Всего, следовательно, за три года 2334,1 тысячи человек [2]). Можно ли в здравом уме и в твердой памяти утверждать, что у нас мыслим такой темп индустриализации, который бы позволил помимо рабочих, ра-стущих в городе, всосать в производство за три года эти мил-лионные массы, пришедшие из деревни? Думать так—это значит считать, что мы можем за три года ликвидировать аграрное перенаселение. Считает ли это возможным оппозиция? Конечно, нет! Но в таком случае она обязана понимать, что демагогия *в таких* вопросах есть нечто большее и нечто худшее, нежели простая демагогия.

Оппозиция спекулирует на том, что темп роста занятых рабочих в нашей промышленности в связи с реконструкцией понижается. Это тоже бесспорный факт. Благодаря капитальным вложениям, переоборудованию промышленности и рационализа-ции, введение в производство новых предприятий требует все меньшего числа рабочих. «Контрольные цифры Госплана на 1927—1928 год» дают следующий подсчет: «Если в 1925—26 г. в среднем по промышленности требовалось на каждый миллион рублей новой продукции привлечение 288 новых рабочих, то в 1926—1927 году эта величина падает до 186, а в 1927—28 г. до 83» [1]).

Где же выход? Отказаться от рационализации и гнить на корню, но сдвигаясь с нашей нынешней отсталой, обветшавшей техники? Для оппозиции с ее глубоко меньшевистским противо-поставлением интересов промышленности и интересов рабочих здесь выхода нет. В высшей степени характерно, что во всей платформе, на протяжении более чем ста страниц рационали-зации уделено ровным счетом *шесть строчек!* Троцкий, который еще в 1923 году предлагал так наз. «жесткую концентрацию»,

[1]) «Статистическое Обозрение 1927 г.», июнь 1927 г., стр. 45.
[2]) «Контрольные цифры», 215.
[3]) «Контрольные цифры», стр. 210.

т.-е. закрытие таких гигантов пролетарской индустрии, как «Крас-ный Путиловец» и др., теперь пытается стать в позу защитника рабочих от рационализации, пытается спекулировать на труд-ностях связанных с нею, нажить на них политический капитал. Меньшевистский прием, меньшевистская демагогия!

Но там же, где с точки зрения меньшевистского противопоста-вления интересов рабочих интересам социалистической промыш-ленности существует неразрешимое противоречие, там, где для троцкизма имеется только возможность метания от «жесткой кон-центрации» к борьбе с рационализацией, там с точки зрения большевистской партии выход *есть* и фактически найден. *Пере-ход к семичасовому рабочему дню*, будучи в ряду с разверты-ванием промышленности, интенсификацией сельского хозяйства, усилением помощи бедноте одним из реальнейших орудий борьбы с безработицей, в то же время не только не тормозит рациона-лизацию, но, напротив, дает ей новый, мощный толчок вперед. Возможность перехода на семичасовой рабочий день, разумеется, осталась вне пределов куцого кругозора платформы. Хуже того. На последнем, октябрьском пленуме ЦК оппозиция имела пе-чальное мужество голосовать против манифеста ЦИК, в котором этот переход был возвещен.

Платформа ссылается на госплановскую пятилетку, согласно которой число безработных к концу 1931 года должно возрасти до 3 миллионов человек. Однако, и здесь мы имеем дело с пря-мым искажением. Госплановская пятилетка предполагает абсо-лютный рост безработицы *при* неизменном рабочем времени и неизменном количестве смен. В случае же сокращения рабочего дня и увеличения числа смен, т.-е. того, что будет иметь место в действительности, по самым первоначальным и грубым подсчетам количество безработных уменьшится с 1350 тысяч в истекшем 1926/27 году до 948 тысяч в 1931/32 году, т.-е. на 29,8% [1]). Злорадство платформы здесь оказалось, таким обра-зом, преждевременным.

Свой центральный тезис относительно «свертывания» рабочего класса платформа пытается обосновать и с другого конца: дан-ными о распределении национального дохода. «Прирост дохода на душу за 1926 год по сравнению с 1925,—утверждает плат-форма,—составлял для крестьян 19%, для рабочих 26%, для торговцев и промышленников 46%». Откуда взяты эти цифры, чьи это подсчеты? От указания источника авторы платформы благоразумно воздерживаются. И не даром: эти источники, по-видимому, в природе вообще не существуют. На деле движение доходов различных классов населения, согласно контрольным цифрам Госплана за последние годы было следующее:

Средний доход на душу в %% к предшествующему году [2]).

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Земледельческое население . . .	122,6	105,7	105,9
Лица наемного труда	124,0	112,1	106,1
Лица свободных профессий . . .	102,4	102,4	100,0
Кустари и ремесленники . . .	108,0	106,0	101,5
Буржуазия	121,8	102,8	102,7
Прочие	117,4	98,5	96,0

[1]) Перспективная ориентировка Госплана, стр. 45.
[2]) «Контрольные цифры», 494—95.

Рост душевого дохода «лиц наемного труда» в 1925/26 году выше, а в 1926/27 г. значительно выше, чем рост душевых доходов буржуазии. Оппозиционная платформа и здесь передергивает так же, как в вопросе о заработной плате.

Нет надобности сколько-нибудь подробно останавливаться на целом ряде других положений платформы, в буквальном смысле слова взятых с потолка, ни чем ни с какой стороны не обоснованных, представляющих совершенно очевидные, бьющие в глаза искажения и клевету. В то время как удельный вес частной торговли падает из года в год, сократившись с 32,8% всего оборота в 1923/24 году до 11,8% в 1926/27 г.[1]), платформа донкихотствует относительно роста частника. В то время как розничные цены на промтовары с 1 января 1927 г. по 1 августа снизились (по новому индексу Кон'юнктурного института) в госторговле на 7,4%, в кооперативной на 8,1%, а по всей торговле, включая частную, на 7,2%, оппозиция уверяет, что кампания по снижению цен провалилась. И т. д. и т. п.

Для нового этапа развития оппозиции, который знаменует собою платформа, в высшей степени характерно, что вопросам госпромышленности, вопросам индустриализации в ней уделено меньше чем две страницы. Это вполне стоит шести строчек о рационализации. Меньшевистское противопоставление интересов госпромышленности интересам рабочих имеет свою логику. Понимание неразрывной связанности первых и вторых глубоко чуждо людям, начавшим в 1925 году дискуссию с утверждения о госкапиталистическом характере нашей промышленности. От «жесткой концентрации» к отрицанию рационализации, от сверхиндустриалистской декламации к обывательской пошлятине чисто-потребительской точки зрения—таков диапозон оппозиционных шатаний.

«Хроническое отставание промышленности, а также транспорта, электрификации и строительства от запросов и потребностей населения, народного хозяйства и общественной системы СССР в целом—держит в тисках весь хозяйственный оборот». И это все. Платформа не содержит в себе и тени попыттки какнибудь этот тезис обосновать, если не статистически, то хотя бы общими рассуждениями, если не фактами, то хотя бы при помощи какой-нибудь высосанной из пальца схоластики. «Хроническое отставание от запросов и потребностей населения». Разумеется, мы от запросов и потребностей населения отстаем, но от них мы будем отставать *всегда*, будем отставать и при социализме и коммунизме, потому что полное покрытие производством всех потребностей означало бы конец движения вперед, конец роста. Авторы платформы не понимают, что самая постановка вопроса об отставании от потребностей бьет в первую очередь их самих, выдает их собственную неправоту. Для капиталистического хозяйства проблема отставания производства от потребностей вообще не может быть поставлена. Основная проблема капиталистической промышленности есть проблема перепроизводства и кризиса. Потребность, как экономическая категория в буржуазном обществе вообще не существует. Реальностью там является лишь платежеспособный спрос. В советском хозяйстве, несмотря на преобладание в нем на нынешней стадии развития товарно-денежных отношений, регулирование заработной платы, регулирование цен, классовый характер этого регулирования уже создает элементы перехода к хозяйству, покрывающему потребности широких трудовых масс, к хозяйству социалистическому. От удовлетворения потребностей мы еще бесконечно далеки, но ставя так вопрос, оппозиция попадает совсем не в ту цель, куда она метила: сопоставление производства и потребностей свидетельствует не о «свертывании» рабочего класса, но, напротив, о растущей роли социалистического принципа в нашем хозяйстве.

[1]) Там же, стр. 246.

«Хроническое отставание промышленности... от запросов и потребностей народного хозяйства и общественной системы в целом». Как расшифровать эту фразу? Попробует ли оппозиция сейчас утверждать, что промышленность у нас растет медленнее сельского хозяйства или что темп нашего хозяйственного роста отстает от темпа мирового капитализма? На этих вопросах оппозиция была уже неоднократно и в высшей степени основательно бита. Нежелание авторов платформы к ним возвращаться более чем естественно. Конкретных аргументов больше нет, осталась лишь общая фраза, бессодержательная и клеветническая.

Но если платформа даже не пытается сколько-нибудь членораздельно обосновать свою точку зрения в вопросах индустриализации, то тем настойчивее она напирает на вопросы расслоения деревни. Обвинения, пред'являемые ими здесь партии и Центральному Комитету, собраны в особенно пахучий букет. Мы читаем об «отходе от одного из основных положений марксизма о том, что только мощная социалистическая индустрия может помочь крестьянству преобразовать сельское хозяйство на началах коллективизма», об «игнорировании или прямом отрицании мелкобуржуазного характера крестьянского хозяйства», о «попытках противопоставить ленинский кооперативный план ленинскому плану электрификации» и т. д. и т. п. Все это сплошная ложь, попытка перекрнчать и замазать подлинные разногласия. Обвинять партию, руководящую в неслыханно трудной обстановке индустриализацией страны, сделавшую не только на словах, но и на деле индустриализацию основным принципом своей политики, в непонимании того, что только «мощная социалистическая индустрия может помочь крестьянству преобразовать сельское хозяйство»—это не только клевета, но и прямая бессмыслица. Но было бы любопытно узнать, что понимают под «помощью крестьянству мощной социалистической индустрии» люди, которые до самого последнего времени на всех перекрестках боролись против снижения цен, люди, для которых теоретическим евангелием до сих пор остается «закон первоначального социалистического накопления» Преображенского?

Суть спора не в этом. Точка зрения партии заключается в том, что *именно* при помощи мощной социалистической индустрии, кооперируя крестьянство, мы можем сломить капиталистическую тенденцию развития сельского хозяйства, преодолеть ее кооперативно-социалистической. Оппозиция же всегда утверждала, и последний раз повторила это устами т. Смилги не далее как на октябрьском пленуме ЦК и ЦКК, что путь развития советской деревни не может быть иным ним, кроме как капиталистическим, и тем самым кооперативный план Ленина и партии об'явила эсэровщиной. На деле, однако, не партия больна эсэровщиной, а оппозиция больна меньшевизмом, потому что в такой

стране, как наша, капиталистическое развитие сельского хозяйства есть в конечном счете капиталистический путь развития всего народного хозяйства. Если мы не в состоянии сломить капиталистические тенденции в деревне, то это значит, что рано или поздно перед нами встанет проблема *третьей революции*, проблема, к которой всей своей установкой и всем своим содержанием подводит оппозиционная платформа.

Ни партия, ни Центральный Комитет никогда не отрицали и не отрицают, что на данной стадии развития расслоение в крестьянстве неизбежно, что оно идет, что тенденции расслоения нами еще не сломлены. Но партия утверждает вопреки оппозиции, что мы имеем благодаря целому ряду особенностей нашей системы замедленный темп расслоения, что самый процесс расслоения у нас протекает в особой, своеобразной форме. Известный рост кулака—бесспорный факт, но этот рост кулака не сопровождается вымыванием середняка, не ликвидирует ленинского положения, что «центральной фигурой нашего земледелия» является середняк. Несмотря на расслоение, налицо несомненный хозяйственный под'ем всей середняцкой массы, охвативший и некоторые слои бедноты. Жизнь полностью подтверждает точку зрения партии.

О чем говорит статистика? За один год с 1925 по 1926 в производящей полосе из числа хозяйств, перешедших в другие группы, 20% беспосевных перешло в высшие группы, из хозяйства с посевом до 2 десятин в высшие группы перешло 34,1%, в низшие—1,1%. С посевом от 2 до 4 десятин в высшие группы перешло 24,1%, в низшие—2%. С посевом от 2—4 до 10 десятин в высшие группы перешло 20,8%, в низшие—9,5%. Ту же тенденцию показывает и большинство отсталых районов. По рабочему скоту процент хозяйств без скота с 1924 по 1926 г. в РСФСР падает с 31 до 30,4%, с одной головой рабочего скота с 51,4 до 50,2%, с двумя головами—*растет* с 12,5 до 13,8, с тремя головами—с 3,1% до 3,5% и, наконец, с 4 и более головами—с 2% до 2,1%[1]). Таким образом, и здесь, менее ярко, правда, чем в таблицах о посевах, пробивается та же тенденция.

Кулак растет, но в то же время растет и середняк, поднимаются и известные слои бедноты. Именно на основе того роста благосостояния *всей* крестьянской массы, который имел место в последние годы благодаря правильной политике партии, именно, опираясь на окрепшего середняка, которого нам удалось в значительной мере оторвать от кулака, крепче сомкнуть с беднотой и городским пролетариатом, крепче связать с пролетарской диктатурой, именно на этой основе мы и переходим теперь в дальнейшее наступление в деревне, усиливаем нажим на кулака, увеличиваем помощь бедноте, развертываем кооперацию, готовим ее дальнейшее перерастание из *только* сбытовой в производственно-сбытовую и тем самым делаем новый шаг на пути преодоления тенденций расслоения, тенденций капитализма.

У партии нет никаких оснований отказываться от ленинского кооперативного плана. Оппозиционная точка зрения, отрицающая этот план, не видящая никаких различий в развитии деревни при диктатуре пролетариата и при господстве буржуазии, не видящая никаких путей развития нашего сельского хозяйства, кроме капиталистических, насквозь пронизана ликвидаторством и меньшевизмом. Но именно эта точка зрения и составляет существо троцкизма.

[1]) «Статистический справочник ЦСУ», стр. 66, 67 и 81.

*
* *

Содержание платформы в целом—это попытка доказать, что перерождение партии и пролетарской диктатуры неизбежно и находится на полном ходу, что рабочий класс бессилен его остановить, что мелкобуржуазная стихия наступает и побеждает, что Октябрьская революция с каждым годом раскрывается, как революция отнюдь не социалистическая. Этот меньшевистский тезис обосновывается при помощи клеветы, передергиваний и меньшевистской демагогии. Платформа уже не есть критика партии в рамках партии. Платформа—большая и, быть может, последняя веха на пути оппозиции от пораженчества к меньшевизму.

———

Р. Е. Вайсберг.

Контрольные цифры на 1927—28 г. и план социалистического строительства.

I. Единый народнохозяйственный план.

Общеполитические вопросы построения социализма в достаточной степени освещались в нашей печати.

Правильное теоретическое представление по этим вопросам является безусловной и ничем не заменимой предпосылкой наших реальных достижений, подсчитанных «с карандашем в руках» и арифмометром на столе.

На базе ленинской теории партия ведет повседневную широкую практическую работу, открывающую перед нами ряд неизведанных трудностей и целую вереницу новых проблем.

Вопросы практического строительства, тесно увязанные с ленинской теорией, могут быть поняты и правильно разрешены только под углом зрения народнохозяйственного целого, где ни одна проблема не рассматривается раздельно, «по кусочкам», а берется в общей диалектической связи об'ективных возможностей и классовой телеологической установки пролетариата, строящего социализм.

Такой подход к проблемам нашего народного хозяйства властно диктует необходимость выработки народнохозяйственного плана, увязывающего все отрасли народного хозяйства в единое целое и ставящего четко все необходимые и достижимые задания.

Возможен ли для переходного периода вполне совершенный, безошибочный план? Такой план возможен только в коммунистическом обществе, где не будет борьбы классов и противодействия частнохозяйственного сектора обобществленному, как мы это имеем в настоящее время. Переходный период дает возможность планировать только социалистический сектор народного хозяйства и открывает некоторые пути воздействия на частное хозяйство. Но частное хозяйство мы вынуждены учитывать не только в его прошлой динамике, но только в его нынешнем состоянии, но и в его будущих тенденциях развития. Развитие частного хозяйства, с одной стороны, воздействует на развитие социалистического сектора, а с другой стороны, этим последним в значительной степени определяется. Достаточно указать на один недавний пример, подчеркивающий, как сильно влияет политика государства на индивидуальное хозяйство. Когда мы в 1925—26 году вели политику низких цен на технические

культуры, крестьянство ответило на такой курс сокращением посевных площадей под технические растения, что поставило некоторые отрасли государственной промышленности в затруднительное положение. После же повышения цен на технические культуры крестьянство расширило в 1926—27 г. свои посевы под эти растения.

Кроме нашего внутреннего частного хозяйства—капиталистического и некапиталистического—приходится учитывать и такой круг явлений, который не поддается нам ни путем прямого планирования, ни путем даже косвенного регулирования. Мы имеем в виду внешнее капиталистическое окружение, мировые цены, экспортно-импортные проблемы, наши международные экономические и политические отношения.

Возможно ли в таком случае в наших условиях вообще социалистическое планирование? Оно не только возможно, но реальные пути его с каждым годом все больше расширяются. Мы выдвигаем это положение не только потому, что наши пути познания об'ективных процессов усовершенствовались, и не только потому, что наши методы планирования улучшаются, но и еще по двум другим, более существенным причинам. Во-первых, сильное возрастание удельного веса социалистического сектора ведет к тому, что мероприятия по линии воздействия последнего на все остальное хозяйство Союза могут проектироваться с гораздо большей надеждой на осуществление, чем это было раньше. Если прошлые годы приносили нам падение только удельного веса частнокапиталистической торговли, при ее абсолютном возрастании в торгово-посредническом обороте, то 1926—27 г. дает уже падение также и абсолютных размеров ее. Это одна из причин, по которым нам удалось достигнуть в истекшем году значительных успехов по линии снижения розничных цен, и мы имеем основания полагать, что при дальнейшем ослаблении частной конкуренции в 1927—28 г. нам еще в большей степени удастся довести снижение цен до массового потребителя. Во-вторых, не следует забывать положение, которое достаточно общеизвестно, но не теряет от этого ни на йоту своей силы, а именно: мы планируем *командные централизованные высоты, наиболее совершенные по своему техническому и социальному уровню,* а потому всякие достижения в этой области, в отличие от распыленного индивидуального хозяйства, дают неизмеримо больший эффект, чем аналогичные достижения в частном хозяйстве. Все это подводит более твердую базу под работы в области планирования.

В этом году мы имеем значительные достижения в области планирования. Вместе с тем остается ряд дефектов, которые должны быть осознаны и формулированы для того, чтобы бороться за их изживание в дальнейшем. Мы не имеем еще баланса народного хозяйства, а без такового составлять контр. цифры очень трудно. Многие вопросы, связанные не только с частным, но и с социалистическим хозяйством, не изучены.

«Контрольные цифры» приходится составлять до окончания текущего хоз. года, без достаточно достоверных данных за последний, предконтрольный год.

Достаточно продумать вытекающие из этих затруднений недостатки работы для того, чтобы понять условность наших цифр

вых проектировок. Принимая, кроме того, во внимание, несовершенство статистических данных, *следует сугубо остерегаться фетишизирования цифр. Дело не в цифрах, а в тех экономических процессах и плановых замыслах, которые за ними скрываются.* Вот эту *экономическую*, а не статистическую сторону дела мы выдвигаем на первый план в «контрольных цифрах» [1]).

Огромное значение для работы по «контрольным цифрам» в этом году имеет то обстоятельство, что они впервые обсуждались на об'единенном пленуме ЦК и ЦКК (в июле). При чем это обсуждение происходило *после* составления предварительных экономических директив на ближайший год и *до* окончательной компановки «контрольных цифр». Это способствовало, с одной стороны, осознанию партией тех основных проблем, которые выдвигает перед нею 1927—28 год, а с другой стороны, установлению тех руководящих, принципиальных политических линий, по которым контрольные цифры должны строиться.

На основе более или менее правильно намеченных об'ективных тенденций, разрабатывается целая система экономических мероприятий, утверждаемых руководящими партийными и государственными органами. Оставляя оперативным органам достаточно простора для маневрирования, *утвержденные мероприятия становятся обязательными при намечении оперативных планов.*

Таким образом, «контрольные цифры», бывшие до сих пор плановой ориентировкой, делают в этом году значительный шаг по пути приближения к *единому народнохозяйственному плану. «Контрольные цифры» становятся единым социалистическим планом на ближайший год. Все их сильные и слабые места должны быть оцениваемы именно с этой точки зрения.*

Поэтому мы заранее отметаем не только всякую *узко-ведомственную критику*, оценивающую план с точки зрения своей колокольни, но и всякие якобы «общие» взгляды, забывающие или не знающие, что мы должны, поскольку это возможно в данных условиях, строить план социалистического развития. Мы a priori отвергаем распространенный среди некоторых беспартийных специалистов и даже среди некоторых партийцев взгляд на план с точки зрения *голого принципа производительных сил, без учета социально-классовых форм*, в которых производительные силы развиваются. Мы отвергаем также и всякие псевдо-коммунистические, а на деле анархо-синдикалистские тенденции поставить знак равенства между *узко-цеховыми* стремлениями рабочих и *историческими* задачами пролетариата в переходный период. *Не умаляя значения этих и подобных моментов, всячески изучая и взвешивая их, «Контрольные цифры» синтезируют их под углом зрения более общей задачи нашего хозяйства—задачи социалистического развития.*

2. Условия нового хозяйственного года.

1927—28 год вводит нас во второй год реконструкции. Так называемый восстановительный процесс закончился, но некоторые остатки его, восстановительные «хвосты», еще имеются. Вообще между восстановительным и реконструктивным периодом нельзя установить точной границы.

[1]) В этом смысле само название «контрольные цифры» недостаточно отвечает своему существу.

Народнохозяйственное развитие давно идет по путям, определенным не довоенными условиями, но советскими условиями. *Пресловутый довоенный уровень достигается различными отраслями народного хозяйства в разные сроки.* Если промышленная продукция в 1926—27 г. на 5,2% превысила довоенный уровень, то сельское хозяйство в том же году превзошло довоенный уровень на 1%, а по размеру посевных площадей еще в 1927—28 году отстает на 2,3% от довоенного уровня. По товарности его отставание еще больше. Площадь под пшеницей, например, отстает еще на 22,1% от довоенной. Длина жел.-дор. сети уже в 1924—25 году превышала довоенную на 27,2%, а животноводство только в 1927—28 году впервые превысит довоенный уровень (на 2,8%). Весь экспорт составит в 1927—1928 году только 27,6% довоенного, а экспорт нефти в том же году превысит довоенный экспорт на целых 107%, т. е. будет больше чем вдвое выше довоенного уровня. Эти краткие данные, при всей условности сопоставления с довоенным уровнем, говорят о *реконструкции в самом соотношении* отдельных отраслей народного хозяйства. Мы не останавливаемся на *социальной реконструкции*, произведенной Октябрьской революцией, ибо это не требует особых об'яснений. Если мы все же называем 1927—1928 год вторым годом реконструкции, то это относится, главным образом, к тому *техническому процессу* перестройки основных фондов промышленности, который начался одновременно с исчерпанием восстановительных возможностей или за некоторое время до их окончательного использования.

Из других особенностей наступающего хозяйственного года отметим международные условия. Разрыв с Англией и целый ряд других неблагоприятных международных моментов, имевших место в 1926—1927 г., ставит остро вопрос об обороне страны. Мы *не* строим плана народного хозяйства с точки зрения *непосредственных* интересов войны. В этом смысле 1927—28 год остается годом мирного строительства с сохранением курса и *возможностей индустриализации.* Но эта последняя корректируется задачами обороны, которая, с одной стороны, сама вызывает необходимость дальнейшей индустриализации, а с другой, урезывает средства индустриализации. В этом году темп индустриализации ограничивается, кроме того, условиями заграничного кредитования, стеснением экспортно-импортных возможностей и т. д. С другой стороны, третий хороший урожай (а в Сибири четвертый), некоторые результаты рационализации и реконструкции и, наконец,—что наиболее важно—социалистический тип нашей организации дают нам возможность проектировать на будущий год *гораздо более высокие темпы, чем довоенные*, хотя они и уступают «восстановительным» темпам развития.

В 1927/28 г. *контроль довоенных соотношений все больше и больше теряет свою силу над нашим хозяйством*, что видно из следующих данных (см. табл. на след. стр.).

Что касается темпов нарастания, то валовая продукция цензовой промышленности вырастает в 1927/28 г. на 14,3% против 15,1% в 1926/27 году, а товарная часть на 15% против 15,1% в 1926—27 г.

Говоря о перспективах 1927/28 года, следует отметить, что в будущем году возможен, после ряда урожайных лет, *недород.* Конечно, это дело гадательное. Неурожай может и не быть. Во

Валовая продукция.	Единица исчисл.	1913 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	В %/% к 1913 г.	
					1926/27 г.	1927/28 г.
А. Промышленность:						
1. Уголь	тыс. тонн	29.055	31.116	38.095	107.1	124,1
2. Нефть	»	9.194	10.039	11.043	109,7	120,7
3. Чугун	»	4.206	2.965	3.460	70,5	82,3
4. Металл	»	3.509	2.677	2.990	76,3	85,2
5. Бумажная ткань	млн. мт.	2.238	2.359	2.508	105,4	112,0
6. Галоши.	млн. пар	27,9	30,6	37,0	109,6	132,6
7. Соль.	тыс. тонн	1.946	1.985	2.223	102,0	114,2
Б. Сельское хозяйство:						
Посевная площадь	тыс. дес.	108.103	102.853	105.484	95,4	97,6
В. Транспорт:						
Длина жел.-дор. сети	тыс. клм.	58,5	76,2	77,2	130,3	132,0
Грузооборот . . .	млн. тонн	132,4	131,2	150,6	99,1	114,2
Г. Связь:						
Общее количество отпр.	млн. экз.	978	1.234	1.328	126,2	135,8
В т. ч. период. изд.	»	358	599	634	167,3	177,1

всяком случае, не учитывать такой печальной перспективы при том условии, когда наше сельское хозяйство не имеет в себе достаточных иммунитетов против стихийных бедствий, было бы легкомысленно. В связи с этим 1927/28 год ставит перед нами *вопрос о накоплении запасов*. Вопрос этот связан также с задачами обороны и с общим темпом развертывания народного хозяйства: нормальный темп развертывания народного хозяйства требует достаточного количества резервов (валютных, хлебных и т. д.), ибо малейший дефицит может создать перебои в нормальной работе и затруднить условия маневрирования.

Как раз в связи с ухудшившимися международными условиями, мы должны в этом году приложить все усилия к тому, чтобы *форсировать наш экспорт*, завоевывая новые рынки. Развитие экспортных отраслей народного хозяйства и качественное улучшение всей работы по экспорту и импорту становятся одной из наиболее актуальных проблем. Вопреки намерениям наших врагов мы имеем возможность добиться на этом участке больших достижений.

Среди особенностей наступающего года следует отметить, что если в нем, с одной стороны, наиболее слабы восстановительные возможности, то, с другой стороны, уже начинают созревать *первые плоды* капитальных вложений и реконструкции. Частично начинают вступать в действие новые предприятия.

Отметим, наконец, что в 1927/28 году должно особенно сказаться то обстоятельство, что мы приступаем к реконструкции,

не имея заранее накопленных средств, не имея достаточных ресурсов для капитальных вложений. Нам приходится разворачивать хозяйственную работу в расчете на те средства и на то накопление, которые поступят в народное хозяйство в наступающем хозяйственном году. Трудности хозяйственного строительства осложняются тем, что нам приходится технически реконструировать народное хозяйство средствами *текущего накопления*.

3. Капитальное строительство, индустриализация и реконструкция.

Одной из центральных проблем «контрольных цифр» на 1927—1928 год является проблема капитального строительства. Эта проблема становится особо сложной в наступающем году в виду того, что этот год, почти лишенный всяких восстановительных остатков, вводит нас в такую полосу строительства, когда проектировка последнего на короткий годовой срок совершенно не достаточна. Вопросы размещения промышленности, электрификации и отдельных отраслей сельскохозяйственного производства и т. д. не укладываются в рамки «контрольных цифр» на один год. Это—вопросы длительного периода социалистического строительства, и в «контрольных цифрах» они могут разрешаться только как годовой отрезок рассчитанного на долгие годы перспективного планирования. К сожалению, такого вполне законченного плана мы еще не имеем. Второе затруднение, связанное с капитальным строительством, заключается в том, что до сих пор обращалось недостаточно внимания *на качество капитального строительства и на эффективность капитальных затрат.*

Капитальное строительство приобретает местами характер слишком децентрализованный. Естественное и понятное стремление каждой республики, каждого района и чуть ли не каждого округа индустриализовать свое хозяйство ведет к тому, что затраты на капитальные вложения несколько распыляются. С другой стороны, некоторая «экстенсивность» вложений ведет к тому, что в одно и то же время начинаются новые строительства во многих местах, что заставляет задерживать темп капитального строительства. При большей концентрации вложений мы могли бы ввести в действие новые заводы в более близкое время. Это повело бы к скорейшему увеличению массы товаров в стране и к смягчению безработицы. При всех трудностях, организационных и всяких иных, которые стоят на этом пути, следует поставить себе задачей *максимально концентрировать вложения в капитальное строительство* для того, чтобы в кратчайший срок добиться наибольшей эффективности. Капитальное строительство является делом новым для нас, и мы до сих пор не успели уделить качественной стороне этого вопроса достаточно внимания. Наступающий год и следующие за ним годы должны внести в эту область значительные коррективы.

Мы успели за 3 года с 1924—25 года по 1926—27 год вложить в капитальное строительство около 5,9 млрд. рублей по социалистическому сектору, что за вычетом износа составляет 2,7 млрд. рублей. Доминирующую роль в этих вложениях играет промышленность, на долю которой падает 2,1 млрд. рублей, на транспорт приходится 1,3 млрд. руб., в электрификацию вложено 300 милл. руб., в торговлю—свыше 500 милл. и т. д. Из тех средств, которые идут на капитальное строительство промышлен-

ности, наибольшую долю поглощает тяжелая индустрия, что свидетельствует о том, что партия энергично проводит политику индустриализации страны. В 1925—26 году на долю тяжелой индустрии пришлось 64% всех капитальных вложений, а в 1926—27 году—73%. На две отрасли—металл и топливо—в 1925—1926 году приходится около 50% всех вложений, а в 1926—27 году—около 60%. Реконструктивный характер капитальных вложений из года в год усиливается. Если в 1925—26 году на строительство новых заводов было затрачено 12% капитальных вложений, то в 1926—27 году это строительство поглощает 21%. Особенно высок реконструктивный характер вложений в таких отраслях, как нефть, текстиль, уголь и т. д. Менее реконструктивный характер носят вложения в транспорт. Наиболее эффективным является новое электростроительство. Что касается 1927—26 г., то размер капитальных вложений увеличивается в сравнении с прошлым годом на 680 мил. рублей по обобществленному сектору, при чем в новом году сумма новых вложений в промышленность будет равняться 1.264 млн. рублей против 1.011 млн. рублей в 1926—27 г., в транспорт—594,2 млн. руб. против 418,9 млн. руб. истекшего года и т. д. Самым больным вопросом строительства является его дороговизна. Строительный индекс стоит значительно выше общего индекса. Задачей ближайшего года является снижение себестоимости строительства к концу 1927—28 года—до 15%. Это значительное задание будет выполнено при улучшении качества работы в этой области.

Вообще успехи и гарантии социалистического развития коренятся на данной ступени переходного периода не только и не столько в количественных достижениях, сколько в под'еме качества всей работы. 1926—27 г., который является только первым годом реконструкции, дает уже в этом отношении целый ряд знаменательных достижений. Эти достижения наиболее ярко выявляются в промышленности. Они об'ясняются, с одной стороны, первыми достижениями реконструкции, а с другой—наибольшей загрузкой предприятий.

Качественный рост по этой линии дает и свои количественные результаты в смысле общего под'ема производительности труда, в смысле сокращения затрат человеческого труда на единицу продукции. Общие суммарные данные таковы: если в 1925—26 году на увеличение продукции на один миллион рублей требовалась добавочная рабочая сила в размере 266 рабочих, то в 1926—27 году требуется уже только 166 рабочих, а в 1927—26 году тот же эффект будет достигаться при увеличении рабочей силы только на 83 человека.

Эффективность достижений по отдельным отраслям в смысле сокращения необходимой рабочей силы на единицу продукции характеризуется следующей табличкой:

Количество новой рабочей силы на 1 млн. новой продукции.

	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Металлическая	442	227	113
Каменноугольная	919	907	289
Нефтяная	9	—	—
Хлопчато-бумажная	313	81	5
Резиновая	200	—	—

Особенно выделяется нефтяная, резиновая и хлопчато-бумажная промышленность, которые в будущем году или вовсе не увеличивают занятой рабочей силы или увеличивают ее на незначительный процент, при условии значительного роста продукции.

Каков основной экономический процесс, происходящий в стране: индустриализация или аграризация?

Ответ на этот вопрос дают несколько цифровых данных. Удельный вес сельского хозяйства во всей продукции страны снизился с 67,6% в 1924—25 до 62,0% в 1926—27 году и упадет в 1927—28 г. до 59,8%. Удельный же вес промышленности наоборот, возрастает о 32,4% в 1924—25 г. до 38,0% в 1926—27 году и увеличится до 40,2% в 1927—28 году. Это—по продукции. Аналогичную тенденцию дают и показатели товарной массы, которые растут в промышленности с 53,2% в 1924—25 году до 64,2% в 1927—26 г. и соответственно снижают удельный вес товарной массы сельского хозяйства с 46,6% до 39,3.

В этих кратких цифрах ярко выступает как основной характер нашей экономики, так и тенденции ее развития. Валовая продукция и товарная часть сельского хозяйства выше промышленного производства, но из года в год этот аграрно-индустриальный характер страны изменяется в сторону индустриализации.

Что касается развития отраслей, производящих средства производства и производящих средства потребления, то первые нарастают ежегодно более быстрым темпом, чем вторые. Средства производства нарастали в следующем темпе: в 1925—26 г. (по довоенным ценам) на 44,6%, в 1926—27 г. на 21,9%, в 1927—26 г. на 17%, по тем же годам темп возрастания средств потребления составляет: 45,5%, 10,7% и 12,4%. Темп развития средств производства обгоняет темп развития средств потребления.

Если обратиться к вопросу о том, каков удельный вес производства средств производства и производства средств потребления, то мы будем иметь такую картину: с 1924—25 года по 1926—27 год удельный вес отраслей, производящих *преимущественно* средства производства, возрастает с 34,4% до 36,1% по современным ценам или с 39,0% до 41,2% в довоенных ценах. Соответственно удельный вес отраслей, производящих *преимущественно* средства потребления, падает с 1924—25 года по 1926—27 год с 65,6% до 61,9% в современных ценах или с 61,0% до 58,6% в довоенных ценах. И даже в 1927—28 году удельный вес отраслей, производящих преимущественно средства производства, возрастет до 42,2% в довоенных ценах или до 36,3% в современных ценах, а удельный вес отраслей, производящих преимущественно средства потребления, упадет до 57,8% в довоенных ценах или до 61,7% в червонной оценке.

Мы должны, однако, обратить внимание читателя на то, что приведенные нами данные не отвечают полностью на вопрос о соотношении продукции средств производства и средств потребления. Дело в том, что эти данные касаются отраслей, производящих главным образом, но не исключительно, средства производства или средства потребления. Одна и та же отрасль производства, например, резиновая, производит одну группу товаров, которая обслуживает нужды производства, и другую групу товаров, обслуживающую нужды широкого потребления. Для того, чтобы ответить на вопрос о том, как у нас развивается

продукция средств производства и продукция средств потребления порознь, следует изучить для каждого данного года состав каждой отрасли промышленности по отдельным товарам. По целому ряду технических и статистических причин, в обсуждение которых мы не станем здесь входить, в «Контрольных цифрах на 1927—28 год» не произведено разбивки на отдельные товары. Оперируя понятием отраслей, производящих преимущественно средства производства или средства потребления, мы получаем не совсем правильную картину индустриализации. Искажение происходит не в сторону увеличения, но, наоборот, в сторону преуменьшения действительных размеров той продукции, которая является средствами производства, т.-е. *действительные размеры индустриализации нашей статистикой преуменьшаются.*

В доказательство этого положения мы укажем па то, что в прошлом году при составлении «Контрольных цифр на 1926—27 год» Госплан располагал данными, относящимн одни группы товаров, по особой номенклатуре, к средствам производства, а другие к средствам потребления, безотносительно к тому, в каких отраслях эти товары производятся. По этим данным удельный вес товаров, относящихся к средствам производства, составлял в довоенных ценах в 1924—25 году 52,8% (вместо 37,4%, составляющих для этого года удельный вес отраслей, производящих преимущественно средства производства), в 1925—1926 году—54,4%, а в 1926—27 году—56,1%. Соответственно, удельный вес товаров, относящихся к предметам потребления, составлял в 1924—25 году (по довоенным ценам 47,2%, вместо 62,2%, составляющих для этого года удельный вес отраслей, производящих преимущественно предметы потребления), в 1925—26 году—45,6% и в 1926—27 году—43,9%.

По приведенным двум вариантам, из которых один явно преуменьшает достигнутый уровень индустриализации, ясно, что тенденция развития является совершенно бесспорной: *партия выполняет директиву XIV с'езда о том, что темп развития производства средств производства должен обгонять темп развития производства средств потребления.*

4. Труд.

Одним из вопросов, который заостряет оппозиция, является вопрос о том, каково соотношение реальной заработной платы и производительности труда. По исчислению, произведенному секцией труда Госплана СССР рост заработной платы все время обгоняет рост производительности труда. За последние 3½ года (январь 1924 г. — июль 1927 г.) средне-месячный рост реальной производительности труда составлял 1%, а средне-месячный прирост зарплаты составлял 1,2%. *Разговоры о том, будто у нас заработная плата отстает от производительности труда, не имеют под собой достаточных оснований.* Мы имели за последние годы значительное нарастание заработной платы, что об'ясняется не только социальной природой нашего государства, но и тем абсолютным уровнем, на котором заработная плата находилась. В течение первых лет новой экономической политики рабочий класс постепенно выходил из нищенского состояния, повышая уровень своей заработной

платы. В настоящее время перед нами стоит еще задача подтягивания отсталых отраслей заработной платы. Но дальнейшее повышение заработной платы не может итти исключительно по линии повышения номинальной заработной платы. Центр тяжести должен быть перенесен на *повышение реальной заработной платы путем снижения цен.* Проектировка 1927—28 года исходит из того, что повышение реальной заработной платы на 11,8% должно быть достигнуто путем повышения номинальной заработной платы только на 6%, а остальное—путем предстоящего дальнейшего снижения цен. Некоторые успехи имеются у нас уже в этом году, но они могут быть еще большими в наступающем году.

Самым острым вопросом, однако, является вопрос о безработице. Общее количество занятой в социалистическом секторе наемной рабочей силы повышается в новом хозяйственном году на незначительный процент. Это связано с целым рядом положительных моментов, идущих по линии повышения качества работы, но диалектически эти положительные достижения выпирают в виде отрицательных моментов. Увеличивается абсолютный размер безработицы, или по крайней мере это не способствует ее значительному смягчению. В 1927—28 г. предстоит сокращение штатов в административных учреждениях. При этом надо иметь в виду еще следующее обстоятельство. В промышленности имелась избыточная рабочая сила, которая появилась в 1925—26 году, когда по капитальным вложениям значительно разошлись плановые предположения с действительным выполнением. Привлеченные тогда излишние рабочие в некоторой степени рассасывались в 1926—27 году и в незначительной степени будут еще «рассасываться» в наступающем хозяйственном году. С другой стороны, перед нами стоит вопрос о деревенской безработице. Она не будет в наступающем году ликвидирована, но все же она в значительной степени смягчится благодаря географии урожая данного года. Урожай 1927—28 года падает, главным образом, на районы мелкотоварного хозяйства, которые дают значительный отход безработных (Северо-Западный район, Центрально-Промышленный район и т. д.). Благодаря хорошему урожаю именно в этих районах, как можно полагать, рабочая сила будет занята в деревне в большей степени, чем это имело место в прошлом году. Было бы, однако, глубочайшей ошибкой закрывать глаза на то, что абсолютный размер безработицы в наступающем году не сократится. Мы будем иметь только снижение темпа роста безработных. Если в 1925—26 году их количество выросло на 40%, то в 1927—28 году оно возрастает на 16,7%. Такое положение вещей ставит перед нами вопрос об усилении борьбы с безработицей. Мероприятия в этой области должны быть рассчитаны не на 1 год, а на целый ряд лет. Сюда входят мероприятия по переселению безработных из аграрно-перенаселенных районов, стимулирование трудоемких культур в сельском хозяйстве и т. д., и т. д. На 1927—28 год предполагается ряд массовых работ, расширение дорожного строительства в размерах около 100 милл. руб. и т. д. Вместе с тем специальные средства, ассигнуемые на борьбу с безработицей, увеличиваются до 132 милл. руб. Общественные работы, выраженные в человеко-днях, предполагается увеличить в 1927—28 году на 42,7%. Общая линия борьбы с безработицей должна заключаться

не столько в собесовской помощи, сколько *в организации целого ряда новых работ, способствующих ликвидации безработицы.* В этом отношении значительную роль может сыграть и развитие мелкокустарной промышленности, которое должно итти, главным образом, в кооперированных формах. Рост мелкой промышленности намечен нами на будущий год на 8% довоенных, или 5,3% червонных цен. При этом рост промысловой кооперации запроектирован на 30,5% по довоенным ценам или на 27% по современным ценам (с учетом снижения цен в будущем году).

5. Бюджет и кредит.

Наш государственный бюджет играет роль *перераспределителя национального* дохода в интересах социалистического строительства и индустриализации страны. Пятимиллиардный бюджет 1926—27 г. был выполнен с некоторым напряжением. Хотя номинально выполнение бюджета совпадает с бюджетным планом, тем не менее мы имели в этом году перевыполнение бюджета, которое об'ясняется тем, что покупательная сила рубля повысилась. Мы получили к концу года бюджет в более полноценных рублях, чем это было запроектировано вначале. Проектируя бюджет на 1927—28 г., следует исходить из того, что реконструктивный период ставит более жесткие рамки в смысле роста всех показателей народнохозяйственного развития, в том числе и бюджета. Но с другой стороны, если расценивать бюджет под углом зрения распределения прибавочного продукта в стране и передачи определенной части этого продукта социалистическому строительству, то роль бюджета в наступающем хозяйственном году повышается. Абсолютный размер бюджета намечен в сумме 5.570 милл., что составляет по отношению к прошлому году прирост на 10%. По отношению к народному доходу сводный бюджет составляет в 1924—25 г.—23,8%, в 1925—26 г.—24,8%, в 1926—27 г.—28,2%, в 1927—28 г.—29,3%. Если просмотреть соотношения бюджета и товарной массы каждого года, то картина такова: в 1924—25 году бюджет составлял 28,4%, в 1925—26 г.— 29,5%, в 1926—27 г.—30,1%, в 1927—28 году—36,1% по отношению к товарной массе страны. Как мы видим, *и в отношении товарной массы и в отношении народного дохода, роль бюджетного из'ятия беспрерывно увеличивается.* Вместе с тем такую тенденцию нельзя признать слишком обременительной для народного хозяйства, так как последнее находится в периоде значительного под'ема.

Но и то направление, которое получают бюджетные средства, ведет в конечном счете к увеличению благосостояния страны.

Ежегодный процент ассигнований на финансирование народного хозяйства увеличивается. Если в 1924—25 году финансирование народного хозяйства поглощало 25,8%, в 1925—26 году—оно поглощало—27,9%, в 1926—27 году—33,2%, то, наконец, в 1927—28 г.—35,4%. Интересно, как распределяется за эти годы финансирование народного хозяйства по отдельным отраслям (см. табл. на стр. 35).

Из этой таблицы мы видим, что *количество средств, отпущенных на финансирование народного хозяйства с 1924—25 г. по 1927—28 год почти утроилось.* Удельный вес финансирования промышленности и электрификации занимает главное место. На втором месте стоят новые работы на транспорте, за ними сле-

Отрасли хозяйства.	1924/25 г.		1925/26 г.		1926/27 г.		1927/28 г.	
	В млн. р.	В % к итогу	В млн. р.	В % к итогу	В млн. р.	В % к итогу	В млн. р.	В % к итогу
Сельское хозяйство . .	149,5	27,8	162,1	20,7	151,5	12,7	106,0	11,0
Промышленность . . .	157,6	29,4	196,5	25,1	443,0	37,0	510,0	31,7
Платежи по займам хоз. восстановления . . .	—	—	5,0	0,6	60,0	5,0	30,0	2,1
Электрификация	51,6	9,6	66,6	8,5	95,0	7,9	140,0	9,6
Торговля и кооперация	22,8	4,2	25,2	3,2	85,4	7,1	90,0	6,2
Коммунал. строит. . . .	36,0	6,7	70,7	9,0	40,0	3,3	50,0	3,4
Новые работы на трансп.	107,7	20,0	233,6	29,9	295,4	24,5	483,5	34,1
Новые работы по связи	12,1	2,1	22,7	2,9	27,2	2,3	25,6	1,9
Итого . . .	537,3	100,0	782,4	100,0	1.197,5	100,0	1 491,2	100,0

дует финансирование сельского хозяйства и т. д. В этих цифрах роль бюджета, как рычага индустриализации страны, с достаточной отчетливостью выявляется.

На ряду с этим *увеличиваются ассигнования и на социально-культурные расходы.* Они составляли в 1924—25 году—167,5 млн. и, беспрерывно увеличиваясь, достигнут в 1927—28 году 301,6 млн., т.-е. почти удвоятся. Мы не можем признать даже эту удвоенную цифру достаточной для нашей культурно-отсталой, малограмотной страны. В наших условиях культурное строительство является одним из путей, способствующих индустриализации и социалистическому развитию страны. Тем не менее запроектирование еще больших средств на социально-культурные расходы в будущем году должно было бы вызвать сокращение расходов на финансирование отдельных отраслей народного хозяйства, что является, конечно, недопустимым. Если сопоставить, с одной стороны, расходы по финансированию народного хозяйства, а с другой стороны, все прочие расходы, то мы получим картину *беспрерывного снижения удельного веса всех прочих расходов.* Они падают с 52,4% в 1924—25 году до 41,5% в 1927—28 г.

В истекшем году кредитная система была несколько напряженной в связи с тем, что на ее долю выпало кредитование некоторых непредвиденных нужд транспорта, промышленности и т. д. «Контрольные цифры на 1927—28 год» намечают существенную передвижку в области кредита. Если в 1926—27 году некоторые краткосрочные кредиты фактически были превращены в долгосрочные кредиты, то этого положения в наступающем году, повидимому, не будет, так как нами намечается *увеличение сумм по долгосрочному кредитованию.* Прирост краткосрочного кредита намечается в 400 млн. руб., а долгосрочного — в 775 милл. рублей. Увеличение сумм по долгосрочному кредиту, как и упорядочение вопроса о долгосрочном кредите, вызывается теми задачами реконструкции, которые стоят в настоящее время перед народным хозяйством. Одним из самых больных вопросов в области кредита является *дороговизна его.* В 1927—28 году намечается некоторое *удешевление кредита.* Что касается *денежного обращения,* то в первой половине 1926—27 г.

оно было в общем и целом нормальным. Денежная масса в достаточной степени соответствовала потребностям оборота. 1926—27 год прошел, несмотря на некоторое напряжение кредитной системы, без инфляционных явлений. Однако, мы и в дальнейшем должны придерживаться осторожной политики в области выпуска эмиссии. Повышение покупательной способности рубля, которое нами достигнуто в этом году, нельзя признать достаточным, и по этой линии нам предстоит еще преодоление больших трудностей. Исходя из общей оценки урожая данного года, при росте товарной массы промышленности и сельского хозяйства, и исходя даже из политики снижения цен и сокращения разрыва между оптовыми и розничными ценами, мы считаем возможным проектировать рост эмиссии на будущий год в 200 млн. рублей, что составит прирост к денежной массе, находящейся в обращении к концу 1926—27 года около 12%.

Следует, однако, отметить, что роль кредита, в связи с ростом социалистического хозяйства и методов прямого перераспределения дохода, относительно сокращается. *Роль бюджета, как источника финансирования народного хозяйства, в противовес кредиту все больше увеличивается.*

Источники финансирования.

Годы.	Из бюджетн. средств	Из кредитн. средств	Всего
	В процентах		
1924/25 г. . . .	26,1	73,9	100
1925/26 г. . . .	45,9	54,1	100
1926/27 г. (I кв.)	58,6	41,4	100

6. О товарном голоде.

Перейдем теперь к одному вопросу, который является «коньком» нашей оппозиции. Это вопрос о товарном голоде и о рыночном равновесии. Будет ли у нас товарный голод в 1927—28 г.? В общей, наиболее суммарной форме на этот вопрос можно ответить *отрицательно* и подтвердить этот ответ следующими данными: по довоенным ценам доходы населения растут в 1927/28 хозяйственном году на 9,7%, а товарная часть продукции предметов широкого потребления растет на 11,8% (по отпускным ценам). Переводя довоенные цены в червонные, с учетом предстоящего в будущем году дальнейшего снижения цен, мы получим аналогичную картину: рост доходов населения на 5,1% и рост товарной части тех же предметов широкого потребления на 7,7%. По этим данным у нас не только не будет дефицита, но намечается даже некоторый избыток предложения.

Мы могли бы поставить здесь на этом вопросе точку, если б партия действительно подходила к основным вопросам хозяйственной политики по-чиновничьи, как об этом неизменно твердит оппозиция. Но партия, ответственная за руководство экономической политикой Союза, обязана знать и вскрывать те подводные камни, которые могут ей встретиться, для того, чтобы принять своевременно соответствующие меры.

Какие же имеются у нас отрицательные моменты?

Те приросты, о которых мы говорим, происходят на основе не вполне изжитого товарного голода. 1926—27 год был годом рыночного равновесия, но это был первый более или менее благополучный год, и он не успел вполне закрепить собственных достижений. Уже летом этого года на рынке наблюдаются рецидивы товарного голода. Надо посмотреть, не грозят ли нам такие же рецидивы и в следующем году.

В таких сложных вопросах экономический анализ часто делается жертвой статистического ослепления. Если мы оперируем такими крупными данными, как товарная масса, составляющая в 1927—28 году (вместе с импортными пошлинами и акцизом) 21.685 млн. черв. рублей и народным доходом в 13.191 млн. черв. руб., то возможны крупные просчеты в пределах статистически допустимой ошибки.

При таких колоссальных суммах, благодаря несовершенству статистических данных, ошибиться на какие-нибудь 100 или 300 млн.—это сущий пустяк. С одной стороны, мы имеем 30-миллиардную товарную массу, а с другой стороны, возможные просчеты в 300—500 млн. Чем больше охват, тем ошибка меньше, тем проектировка надежней, но к чем большим цифрам мы переходим, тем абсолютные размеры ошибки больше; ошибка в ту или иную сторону может исчисляться сотнями миллионов. А как раз в нашей политической жизни эта *статистически допустимая ошибка играет очень большую роль*, потому что от того, снизится ли у нас товарный голод на 100 млн. или повысится на 50 млн., зависит целый ряд ответственных политических выводов. Тут надо прямо и честно сказать, что *на сей день наша статистика является еще настолько несовершенной, что она не в состоянии с математической точностью ответить на этот сугубо важный вопрос.*

Но как получается *суммарный, общий товарный избыток или дефицит?* Ведь мы тут складываем галоши с кровельным железом. Вы можете иметь избыток одного товара и недостаток другого. Все это складывается в одну кучу и выводится общий баланс, но если ситца на рынке нет, то крестьянин не может вместо ситца употреблять махорку. Некоторые острят, в том смысле, что качество товаров таково, что ситец можно курить, но махорку не наденешь на себя. Ту вселенскую смазь, которую представляет собой общий товарный дефицит следует заменить дифференциацией спроса и предложения по отдельным товарам. Если так подойти к вопросу, то намечается избыток одних товаров и недостаток других. У нас будет недостаток ситца, стекла, металла, будет избыток сахара, табака, чая, если мы ввезем его в достаточном количестве, а его намечается ввезти в достаточном количестве, потому что достаточная или даже избыточная продукция сахара вынуждает к этому.

В наступающем году мы будем иметь усложняющие моменты в виде улучшения качества продукции и снижения цен. Что для нашего хозяйственного организма продолжение работы по этим двум линиям абсолютно необходимо, понятно даже для умников из оппозиции, которые делают вопрос о качестве продукции орудием борьбы против партии и (на словах по край-

ней мере) признают необходимость снижения цен. На 1927—28 г. запроектировано значительное улучшение качества продукции, что снижает количество ее. По отдельным наиболее дефицитным товарам у нас получается, например, такая картина:

Валовая продукция.

В %% к предшествующему году.

Название отраслей	В довоен. ценах		В червон. ценах	
	1926—27	1927—28	1926—27	1927—28
1. Хлопч.-бум. пром. . . .	117,7	108,5	111,7	101,3
2. Шерстяная .	115,0	106,0	105,9	95,4
3. Кожевенная	121,5	113,0	115,1	109,7

Обострение возможно также с оконным стеклом и черными металлами.

Положение таково, что, не *опасаясь общего товарного голода* (из этой стадии мы уже вышли), мы *стоим перед опасностью дефицита на отдельные ходовые товары* в наиболее решающие моменты хозяйственного года. В связи с этим стоит и вопрос о том спросе, который может пред'явить деревня на основе нового урожая.

Мы имели два подсчета нового урожая. Тот подсчет, который был дан в июне—июле вызывал опасения, что крестьянство не будет возить хлеб на рынок. Это было еще связано также со слухами о войне. Хлебозаготовительные органы пошли по линии повышения хлебных цен в некоторых районах. Однако, последние данные, которыми мы располагаем в настоящее время, говорят о том, что рост товарного выхода будет по довоенным ценам на 8,7% выше прошлогоднего. Рост технических культур превышает прошлогодние размеры на 18,7%, достигая еще больших размеров по сахарной свекле—до 60%.

Если в таких условиях продолжать политику повышения с.-х. цен, то мы искусственно настолько повысим покупательный фонд деревни, что не будем в состоянии с' ним справиться.

Сейчас [1]) отдельные корреспондентские сообщения говорят о том, что хлебозаготовительная кампания идет очень хорошо. Придется сманеврировать так, чтобы задержать повышение с.-х. цен и при этом сделать шаг к разрешению еще одной более важной задачи. Дело в том, что нам необходимо держать курс на снижение общего уровня цен и приближение их к уровню мировых цен. Если мы в прошлом году снижали цены на промтовары, то это должно отразиться и на уровне с.-х. цен. Было бы *нецелесообразно* требовать теперь *же резкого* снижения с.-х. цен в виду наличия «ножниц» между с.-х. и промышленными це-

[1]) Сентябрь 1927 г.

нами, но во всяком случае мы должны и можем пойти теперь на стабилизацию с.-х. цен.

Исходя из этих соображений «Контрольные цифры» намечают снижение нынешнего уровня заготовительных цен на зерно до среднего уровня 1926—27 г., сохранение цен на технические растения на весеннем уровне и снижение цен на животноводческие продукты.

На ряду с этим для того, чтобы дать толчок к дальнейшему снижению промышленных цен, следует в ближайшее время обратить исключительное внимание на снижение цен по средствам производства. Этот ценообразующий фактор должен облегчить возможности последующего снижения цен на предметы широкого потребления.

Снижение цен на промтовары в основном зависит от размеров себестоимости. Снижение последней намечено в 6%.

В целях дальнейшего закрепления успехов в области изживания товарного голода, в целях предотвращения балансовых невязок между спросом и предложением необходимо ввезти из-за границы недостающее количество сырья для расширения производства дефицитных предметов потребления.

Оснований для разговоров *об общем* товарном голоде нет. Отдельные грозные участки еще остаются. Для предотвращения возможных на этом фронте прорывов намечены соответствующие экономические мероприятия.

7. К капитализму или к социализму?

Развитие социальных отношений и в особенности развитие социалистических форм происходит в диалектических противоречиях. На каждой ступени переходного периода мы обязаны отвечать на ленинский вопрос о том, кто кого побеждает: социализм—капитализм, или наоборот? С этой целью «Контрольные цифры» изучают не только взаимоотношения между отдельными отраслями производства, но и между социальными секторами. Однако, уже по линии этих методологических вопросов наша работа приходит в конфликт с теми принципиальными установками, которые дает как платформа «15-ти», так и экономическая теория тов. Преображенского. Что касается платформы 15-ти, то, как известно, она отрицает возможность и необходимость деления нашего хозяйства на социальные секторы, об'являя такой метод антиленинским наваждением. Составители платформы попросту не понимают, что именно Ленин имел в виду взаимоотношения между отдельными формами хозяйства («секторами»), когда повернул внимание партии к знаменитым «пяти укладам».

Не выдвигая ничего положительного против деления на социальные секторы, платформа 15-ти отрицает правильность такого деления, что связывается с ее общими политическими установками. Они считают, что внутри государственного, как и внутри кооперативного сектора, имеют место столь глубокие противоречия, друг друга отрицающие процессы, что это не дает возможности рассматривать социалистический сектор, как нечто единое. В этом отношении наши условия переходного времени коренным образом отличаются от предшествующих форм развития. Если в капиталистическом обществе социальные противоречия пролегают внутри данной формы, например, между капиталистом и рабочим, или

в феодальном обществе между крестьянином и феодалом, то в наших условиях основные социальные противоречия пролегают, главным образом, между отдельными секторами. Не противоречия между директором и рабочим социалистической фабрики являются у нас основными. Основные суть противоречия между социалистическим и капиталистическим развитием, между социалистическим и капиталистическим секторами. В этом смысле капиталистическое хозяйство СССР, как бы оно ни было ничтожно по своим размерам, должно вызывать к себе сугубое внимание. Оно является самым ярким антиподом социалистического развития. Между социалистическим и капиталистическим хозяйствами находится море простых товарных хозяйств, море крестьянских и кустарно-ремесленных единиц. Существенной разницы между простым товарным и капиталистическим хозяйством не понимает тов. Преображенский и его сторонники, ибо они сваливают эти хозяйства и происходящие в них процессы в одну кучу. *В этом смысле методологические установки «Контрольных цифр» расходятся как с Сапроновым—Смирновым, так и с Преображенским. Мы считаем нужным анализировать отдельно социалистическое хозяйство, простое товарное, капиталистическое и те явления взаимодействий, которые между ними происходят. Если мы не везде выделяем* капиталистическое хозяйство в отличие от простого товарного, то виной этому является *непреодоленная рутина нашей статистики*, которая до сих пор не только *не дает четкого разграничения данных по простому товарному и по капиталистическому сектору*, но даже не осознала еще всех тех трудностей, которые стоят по пути такого именно исследования.

Под социалистическим хозяйством мы понимаем государственное и кооперативное хозяйство вместе взятые. При общности их социальной природы у них имеются некоторые черты замкнутости, что об'ясняется их раздельным историческим происхождением и развитием. Одной из задач качественной работы в социалистическом секторе является изживание автаркии государственного и кооперативного хозяйств. 1926—27 год приносит в этом смысле значительные достижения. Так, политика снижения цен, которая проводилась в этом году при особо энергичной поддержке рабочих и крестьянских масс, способствовала в значительной степени изживанию той отчужденности, которая между этими двумя системами имеется. Система генеральных договоров, транзитных перевозок и т. п. мероприятий в значительной степени содействует сближению работы между двумя частями социалистического сектора. Это явление можно и должно расценивать не только с точки зрения его коммерческой эффективности (сокращение накладных расходов и т. п.), но и с точки зрения той консолидации внутренних сил социалистического сектора, которая по этому пути достигается. В этом смысле все проблемы улучшения качественной работы государственного и кооперативного хозяйства приобретают значение не только хозрасчетное, но и социальное.

Что касается тех социальных процессов, которые происходят в отдельных отраслях народного хозяйства, то они таковы: в сельском хозяйстве, несомненно, происходит *процесс расслоения деревни*. Он питается тем основным фактом, что Октябрьская революция, предоставив крестьянину землю в трудовое пользование, не смогла снабдить все крестьянство достаточным количеством орудий и средств производства. На этой почве развиваются легальные и полулегальные арендные отношения, на этой почве растут различные кабальные отношения в деревне. Все эти процессы имеют место. На них закрывать глаза не приходится. Но, к сожалению, они не поддаются в нашей статистике достаточно точному учету.

С другой стороны, в деревне происходят *процессы социалистического развития*. Основными формами, в которые выливаются *производственные* социалистические процессы деревни, являются совхозы и колхозы.

Коллективные хозяйства пережили целую полосу неблагоприятных лет. Это относится, главным образом, к первому периоду нэпа, тогда буря и натиск хозрасчетов поставили колхозы в довольно неблагоприятные условия. Но после этого периода, который, между прочим, характеризовался в значительной степени проеданием своих основных капиталов, колхозы становятся на более твердую почву. Все без исключения показатели дают, начиная с 1924—25 г., беспрерывный рост. Число колхозов увеличивается с 1924—25 г. по 1927—28 г. с 15 тысяч до 20,5 тысяч, количество людей, занятых в колхозах, должно в будущем году составить 1.168 тысяч, дают значительный рост посевные площади, продуктовый скот и товарная масса. Что особенно показательно в развитии колхозов, так это то, что, во-первых, в них значительную роль играет машина в противовес лошади. Колхоз в отличие от крестьянского хозяйства развивается в большей степени на машинной базе, чем на лошадной. Во-вторых, производительность труда и товарность в колхозах выше, чем в крестьянских хозяйствах. Если в крестьянских хозяйствах удельный вес товарной части и валовой продукции составлял в 1925/26 году—16,9%, в 1926/27 году—18,2% и составит в 1927/28 году—19%, то по колхозу соответственные данные по этим годам таковы: 46,1%, 47,7% и 50,8%.

Интересно отметить то обстоятельство, что если в 1919 году, в период военного коммунизма, в колхозах имелось только 50% крестьян, то в настоящее время в них имеется 92% крестьян. Вместе с тем в деревне развиваются преимущественно низшие типы коллективного движения, а именно товарищества по совместной обработке земли. Это обстоятельство подчеркивает, что социалистическое строительство уже нашло в деревне ту социальную форму, которая является *наиболее приемлемой для крестьянского населения*. С другой стороны, рост производительности труда в колхозах в сравнении с крестьянским хозяйством говорит о том, что уже в настоящее время, когда колхозы страдают еще целым рядом дефектов, этот тип социалистической организации *оправдывает себя и с чисто хозяйственной точки зрения*.

В несколько худшем положении находятся *совхозы*, которые, однако, тоже имеют ряд достижений. Достаточно указать на то, что производительность труда в совхозах по данным за два года выше, нежели производительность труда в крестьянских хозяйствах. В 1925 году в совхозах урожай озимой ржи составлял 58,5 пудов с десятины, а в крестьянском хозяйстве только 45,7 пуда. За 1926 год соответствующие данные таковы: 55,9 и 54,2. Что касается озимой пшеницы, то за 1925 год данные по совхозам составляют 76,4 пуда с десятины, по крестьянским хозяйствам 70,3. 1926 год дает такие соответствующие данные: 64,3

и 58,3. Вместе с тем следует отметить, что и совхозы и колхозы *нуждаются еще в существенной организационной и финансовой помощи. Опираясь на мощный социалистический сектор города, совхозы и колхозы могут сделаться теми передовыми отрядами социалистического строительства в деревне, которые поведут за собою основные массы бедняцкого и отчасти середняцкого населения.*

Условия расслоения деревни таковы, что они толкают беднейшие части крестьянства на путь кооперирования, на путь об'единения своих хозяйственных сил. С другой стороны—те значительные успехи, которые мы имеем в настоящее время в области развития потребительской кооперации, позволяют нам в несколько большей степени *заострить внимание на формах производственного кооперирования деревни и увеличения ей помощи именно по этой линии.*

С каждым годом мы должны и можем уделять этой форме кооперативного движения все больше и больше внимания.

Становится более активной роль государственных мероприятий в деревне. Ассигнования на мероприятия в сельском хозяйстве составляли в 1926—27 г. 499 м. р., и, повышаясь на 25,3%, составят 625 м. р. в 1927—28 г. Ассигнования, обслуживающие индивидуальные хозяйства, повышаются на 26%, а специальные ассигнования на бедноту и колхозы повышаются на 60%.

Перейдем к вопросу о взаимоотношении между секторами.

Показатели роста социалистического сектора по всем отраслям нар. хозяйства, взятым вместе, для 1927—28 г. таковы: капитальные вложения растут на 28,8%, торгово-посреднические обороты увеличиваются на 32,2%, сумма заработных плат, выплачиваемых социалистическим сектором, растет на 19,2%, валовая продукция—на 13,8%, годовая заработная плата—на 11,8%.

Частный же сектор либо держится на уровне стабильности, как, например, частный торгово-посреднический оборот в 1927—28 г., либо дает незначительный прирост (промышленность в 1927—28 г.), либо даже падает в абсолютных размерах, как торговля и промышленность в 1926—27 году.

Успехи социалистического строительства выражались до сих пор в том, что из года в год мы наблюдаем *падение удельного веса* частного хозяйства *при возрастании абсолютных размеров* как социалистического, так и частного хозяйства. 1926—27 г. вносит в этом отношении два существенных момента: падение абсолютных размеров частного капитала и усиление доли социалистического сектора в области ценообразования. Это сокращение частного капитала имеет место в промышленности и в торгово-посредническом обороте. Соответствующие данные, иллюстрирующие это положение таковы: валовая продукция частной промышленности сократилась в 1926—27 г. на 2,9%, при чем крупная цензовая промышленность сократилась на 29,8%. Размеры частного торгово-посреднического оборота упали с 5.700 млн. до 5.200. Характерно отметить, то, что сокращение абсолютных размеров частного капитала как в торговле, так и в промышленности, приходится исключительно на высшие звенья. Этот процесс касается цензовой капиталистической промышленности и крупной оптовой торговли. В проектировке на будущий год мы предполагаем стабильность частной торговли при дальнейшем падении абсолютных размеров оптовой торговли и при возрастании розничной частной торговли. Вместе с тем нами проектируется незначительный прирост частной промышленности, примерно в 3%, с распределением прироста в меньшей степени по крупной промышленности (0,8%) и в большей степени по мелкой промышленности (3,1%). При этом предполагается система экономических мероприятий, направленная на то, чтобы *заставить частный капитал заниматься производительным трудом,* пользуясь тем, что в торговле для него сложились довольно неблагоприятные условия. На ряду с этим необходимо *дальнейшее вытеснение частной торговли из крупных звеньев* с тем, чтобы путем определенной политики по линии товарного и денежного кредита, по линии налогов и т. д. установить непосредственную связь между обобществленной торговлей и частной мелкой торговлей.

Обобществленная торговля должна врезаться клином между частной крупной торговлей и частной мелкой торговлей, подрубив у первой те корни, на которых она держится, эксплоатируя мелких торговцев, кустарей, ремесленников и крестьян, а местами и государственный аппарат. Вместе с тем мы должны стараться *втянуть мелкую частную торговлю все больше и больше в орбиту социалистического влияния.* Вся эта политика должна быть рассчитана не столько на количественные успехи, которых у нас в этой области в общем и целом достаточно, сколько *на такую перегруппировку частного капитала, которая поставила бы его в зависимое положение от социалистического сектора народного хозяйства.* Вообще, мы настолько окрепли, что можем спокойно *диктовать частному капиталу свои экономические условия.*

Второй момент, который необходимо отметить, заключается в том, что до сих пор мы при больших темпах возрастания государственной и кооперативной торговли в сравнении с частной все же не имели достаточного влияния на рынке, что сказывалось главным образом на *уровне цен.* Частный капитал в значительной степени диктовал рынку свои цены. Это удавалось ему благодаря товарному голоду на решающих участках рыночного оборота, благодаря недостаточной организованности обобществленной торговли и благодаря ее недостаточному количественному охвату. При всех недостатках, которыми страдает еще в настоящее время кооперативная и государственная торговля, ей удалось за последний год настолько продвинуться вперед, что *она стала диктовать свои экономические условия частному рынку по линии ценообразования.* Здесь сыграло крупную роль еще и то обстоятельство, что мы проводили в этом году энергичную кампанию по снижению цен. Успехи на этом фронте были настолько значительны, что они отразились также и на частном рынке. Частный капитал вынужден был в 1926—27 г. пойти на некоторое снижение цен. Обобществленная торговля настолько окрепла, что она потянула за собой частные цены. Наше положение иллюстрируется данными по частной и кооперативной торговле за 2 года: с 1 июня 1925 г. по 1 июня 1927 г. Эти два года подразделяются на два периода, из которых один прямо противоположен другому. *Если в период с 1 июня 1925 года по 1 мая 1926 г. роль частнокапиталистических стихийных сил была еще довольно значительна в торгово-посредническом обороте, то в последующий период замечается обратное положение.* В период с 1-го июня 1925 г. по 1-е мая 1926 г. цены частной торговли поднялись на 9 товаров из 15 товаров, входящих в бюджетный набор Цен-

трального Бюро Статистики Труда, в последующий же период с 1-го мая 1926 г. по 1-е июня 1927 г. мы имеем снижение цен в частной торговле на 8 товаров, при этом характерно то, что во втором периоде темп падення цен по отдельным товарам иа частном рынке тем сильнее, чем выше их уровевь по сравнеиию с отпускными государственными и кооперативными розничными ценами в первом периоде. В течение этого второго нериода мы имеем даже такое явлеиие, что цена на отдельвые товары промышленного производства снижается в частной розвице при условии стабильности государственных отпускных цен на те же товары. Такими товарами были полотпо, ситец, керосин, галоши, стаканы. В то время, когда на ситец в кооперации цена снижается иа 2,1%, цена в частной торговлс падает на 22,9%, керосин снижается в кооперации на 6,5%, в частной торговле—на 8,5%, галоши в кооперации—на 0,5%, а частная торговли дает снижение на 9,9%. Эти данные по отдельным товарам чрезвычайно знаменательны. Они показывают, что роль обобществленной торговли в продвнжении этих товаров к потребителю настолько возросла, что *частная торговля была вынуждена пойти на более быстрый темп снижения цен для того, чтобы удержать свою конкурентоспособность на рынке.* Однако, эти относительные величины но должны создавать перед нами ложной картины. Следует помнить, что в абсолютных размерах цены частной торговли и до сих пор стоят еще выше цен кооперативной розницы. Успехи в этой области несомненны, однако, они недостаточны и требуют дальнейшего закреплевия и развития.

Говоря о ценах, не лишне отметить еще один штрих. Как известно, летом текущего года наблюдался большой ажиотаж на рынке в связи со слухами о войне. Спекулянтские и потребительские заготовки по только дефицитных, но и достаточных товаров достигли больших размеров, и, несмотря на это, цены на отдельные товары либо вовсе не повысились, либо повысились в незначнтельной степени. Такое положение вещей совершенно невозможно при безграничном господстве капиталистического рынка, когда так называемая свободная игра рыночных сил доминирует в определении цены. Там, при прочих равных условиях, повышенный спрос вздувает цевы. Наше хозяйство показало впервые пример, когда при повышенном спросе не наблюдается сколько-нибудь значительного повышения цен. Это лишний раз свидетельствует об увеличивающейся роли планируемой обобществленной торговли.

Эти успехи в области ценообразования, которых мы добились, свидетельствуют о том, что обобществленная торговля обладает не только достаточной силой устойчивости, но уже и силой реального воздействия на окружающую стихию. Все же нами недостаточно охвачен рынок сельскохозяйственных продуктов, что является задачей нашего ближайшего будущего.

Одним из самых острых вопросов в деле обобществления является *вопрос о социальном составе кооперации.* Вопрос о том, на кого распространяется социалистическое влияние, кого кооперативное движение втягивает в сферу своего воздействия, играет в наших условиях колоссальную роль. Вопрос этот особенно важен в отношении деревни, где на почве мелкотоварного некапиталистического производства растет и капиталистическое хозяйство. Этот вопрос не мало заострялся и внутрипартийной оппозицией.

Следует сказать, что данные, характеризующие социальный состав сельскохозяйственной кооперации, не разработаны в достаточной степени, но тем не менее тот материал, который имеется в вашем распоряжении, позволяет сделать некоторые выводы. Основной вывод, к которому следует притти, заключается в том, что *главная масса кооперированного населения состоит из середняков,* второе место занимают бедняки и на третьем месте стоят кулаки. Эти данные видны из следующей таблички:

Социальный состав сел.-хоз. кооперации по универсальной сети РСФСР.

Группы по посевности, лошадности и коровности	В % к итогу
По посевам:	
Без посевов и с посевом до 2 дес.	23,0
С посевом 2—10 дес.	68,5
В том числе 8—10 дес. . . .	7,4
С посевом свыше 10 дес.	8,5
	100,0
По лошадности:	
Безлошадные	26,3
С 1—2 лош.	66,8
С 3 лош. и более	6,9
	100,0
По коровности:	
Бескоровные	10,3
С 1—2 коровами	81,0
С 3 кор. и более	8,7
	100,0

Однако, *социальный состав кооперации в значительной степени зависит и от того, какое производство охватывает данная кооперативная организация.* Так, например, картофельная кооперация, охватывает по преимуществу бедняцкие слои населения, наоборот, молочная кооперация охватывает, главным образом, зажиточные слои деревни. Все же даже молочная кооперация по своему социальному составу такова, что она в основном является середняцкой, а не кулацкой.

Что касается *социального распределения прибавочного продукта, создаваемого в нашем Союзе,* то оно дает совершенно четкую и устойчивую тенденцию из года в год. *Доля социалистического сектора* в национальном доходе повышается: с 7,8% в 1924—25 г., до 9,6% в 1926—27 г. и до 10,3% в 1927—28 году.

Удельный вес доходов крестьянского населения падает с 55,1% в 1924—25 г. до 49,3% в 1926—27 г. и до 49,1% в 1927—28 г. Однако, в абсолютных размерах доходы крестьянства растут, увеличиваясь на 7,2% в 1926—27 г. и на 7,3% в 1927—28 г. В 1927—28 г. темп роста доходов крестьянского населения не на много отстает от темпа роста доходов пролетариата (7,7% и 7,3%), что приходится, однако, на низкий абсолютный уровень: средний доход одного «самодеятельного лица» (выражаясь языком статистики) составлял в 1926—27 г. для крестьянства 205 руб. в год, а для пролетариата 795 руб. Мы не имеем возможности дифференцировать доходы по социальным группам крестьянства, но

можно полагать, что при этом скажется основной процесс, наметившийся в прошлом: переход части бедняцких хозяйств в середняцкие и дальнейшее укрепление середняцких хозяйств. Будет, конечно, происходить процесс накопления у крестьянской верхушки, но решающей роли за этим процессом признать нельзя. Что касается доходов городского населения, то их удельный вес возрос с 37% в 1924—25 г. до 41,1% в 1926—27 г. и намечается падение его до 40,6% в 1927—28 году.

При этом наиболее характерно то обстоятельство, что *удельный вес* дохода пролетариата возрастет с 24,1% до 29,4% в 1926—27 г. и до 29,5% в 1927—28 г.

Вместе с тем доходы городской буржуазии снижаются не только в относительных, но и в абсолютных размерах, падая в 1926—27 г. на 0,1% и на 1,4% в 1927—28 г.

Эти сухие цифры говорят более красноречиво, чем дюжина политических программ, о том, что в условиях мелкобуржуазного окружения *социалистическому государству удается вести такую политику распределения и перераспределения доходов, которая наиболее соответствует задачам социалистического развития.*

За истекшие годы процесс, отличающий социалистический сектор от частного, настолько ярко выявился, что он ведет *к изменению экономической роли и удельного веса социальных секторов во всем народном хозяйстве.* Однако, те большие темпы нарастания социалистического сектора, которые мы видели выше, получают в народном хозяйстве сокращенное выражение в виде прироста удельного веса социалистического сектора на единицу или десятую долю процентов. Об'ясняется это двумя причинами: в народном хозяйстве имеются такие массивы, где частный сектор настолько силен, что даже значительный прирост социалистического сектора не вносит достаточно резких изменений,—таковыми, например, являются основные фонды частного сектора; с другой стороны, имеются такие отрасли народного хозяйства, где командные высоты в столь широких размерах захвачены социалистическим сектором, что для падения удельного веса частного сектора остается очень мало места,—таковыми являются валовая продукция промышленности и посреднический товарооборот. Наконец, имеются такие отрасли, где дальнейшее обобществление неизменно должно равняться нулю: это ж.-д. транспорт и народная связь.

С этими оговорками мы приводим данные, характеризующие изменение удельных весов частного и социалистического секторов в народном хозяйстве.

Наемный человеческий труд был обобществлен в 1924—25 г. на 80,2%, а в 1926—27 г. на 80,6%, в будущем году обобществление его увеличивается до 8,08%. Что касается суммы зарплат обобществленного сектора, то они возросли с 90,2% в 1924—25 г. до 91,1% в 1926—27 г. и повышаются до 91,5% в 1927—28 г.

Что касается валовой продукции народного хозяйства, то при незначительном удельном весе социалистического сектора и в этом показателе изменения последнего происходят довольно быстро: с 29% в 1924—25 г. удельный вес обобществленного сектора возрос по всей валовой продукции страны до 37,1% в 1928—27 г. и подимается до 39,8% в 1927—28 г.

Количественные сдвиги в рыночных отношениях выражаются в том, что удельный вес обобществленного сектора возрос с 72,8% в 1924—25 г. до 81,5% в 1926—27 г. и поднимается до 84,5% в новом году. Наконец, наиболее эффектным является удельный вес социалистических вложений за год, результаты которых таковы: составляя в 1924—25 г. 43,8%, они достигли в 1926—27 г. 81% и достигнут 84,7% в 1927—28 г. Показатели ежегодных вложений отмечают успех социалистического накопления.

Однако, в виду наличия в стране большого количества основных капиталов, находящихся в частном хозяйстве, значительные сдвиги в области капитальных вложений получают менее значительное выражение по основным фондам. Так, к концу 1924—25 г. основные фонды социалистического сектора составляли 56,4%; а в 1926—27 г. они составляют 57,2% и, наконец, в 1927—28 г. они достигнут 58,2%.

Имеется взгляд, по которому рост социалистических элементов в стране ведет к нарушению хозяйственного равновесия, к созданию новых диспропорций и обострению существующих. Опыт истекших лет показывает, что именно рост социализма в нашей экономике укрепляет равновесие. Мы имеем не только количественный, но и качественный рост социалистического сектора, что позволяет нам намечать на будущий год значительные приросты продукции при незначительном увеличении рабочей силы.

Те изменения удельного веса социалистического сектора, которые происходят в народном хозяйстве, имеют устойчивую тенденцию по каждому из показателей. *Нарастание социалистических элементов происходит в общем и целом безкризисным путем, на основании определенного экономического равновесия.*

8. «Контрольные цифры» и оппозиция.

Летом, 1925 года, когда впервые появились «Контрольные цифры», тов. Троцкий считал возможным выступить по этому поводу с целой брошюрой, под названием «К социализму или к капитализму?» В то время наши успехи на фронте социалистического строительства были значительно меньше, чем теперь. Мы но только не имели современных количественных достижений, но у нас, кроме того, обстояло гораздо хуже и в смысле экономического равновесия. Частный капитал был гораздо сильнее. Союз города и деревни был слабее, чем в настоящее время. Успехи индустриализации были меньше. Сами «Контрольные цифры», которые приближались больше к типу статистической таблицы, не были еще в состоянии ответить на целый ряд вопросов, на которые они дали ответ в 1926 году, и еще менее отвечали на те проблемы, которые заостряют наши нынешние новые «Контрольные цифры». Тем не менее тов. Троцкий квалифицировал тогда «Контрольные цифры» чуть ли не как социальный баланс, обратив сугубое внимание на раздел обобществления. «*Пусть грубо и предварительно,*—писал тов. Троцкий,—*но мы уже подсчитались, мы количественно определили взаимоотношения социализма и капитализма в нашей экономике для сегодняшнего дня и для завтрашнего*» [1]).

В смысле количественных подсчетов «Контрольные цифры» как первого, так и второго года не давали исчерпывающей картины социальных отношений, да и «Контрольные цифры на 1927—28 г.» не могут еще претендовать на подведение вполне исчерпывающих количественных итогов по линии взаимоотношений между клас-

---

1) «К социализму или к капитализму». Изд. второе, стр. 14.

сами. В этом смысле те похвалы, которые в то время расточал тов. Троцкий по адресу «Контрольных цифр», были, несомненно, преувеличенными. Но как обстоит по существу с вопросом о том, куда мы идем? Как известно, в настоящее время оппозиция поднимает вопль по поводу того, что нас будто заедает со всех сторон капитализм. Она считает, что, если не принимать экстраординарных мер, то социализм будет захлеснут волнами капитализма, идущими из глубинных процессов нашей экономики. Отсюда—экономическое «обоснование» для термидора и всех прочих сказок для маленьких детей. Как думал вождь оппозиции, тов. Троцкий по этому вопросу два года назад? В предисловии к немецкому изданию упомянутой брошюры, Троцкий писал: «*Мы слишком твердо стоим на командных хозяйственных высотах, чтобы рост капиталистических или полукапиталистических тенденций в сельском хозяйстве мог в сколько-нибудь близком будущем перекатиться через наши головы*» [1]).

Троцкий оказался правым в одном отношении: через «наши головы», т.-е. через головы партии и Советского Союза волны капитализма не перекатились и не перекатываются. Но через другие «наши головы», через головы оппозиционеров всех мастей и оттенков волны капитализма, к сожалению, перекатились. Они с такой силой вовлекли оппозицию в свое русло, что поставили ее лицом к лицу против коммунистической партии и против СССР, строящего социализм не на словах, а на деле. Два года, прошедшие со времени выступления тов. Троцкого по поводу «Контрольных цифр», блестяще доказали, что *социализм в нашей стране опережает не только капиталистические хозяйства, но и частное хозяйство в целом.*

Но, быть может, провидец Троцкий пред'являл к «Контрольным цифрам» какие-то особенные, сногсшибательные требования по вопросу о социальных формах развития? Послушаем, что он говорил тогда же по вопросу о частном капитале. «На предстоящий год,—писал Троцкий,—сводная таблица намечает, как мы видели, дальнейшее, правда, незначительное снижение удельного веса частной промышленности и торговли. Мы можем без всякого волнения ждать, какова будет проверка этого предвидения в действительности. Победу государственной промышленности над частной отнюдь не надо представлять себе непременно в виде одной непрерывно восходящей линии. Могут быть периоды, когда государство, опираясь на свою экономически обеспеченную мощь и стремясь ускорить темп развития, *сознательно допускает временное увеличение удельного веса частных предприятий: в земледелии—в форме «крепких», т.-е. фермерски-капиталистических хозяйств; в промышленности и в том же земледелии—в форме концессий.* Принимая во внимание чрезвычайно распыленный характер большей части нашей частной промышленности, было бы наивно думать, что всякое повышение удельного веса частной продукции выше нынешних 20,7%, означало бы неминуемо какую-либо угрозу социалистическому строительству. Было бы вообще неправильно пытаться установить здесь какой-либо жесткий предельный процент. Вопрос определяется не формальным пределом, а общей динамикой развития» [2]).

[1]) Там же, стр. 6.
[2]) Там же, стр. 23.

Можно подумать, что эти слова написаны каким-нибудь заправским «термидорианцем», или самим Кондратьевым, если не Устряловым. В самом деле, увеличение удельного веса частного капитала, да еще сознательно допускаемое социалистическим государством, представляет собою решительный *шаг к отказу от Октябрьских завоеваний.* Дело, конечно, не в количественно-статистических отношениях, а в экономических процессах, происходящих внутри страны. А эти экономические процессы говорят о том, что частный капитал *может* расти из простого товарного хоз-ва, если не противодействовать ему. Троцкий говорит о росте «крепких», т.-е. фермерски-капиталистических хоз-в.

Здесь все точки над архаическим дооктябрьским «i» поставлены. Какой Разуваев и Колупаев нашего времени под этими словами не подпишется?

Надо ли представлять себе победу социализма над капитализмом в виде «*одной непрерывно восходящей линии*»? Мы думаем, что именно непрерывно восходящая линия является для нас «*непреложным законом в ближайшие годы*». Так как социалистическое хозяйство находится в окружении капиталистического мира извне и моря простых товаропроизводителей внутри, то всякое относительное или абсолютное снижение нашей восходящей линии может повести к усилению нажима капиталистических стран и к росту внутри страны капиталистических элементов в таких размерах, с которыми потом трудно было бы справиться.

Если бы такой поворот «линии» случился, это означало бы *большую угрозу для социалистического строительства*, и мы должны были бы мобилизовать все силы для того, чтобы опять повернуть ход нашей экономики в социалистическую сторону.

Но что получилось в действительности? В самые тягчайшие годы восстановления нашего хозяйства мы имели нарастание удельного веса социализма над капитализмом, а в настоящее время частный капитал падает даже в абсолютных размерах. Да, мы имеем резкое расхождение действительности с предположительной наметкой тов. Троцкого. Если *это* составляет материал для оппозиционного недовольства в 1927 году, то ее поздравить нельзя. *Упорная работа партии в области руководства хозяйством оставила далеко позади все пессимистические предположения оппозиции.* Где же тут основания для тех обвинений, с которыми оппозиция выступает против партии по хозяйственным вопросам? Или фракционное ослепление оппозиции настолько сильно, что она не в состоянии разглядеть основных линий нашего хозяйственного развития?

Мы можем в настоящее время уже дать более исчерпывающий (хотя и не вполне достаточный) ответ на вопрос о социальных взаимоотношениях. За два года работы Госплан ушел далеко вперед в смысле усовершенствования своих методов познания и в смысле углубления качественного анализа социальных взаимоотношений. *Если первые «Контрольные цифры» могли быть для тов. Троцкого и его единомышленников достаточными для ответа на вопрос о социальных отношениях, то для них должен быть совершенно обязательным тот ответ, который дают на этот вопрос более усовершенствованные «Контрольные цифры на 1927—28 год». А ответ этот таков, что, несмотря на ряд затруднений, СССР идет под знаком социалистического роста и укрепления.*

М. Брудный.

Наши разногласия и неоднородность пролетариата.

I.

Неоднородность пролетариата заключена в процессе образования класса. Класс постоянно образуется. Нет и не может быть такого периода, когда можно было бы сказать, что процесс образования класса закончен. Предел процессу образования класса кладет только идущий ему на известной исторической ступени «навстречу» процесс распадения классов, т.-е. полное осуществление коммунизма.

Это не значит, разумеется, что налицо нет сформированных классов. Развитие производительных сил буржуазного общества привело к образованию трех основных классов, стоящих в определенном отношении друг к другу и друг против друга.

Но то, какими путями шло формирование класса, и то, какими путями продолжается его образование, имеют много общего.

В самом деле. Рабочий класс происходит из рядов крестьянства, ремесленников и городской мелкой буржуазии. Если брать весь отрезок времени от момента возникновения рабочего класса до образования марксистских политических партий пролетариата, то это был период кристаллизации классового сознания благодаря накопившемуся опыту классовой борьбы и через ломку и изживание тех идеологических наслоений, которые принесли с собой бывшие крестьяне и ремесленники. Человеческий материал, из которого формировался рабочий класс, отнюдь не был бессознательным в абсолютном смысле. Он был бессознательным только с точки зрения своего будущего пролетарского сознания. Точно так же, как когда мы говорим о новичке-рабочем, только-что сменившем плуг на молот, что он бессознательный, мы выражаемся не точно. У него сознание, конечно, есть. Но это общественное сознание не той части общества, к которой он сейчас принадлежит, а той, к которой он принадлежал вчера.

Организация рабочего класса гораздо моложе самого класса. Ряд десятилетий, отделяющих возникновение пролетарских организаций от возникновения пролетариата, заполнен конфликтом между новыми производственными отношениями, *еще* не успевшими выработать свое сознание и *уже* устаревшим сознанием, приобретенным в условиях старых производственных отношений. Этот конфликт захватывает также значительный период и организованного рабочего движения.

Общеизвестные две формулировки, данные Марксом понятию класс: «класс по отношению к капиталу» и «класс для себя»,— выражают указанный конфликт.

Всю историю рабочего движения можно классифицировать по ступеням опыта классовой борьбы. Определенность и «количество» опыта выражается в «качестве» организованности и сознания пролетариата на каждой данной ступени. Идеи и организации пролетариата на определенных этапах его развития являются как бы сгустками накопленного опыта.

Поступательное движение пролетариата от касс взаимопомощи через профсоюзы к политическим партиям—это могучий рост его организованности на почве нарастания опыта классовой борьбы. Вместе с тем каждый этап на пути роста организованности и самостоятельности классового сознания пролетариата есть ликвидация пережитков сознания чуждого класса, приобретенного в условиях старых производственных отношений.

Так формируется «класс для себя» с самостоятельным классовым сознанием.

Но и вполне самоопределившись, пролетариат не может огородить занимаемое им в обществе поле. Тут действуют не воля класса, а экономический закон. Если в отношении буржуазии можно сказать, что при переходе ее границы требуется приличный паспорт и высокие пошлины в виде наличия солидных средств производства, то границы пролетариата безусловно открыты для всех, и именно беспаспортные знают хорошо эту дороженьку.

Пролетариат постоянно образуется: все новые кадры пауперизированных масс вливаются в его ряды. Но эти пролетаризующиеся массы еще целиком или почти целиком находятся в плену старых идеологических наслоений. Если речь идет о выходцах из крестьянства, то реально, экономически потерянная собственность еще продолжает «существовать» в голове, и мелкособственническая оценка общественных явлений применяется в пролетарской обстановке.

Этот факт уже достаточен для того, чтобы констатировать постоянную основу социального дифференцирования рабочего класса.

Но в действительности существует еще один поток, усиливающий дифференцирование рабочего класса. Если до сих пор речь шла о слоях, *идущих* к пролетариату, то теперь речь идет о слоях, *отходящих* от пролетариата. Мы имеем в виду «обуржуазившийся пролетариат» (Энгельс). В условиях буржуазной демократии и колониальных успехов капитализма некоторые слои пролетариата приобретают ряд экономических привилегий по сравнению со всей массой рабочих. Решающее значение этих привилегий заключается в том, что благодаря им рабочая аристократия начинает рассматривать себя как группу переходную от пролетариата к «верхним слоям» общества. Суть не столько в действительных экономических возможностях перехода от пролетариата к буржуазии (этих возможностей и для рабочей аристократии почти нет), сколько в том, что эта возможность постоянно маячит перед глазами этого слоя рабочих, как заманчивая для них перспектива, и этого уже достаточно, чтобы идеологически оторваться от пролетариата.

Тенденция социального дифференцирования пролетариата пресекается противоположной ей тенденцией нивелировки. Так, в середине прошлого столетия ожесточенная англо-германская конкуренция, породившая техническое переоборудование английской промышленности, привела к изменению структуры англий-

ского рабочего класса в сторону его относительного нивелирования. Это отразилось также на членстве трэд'юнионов.

Бурный рост промышленности в России конца XIX и начала XX вв. имел своим результатом такой значительный темп роста пролетариата, при котором, несмотря на вовлечение новых деревенских слоев в среду рабочего класса, безусловно преобладала тенденция нивелировки, выравнивания, выработки «среднего» рабочего.

Соотношение между тенденциями дифференцирования и нивелировки в разные периоды, в разных странах колеблются в зависимости от целого ряда причин, подробное рассмотрение которых выходит за пределы настоящей темы. Укажем лишь на главнейшие из них: темп увеличения постоянного капитала по сравнению с переменным, технические реконструкции промышленности, соотношение классовых сил между буржуазией и пролетариатом и др. При органическом, «нормальном» развитии капитализма тенденции нивелировки и дифференцирования уравновешивают друг друга, так как вовлечение новых слоев рабочих и выделение рабочей аристократии пресекается стабилизацией и укреплением в производстве «среднего» рабочего. Новые кадры рабочих занимают место тех, которые, пройдя производственный стаж, переходят на высшую ступень «средних» рабочих.

С другой стороны, в условиях буржуазной демократии растет и ширится организация пролетариата, и все новые слои переходят из «класса по отношению к капиталу» в «класс для себя».

Иное дело в эпоху империализма. Здесь, если рассматривать вопрос во всемирном масштабе, преобладает тенденция дифференцирования. На одном полюсе в империалистических, грабительских странах за счет награбленной сверхприбыли растут кадры рабочей аристократии, экономически привилегированные и политически плененные буржуазией, а на другом полюсе в колониальных странах усиливается процесс пауперизации широких крестьянских масс и выделения туземного пролетариата с крайне низкой заработной платой.

Единственным крупным фактором, содействующим нивелировке пролетариата и в эпоху империализма, является характер технической эволюции капитализма, который сводится к установке на рабочего средней квалификации (рационализация, конвейер и пр.). Но ему противостоят следующие два важнейших фактора. Во-первых, относительно большее исчерпание крестьянских резервов пролетариата по сравнению с резервами городской мелкой буржуазии. А последняя приносит в среду пролетариата презрение к классовой самостоятельности и стремление все силы отдать не борьбе с буржуазией, а задаче «выйти в люди». В этом отношении, безусловно, крестьянские резервы, имея в виду бедноту, которая и в деревнях влачит нищенскую жизнь, скорее и легче поддаются пролетарской обработке, чем городская мелкая буржуазия. Во-вторых, все большее развращение буржуазией не только верхушки рабочего класса, но и некоторой части средних слоев пролетариата.

Социальное дифференцирование пролетариата является величайшей важности фактором для оценки ленинской стратегии в целом и учения Ленина о партии в частности.

В среде пролетариата существуют относительно устойчивые группы, характеризуемые двумя признаками: общностью мате-

риальных условий существования и одинаковым политическим кругозором. Каково же отношение отдельных своеобразных групп пролетариата к пролетариату в целом, к его общеклассовым задачам?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо помнить, что относительно устойчивые группы пролетариата (рабочая аристократия или слой высококвалифицированных рабочих, и новые технически и политически отсталые слои рабочих) являются крайними пограничными отрядами пролетариата, т.-е. что они социально расположены так, что граничат с двумя, чуждыми пролетариату, классами. Одна группа граничит с городской мелкой или даже средней буржуазией, а другая—с крестьянством.

Но особенность этих пограничных отрядов заключается в том, что они не только не охраняют свое отечество—пролетариат—от враждебных ему классов, но подчас прямо-таки легально пропускают через границу рабочего класса лозунги и идеи чуждых нам классов, упакованные достаточно «оригинально», т.-е. в соответствии с бытовыми условиями пролетариата.

Когда говорят о влиянии буржуазии на пролетариат, то порою не представляют себе механизма этого влияния. Между тем этот механизм становится вполне понятным, если представить себе пролетариат не только как однородное тело, но и как неоднородное. *Влияние буржуазии на пролетариат проходит именно через заражение его пограничных отрядов.* Речь таким образом, идет о влиянии буржуазии на известную группу пролетариата, отстающую от «класса для себя» и о попытке через пленение этой группы дезорганизовать и разоружить пролетариат в целом.

Что такое «класс для себя»? Это «совокупность» людей, находящихся в одинаковых производственных отношениях, выработавших на опыте классовой борьбы известную систему воззрений на общественное развитие, свои классовые задачи и пр. и ведущих организованную борьбу за достижение своих целей.

Чем характеризуются своеобразные группы пролетариата?

Тем, что они либо еще не достигли уровня «класса для себя», либо сознательно себя изолируют от него ради приближения к «высшим» классам общества. Отсталые слои пролетариата находятся на такой ступени развития, которая для всего пролетариата является уже давно пройденной, а рабочая аристократия на такой ступени, на которую пролетариат в целом подниматься не может и не хочет.

Здесь заложено противоречие между некоторыми группами пролетариата и пролетариатом в целом.

Но одно дело группа, другое дело групповость. Группа является продуктом экономического развития, а групповость есть осознание этих экономических результатов, как единственно-прочного основания для правильной политики. Противоречие на экономической почве между своеобразными группами пролетариата и пролетариатом в целом превращается в области политики в прямую противоположность между классом и групповостью. Но это лишь при том условии, если группа настаивает на групповости. Но в действительности, если всякая политическая групповость есть результат существования экономических групп, то не любое существование экономических групп должно привести к политической групповости.

Групповость и групповая вражда в среде пролетариата—это как раз то, что нужно буржуазии, ибо эта групповость является величайшим препятствием в классовой борьбе пролетариата. Поэтому Ленин в основе всей своей стратегии и в частности в основе своего учения о партии имеет идею примата класса над группой. Эта идея означает, что, во-первых, известная экономическая неоднородность отдельных слоев пролетариата не может быть использована как орудие борьбы против задач и целей класса в целом, и, во-вторых, отсталость общественного сознания отдельных слоев пролетариата не должна служить базисом для самостоятельной их программы.

Идея подчинения интересов групп интересам всего класса лежит и в основе возникновения политических партий пролетариата, представляющих интересы всего класса.

Значит ли это, что партия пролетариата в своей внутренней жизни не сталкивается с групповыми интересами?

Нет, не значит. Как общее правило можно установить следующее: в условиях восходящего развития пролетариата, в условиях его побед все группы пролетариата идут сплоченно и выступают, в общем, единым фронтом; тогда партия едина, тогда, как общее правило, групповые интересы не выступают наружу и не угрожают единству партии. Но зато в условиях острых кризисов, при резких поворотах исторического пути, а тем более в условиях поражений рабочего класса, групповые интересы оживают и выступают в рядах партии. Идеологи и вожди партии перестают говорить языком класса и начинают говорить языком группы. Предлагая партии авантюристский путчизм или трусливую постепенность, свертывать знамена или строить баррикады на краю бездны—они одинаково предлагают партии свернуть с ее исторического пути классовой борьбы на путь групповости—служанки какого-нибудь класса.

Почему так происходит?

Потому, что при острых переломах политического момента, когда ставятся на карту важнейшие судьбы рабочего класса, растет активность всех классов общества. Какими путями может буржуазия дезорганизовать и разоружить пролетариат в решительный момент? Только путем раскола рабочего класса, путем пленения отдельных его групп. Группы пролетариата, по своей социальной географии граничащие с враждебными классами, восприимчивее всего к этой провокации буржуазии и в острые моменты борьбы часто становятся каналами буржуазного влияния на пролетариат.

Гегемония класса над группой (партии в целом над групповыми интересами, выступающими в ее рядах) гарантирует ей (группе) пролетарскую линию поведения. Группа, предоставленная сама себе, становится рупором граничащего с ней класса, проводником буржуазного влияния на пролетариат.

В дальнейшем изложении мы поставим конкретней вопрос о тенденции социального дифференцирования в эпоху диктатуры пролетариата в СССР. Сейчас же мы должны сделать тот вывод, что внутрипартийная принципиальная борьба по коренным вопросам есть борьба между интересами дальнейшего развития «класса для себя», достижения классом в целом его конечной цели и групповыми интересами, узкими интересами отдельных групп пролетариата. Каждая победа партийности над групповостью есть колоссальное достижение, так как в итоге суживаются группы (по признаку отсталости классового сознания) и расширяется, укрепляется «класс для себя».

Что внутрипартийная принципиальная борьба по коренным вопросам отражает экономическую неоднородность пролетариата *и поэтому* по своему существу есть борьба между классовой пролетарской линией поведения и буржуазным влиянием на пролетариат—это подтверждается всем ходом истории рабочего движения.

На примере одного крупнейшего вопроса современных внутрипартийных разногласий мы постараемся это доказать.

II.

Азбучная истина марксизма, что социалистическая пролетарская революция может окончательно победить только после свержения международного капитала, только как международная революция. Поэтому коренной вопрос нашей революции—это вопрос об ее международных перспективах, вопрос об отношении русской революции к международной.

Два раза в истории партии столкнулись лбами противоположные точки зрения по этому коренному вопросу: в период Бреста и теперь. В первый раз этот вопрос был обнаженным, и различные партийные группировки одинаково ставили его ясно и понятно для широких партийных масс, теперь тот же вопрос, являясь основой *всех* внутрипартийных разногласий, выступает завуалированным и зачастую поставленным на голову.

Прежде всего рассмотрим опыт Бреста.

Сторонники революционной войны и противники мира с Германией писали в известной резолюции Моск. Областного Бюро следующее: «В интересах международной революции мы считаем целесообразным итти на возможность утраты советской власти, становящейся теперь чисто формальной». Здесь дана ясная и законченная постановка вопроса об отношении русской революции к международной. В этой постановке вопроса можно различить три момента: первое, продолжение войны с Германией неизбежно приведет к падению советской власти; второе, советская власть в России стала чисто формальной, т.-е. по существу она уже лишена практического смысла, или, как теперь сказали бы: «перерождение», «затопление этажей» и пр.; третье, нужно продолжать войну и жертвовать советской властью в России для международной революции.

Так ставила и разрешала вопрос об отношении русской революции к международной в условиях 1918 года тогдашняя оппозиция.

Ленин на это отвечал следующим образом: мысль о том, что «советская власть становится чисто формальной, странна и чудовищна... Советская власть... не *становится* и не *станет* чисто формальной не только тогда, когда завоеватель стоит в Пскове и берет с нас десять миллиардов дани хлебом, рудой, деньгами, но и тогда, когда неприятель окажется в Нижнем и в Ростове на-Дону и возьмет с нас дани 20 миллиардов» [1]).

Здесь Ленин раз'ясняет левым коммунистам, что ценность советской власти не столько в географических размерах ее влияния, сколько в ее социальной сути, что для сохранения дик-

[1]) Ленин, том XV, стр. 115.

татуры пролетариата при определенных условиях возможно пойти на... территориальные уступки и т. д.

Но в высшей степени актуальное и высоко-принципиальное значение имеет другое соображение, выдвигаемое Лениным в той же статье.

«Может быть, авторы полагают, что интересы международной революции требуют подталкивания ее?.. Подобная «теория» шла бы в полный разрез с марксизмом, который всегда отрицал «подталкивание» революций, развивающихся по мере назревания остроты классовых противоречий, порождающих революции».

Но «помогать социалистической революции в международном масштабе, идя на возможность поражения этой революции в *данной* стране,—такой взгляд даже и из теории подталкивания не вытекает».

Только в одном случае возможно итти на утрату советской власти в России: если бы революция в Германии *началась* и если бы для отвлечения сил германской контрреволюции следовало бы подставить под ее удары советскую власть в России. Ибо с международной точки зрения советская власть в Германии является шагом вперед по сравнению с советской властью в России.. «Вполне допустимо,—говорит Ленин,—что при таких предпосылках не только «целесообразно».... но и прямо *обязательно* было бы итти на возможность утраты советской власти».

Для того, чтобы полностью понять взгляд Ленина на отношение русской революции к международной, приведем еще следующее место из речи Ленина на VII с'езде РКП.

«История поставила нас теперь в необычайно трудное положение: приходится при помощи неслыханно-трудной организационной работы пройти через ряд мучительных поражений. Если смотреть во всемирно-историческом масштабе, то не подлежит никакому сомнению, что конечная победа нашей революции, если бы она осталась одинокой, если бы не было революционного движения в других странах, была бы безнадежной.

Если мы взяли дело в руки одной большевистской партии, то мы брали его с убеждением, что революция зреет во всех странах и в конце концов,—*в конце концов, а не в начале начал* (подчеркнуто нами), какие бы трудности мы ни переживали, какие поражения нам ни были бы суждены, международная социалистическая революция придет, ибо она уже идет; дозреет, ибо она уже зреет. Наше спасение от всех этих трудностей, повторяю, во всеевропейской революции. Мы исходим из совершенно абстрактной истины, руководясь которой мы должны следить за тем, чтобы она не превратилась со временем в фразу, ибо всякая абстрактная истина, если вы ее будете применять без всякого анализа, превращается в фразу. Если вы скажете, что за каждой стачкой кроется гидра революции, кто этого не понимает, тот не социалист,—то это верно... Но если вы скажете, что каждая данная стачка — шаг к социалистической революции, то вы скажете пустейшую фразу... *Как совершенно бесспорно, что все трудности нашей революции будут превзойдены лишь тогда, когда мировая социалистическая революция, которая теперь везде зреет, наконец, дозреет,—совершенно абсурдно утверждение, что каждую данную конкретную сегодня трудность нашей революции мы должны припрятать, говоря: «Я ставлю карту на международное социалистическое движение и могу делать какие угодно глупости»* [1]) (подчеркнуто нами).

Как следует формулировать на основании вышеприведенного взгляды Ленина на отношение русской революции к международной?

Первое: Русская революция может окончательно победить только как международная революция, только в международном масштабе. Почему? Потому, что русская революция—пролетарская, социалистическая революция. А пролетарская революция в одной стране есть не только революция против буржуазии данной страны, а против международной буржуазии. Значит, ее успехи решаются не только соотношением классовых сил в данной стране, а соотношением классовых сил в международном масштабе. Значит, до тех пор, пока силен международный капитал, он использует все свои средства для того, чтобы тормозить экономическое развитие в сторону социализма пролетарской республики, и мобилизует свои силы для уничтожения очага международной революции—победившей в одной стране пролетарской диктатуры.

Второе: европейские резервы победившей в СССР пролетарской диктатуры, получая от нее могучий толчок для своего революционного развития, вместе с тем развиваются по своим «внутренним» законам, т.-е. в зависимости от экономического положения и соотношения классовых сил в европейских странах. Пролетариат, победивший в одной стране свою буржуазию, может, вполне естественно, проявлять нетерпение по адресу своих европейских союзников. Но, оказывая всемерную помощь развитию революционного движения во всем мире, питая это революционное движение самим фактом своего существования, он не должен становиться на ложный путь «подталкивания» мировой революции, т.-е. на путь поддержки авантюристско-путчистской политики преждевременных, не подготовленных выступлений пролетариата, которые только ослабят его классовые позиции и усиливают буржуазию.

Третье: судьба русской революции, в каждый данный момент зависящая от соотношения классовых сил в международном масштабе, в конечном итоге решаемая победой международной революции,—не может в то же время связать свою судьбу *с определенным сроком* победы пролетарской диктатуры в других странах. Факт, что мы десять лет живем изолированно, как пролетарская диктатура. И центральный пункт ленинской стратегии, более всего актуальный в настоящее время, как раз заключается в том, что *не* связывая судьбы русской революции с определенным сроком победы революции в еще какой-нибудь стране, вести такую политику, при которой мы удержались бы вопреки возможности относительно-большого срока, требуемого для развертывания пролетарской революции в Европе. Само собою, что основой основ у Ленина является признание того, что, именно, *наша эпоха* является эпохой пролетарской революции. Но в пределах данной эпохи сроки могут значительно затянуться (десять лет уже прошло) и отношение русской революции к международной не может быть «срочным», т.-е. зависимым от фиксированного срока победы пролетариата в других странах.

---

[1]) Ленин, том XV, стр. 129.

Четвертое: международная революция—это не единовременный акт, а длительный процесс. Каждое современное экономическое и политическое выступление пролетариата скрывает собой развитие международной революции, процесс ее *вызревания*, но не каждое такое выступление есть шаг к ней, показатель ее *созревания*.

Пятое: русской революции в изолированном состоянии приходится пройти через «ряд мучительных поражений». Вынужденная итти на уступки международному капиталу для того, чтобы сохранить оплот международной революции, она не перестает из-за этого быть социалистической, пролетарской революцией. Дань *силе* международного капитала («20 миллиардов») не есть сползание с пролетарских позиций.

Шестое: исходя из политического господства пролетариата, на основе его прочного союза с крестьянством, при все более развивающемся процессе международной революции,—«у нас есть все необходимое для построения полного социалистического общества». Это значит, что и при отсутствии в первый период государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс нашей страны может развивать победоносное социалистическое строительство.

Так ставит и разрешает Ленин вопрос об отношении русской революции к международной.

Но опыт брестских разногласий крайне интересен не только тем, что он дает возможность точно определить отношение Ленина к данному вопросу, но и тем, что он показывает крайнюю принципиальную близость между позициями левых коммунистов и нынешнего оппозиционного блока.

Что характерно для позиции левых коммунистов?

Во-первых, связывание судьбы русской революции с определенным сроком мировой революции; *во-вторых*, формальный характер советской власти в виду ее обильных уступок немецкому империализму и, *в-третьих*, необходимость итти на поражение пролетарской революции в стране, где она уже началась, ради немецкой революции, которая еще не началась.

Что характерно для позиции оппозиционного блока в данном вопросе?

Во-первых, связывание судьбы русской революции с определенным сроком международной революции; *во-вторых*, мысли о перерождении и термидоре советской власти в виду ее уступок *силе* капитализма (уступок, относительно *несоизмеримо* меньших, чем те, на которые шел Ленин в период Бреста) и, *в-третьих*, теория «подталкивания» мировой революции.

В настоящее время оппозиция спорит с партией решительно по всем экономическим и политическим вопросам, но не может быть сомнения в том, что подспудной, частично скрытой основой *всех* разногласий является вопрос об отношении русской революции к международной.

Оппозиционный блок идейно отображает—и отображает искривленно—в условиях СССР нынешний этап затянувшейся международной революции и относительную капиталистическую стабилизацию. На пороге десятой годовщины пролетарской революции и при наличии целого ряда успехов капитализма, еще раз и наиболее остро встает вопрос об отношении русской революции к международной. Система взглядов оппозиции есть не что иное, как попытка ответить на этот вопрос иначе, чем на него отвечали Ленин и наша партия.

В самом деле. Решающее обвинение, которое оппозиция выдвигает против партии, это, якобы, забвение партией дела международной революции. Дополняет ли оппозиция это обвинение какой-нибудь конкретной контрпрограммой? Да, дополняет. Она отрицает наличие стабилизации, либо признает лишь «стабилизационные конвульсии». Но что это значит? Это значит, что в настоящее время в Европе—непосредственно-революционная ситуация, либо ситуация очень близкая к непосредственно-революционной. Это дальше означает, что вся наша политика внешняя и внутренняя должна ориентироваться на *немедленный* взрыв международной революции.

Что лежит в основе этой системы взглядов?

Нечто прямо противоположное ленинизму. Октябрьский прогноз (скорее диагноз) Ленина состоит в том, что мы вступили в эпоху международной революции, которая благодаря своему международному характеру и гигантской силе капитализма может растянуться на длительные сроки, и правильная политика пролетариата заключается в том, чтобы в каждый данный отрезок эпохи анализировать экономическое положение и соотношение классовых сил, не поддаваясь «сверхреволюционной» линии поведения «подталкивания» международной революции. Такова установка Ленина.

Партия проводила и руководила Октябрьской революцией в ясном сознании, что Октябрь открывает эпоху мировой пролетарской революции. Именно, в те годы Ленин неоднократно повторял свою известную перефразировку слов Маркса: «Француз начнет, а немец доделает». Это вошло в плоть и кровь сознания членов партии и широких слоев пролетариата.

Но история пошла не тем *темпом* и тем самым для первого десятилетия не тем *путем*, который мы вполне правильно и по-марксистски предположили, исходя из обстановки, сложившейся во время империалистической войны.

История обнаружила живучесть капитализма (благодаря переходу социал-демократии на сторону буржуазии) и предоставила буржуазии сравнительно большие сроки, вопреки ее регрессивности, вопреки начавшейся и все более углубляющейся эпохе международной революции.

Такое положение вещей неизбежно посеяло панику среди известных слоев пролетариата и явилось основой для собирания колеблющихся элементов партии в оппозиционный блок.

Об'единенная оппозиция отрицает капиталистическую стабилизацию, которая ее породила. Но она именно потому ее и отрицает, что ею порождена. Здесь не только нет противоречия, но—ключ к пониманию всей программы оппозиции. Капиталистическая стабилизация порождает в слоях пролетариата, граничащих с чуждыми классами, колебания в основном вопросе о правильности октябрьского прогноза Ленина и нашей партии. Буржуазия говорит: «Ошиблись, не вышло у вас с международной революцией. На место международной революции—укрепление капитализма». Кулак и зажиточный крестьянин, посматривая на горизонт и ухмыляясь, поговаривают: «Не видать международной революции».

Но пролетариат не отделен китайской стеной от других классов общества. Наоборот. Если представить себе общество «географически», то крайние слои пролетариата, его «окраины»—высококвалифицированная верхушка и отсталые полукрестьянские слои—прямо упираются, граничат с чуждыми классами. И бешеная ненависть буржуазии и недоверие крепкого мужичка отдаются эхом в среде отдельных групп пролетариата. Прет это на партию? Заражает это отдельные ее элементы? Безусловно, да.

Именно колебания в правильности октябрьского прогноза—скрытый, подспудный исходный пункт оппозиции. И если она этого не говорит открыто, то в этом нет ничего странного. Странно было бы противоположное. Ни одна политическая группировка не раскрывает (и для самой себя) исходный пункт своей программы на первых ступенях своего развития.

Но что это именно так, полностью подтверждается программой конкретной внешней и внутренней политики оппозиции.

Ее полное или частичное отрицание стабилизации есть предпосылка теории «подталкивания» международной революции. Ее программа оголтелой, несоразмерной с хозяйственными возможностями страны индустриализации есть подгонка развития СССР к нуждам «подталкивания» международной революции.

Все это, по видимости, очень лево и революционно. Суть же в политическом смысле теории «подталкивания»: либо международная революция придет в самый ближайший срок, либо ее совершенно не будет, и мы погибнем.

Обратной стороной колебаний оппозиции в правильности октябрьского прогноза является подчеркивание технической отсталости СССР и невозможности победоносного социалистического строительства. Это подчеркивание имеет *тот же* смысл, что и теория «подталкивания»: либо *немедленная* победа пролетарской диктатуры в других странах, либо полная безнадежность нашего социалистического строительства.

Под этим углом зрения глубочайший политический смысл приобретают слова тов. Троцкого о «политических сумерках». Мы не будем приводить полностью цитату из речи тов. Троцкого в ЦКК о свертывании рабочего движения, о бессилии в настоящий момент международного пролетариата,—она общеизвестна.

Но что это значит? С одной стороны, обвинение партии в том, что она недостаточно активно борется за дело мировой революции, а, с другой стороны, речи о «политических сумерках». Это очень многое значит. Оппозиция—сознает ли это, или не сознает — колеблется в правильности октябрьского прогноза, что мы вступили в эпоху международной революции. В ее глазах уже мерцают «политические сумерки». *Поэтому она предлагает политику: ва-банк.* Пустим последней скоростью паровоз индустриализации, вклинимся в буржуазную Европу, поднимем всюду восстания; либо взорвем международную буржуазию, либо сами погибнем. Если при этом помнить мелкобуржуазный авантюризм, лежащий в основе этих рассуждений, то так и только так можно формулировать программу оппозиции.

В существе всех поднятых оппозицией вопросов лежит один основной вопрос: 47-й или 49-й год? Дальнейшее могучее развертывание международной революции или «политические сумерки»?

На этой основе неизбежны у оппозиции меньшевистские выводы в отношении социалистического строительства в СССР. Ибо, если международная революция действительно не придет, то наше дело безнадежно, и будущие историки отведут нам место Парижской Коммуны, продолженной во времени и углубленной пятидесятилетним опытом рабочего движения.

III.

Социальные корни оппозиции следует искать прежде всего в факте капиталистической стабилизации и ряда поражений рабочего класса за последние годы. В нашей стране выросли новая буржуазия, бюрократ и кулак. Усиление международного капитализма, рост капиталистических элементов в деревне стимулирует активность враждебных советскому пролетариату элементов. Отсутствие легальной буржуазной демократии вынуждает имущие классы искать точку опоры не только в среде пролетариата, но и в среде пролетарской партии. Мы оставляем здесь в стороне вопрос об интеллигентских слоях партии, как проводниках буржуазного влияния. В настоящей статье мы ограничиваемся задачей выяснения вопроса о «давлении» буржуазии на пролетарские слои. Но механизм этого «давления» безусловно опирается на экономическую неоднородность пролетариата, подчиняя буржуазному влиянию преимущественно пограничные отряды пролетариата.

Вот почему существование оппозиции и возможные колебания в рядах партии в будущем выдвигает вопрос о различных группах пролетариата.

Мы раньше указали, что в эпоху органического развития капитализма тенденции нивелировки и социального дифференцирования пролетариата уравновешивают друг друга; в эпоху империализма тенденция дифференцирования преобладает.

Если теперь обратиться к *эпохе* пролетарской диктатуры, то нужно будет сказать, что здесь преобладает тенденция экономического и политического нивелирования пролетариата. Этому содействуют два крупнейших фактора: технический и политический. Пролетариат использовывает достигнутый уровень техники для того, чтобы двинуть вперед развитие производительных сил и поднять на еще большую высоту технику. Эта техническая эволюция приводит к выработке типа «среднего» рабочего. Но дело не только и не столько в этом. Пролетарская диктатура ликвидирует все легальные возможности развращения пролетариата буржуазной идеологией, буржуазными воззрениями. Пролетарская диктатура использовывает все идеологические ресурсы общества, аппарат «идеологического заряжения» для того, чтобы сплотить всех пролетариев в «класс для себя» и вырастить политическое единство всех групп рабочего класса. Если сюда еще прибавить один из важнейших моментов: овладение пролетариатом самим механизмом дифференцирования пролетариата, политикой заработной платы, то будет ясно, что *в эпоху* пролетарской диктатуры преобладает тенденция нивелировки.

Однако, это пока только теоретическое обобщение. Специфические особенности пролетарской диктатуры в СССР обусловливают крайне медленный темп нивелирования пролетариата, ликвидации его экономической неоднородности. Социалистическое стро-

ительство в технически-отсталой стране с таким преобладанием мелкого товарного производства, как у нас, не может не сказаться на темпе всего хозяйственного развития и в том числе на темпе уничтожения экономически различающихся групп пролетариата.

Сколько-нибудь значительный процесс дифференцирования начался у нас в связи с новой экономической политикой. Необходимость достигнуть в кратчайший срок максимальной производительности труда при данном уровне техники обусловила тарифную политику, ориентирующуюся на техническое соревнование рабочих. В результате мы имеем в настоящее время процесс дифференцирования, принявший весьма значительные размеры.

По данным ВЦСПС, положение представляется следующим образом (см. таблицу):

Распределение работников [1]) промышленности по размерам заработков в марте 1926—27 года [2])

(предварительные подсчеты).

Категории работников	1926 год	1927 год
Число работников, вошедших в подсчет (в тысячах)	778,7	800,6
Средний месячный заработок в червонных рублях	58,64	66,0
В т. ч. получили в %% к итогу:		
до 20 руб.	4,9	2,4
от 20.01— 40	25,9	18,7
от 40.01— 60	29,8	29,3
от 60.01— 80	18,1	21,8
от 80.01—100	10,0	12,8
от 100.01—120	5,0	6,7
от 120.01—150	3,6	4,8
свыше 150.	2,7	3,7

Группировка работников [1]) промышленности по размерам заработков в марте 1926—27 г.

(предварительные подсчеты).

Категории работников	1926 год	1927 год
Число работников, вошедших в подсчет (в тысячах)	778,7	800,6
Средний месячный заработок в червонных рублях	58,84	86,0
В т. ч. получили в %% к итогу:		
до 0,5 среднего заработка	15,0	12,8
от 0,5—1 » »	43,7	44,9
» 1 —1,5 » »	24,6	26,6
» 1,5—2 » »	9,8	9,5
» 2 —2,5 » »	3,9	3,3
свыше 2,5	3,0	2,9

[1]) Рабочих, служащих и младшего обслуживающего персонала.

[2]) ВЦСПС ежегодно производит в марте выборочное обследование, характеризующее степень экономического дифференцирования рабочих.

Приведенные цифры достаточно ярко иллюстрируют экономическую неоднородность пролетариата. Больше половины рабочих, вошедших в подсчет, получают меньше среднего заработка. Средний заработок от 1 до 1,5 получают лишь 24,6% рабочих. Процесс дифференцирования несколько скрывается тем, что незначительна прослойка рабочих, получающих выше среднего заработка, но зато он ясно обнаруживается в значительности прослойки рабочих, получающих ниже среднего заработка.

Эти же цифры показывают благоприятную динамику. С 1926 г. на 1927 г. число рабочих, получающих до 0,5 среднего заработка, снизилось с 15,0% до 12,8%. Однако, надо прямо сказать, что это снижение, отражая последние партийные директивы в этом направлении, ни в коем случае не может быть признано достаточным. Вполне сознавая невозможность немедленной полной ликвидации различной материальной обеспеченности отдельных групп пролетариата, необходимо вместе с тем категорически заявить, что 12,8% рабочих, получающих ниже половины среднего заработка—это вопиющая цифра. Темп борьбы с экономическим дифференцированием пролетариата у нас слишком медленный. Над нами еще властвуют традиции первых годов нэпа, когда развитие производительных сил требовало форсирования процесса дифференциации. Сейчас же дело обстоит как раз наоборот. Значительный слой рабочих, получающих меньше среднего заработка — это препятствие, тормоз для развития производительности труда.

Получаются своеобразные «ножницы» между политическим нивелированием пролетариата при режиме пролетарской диктатуры и его экономическим дифференцированием. С одной стороны, мы мобилизуем все идеологические ресурсы государства для сплочения и об'единения пролетариата, а, с другой стороны, политикой заработной платы мы недостаточно решительно боремся против экономического раскола.

Дело в том, что, оставляя в стороне об'ективные обстоятельства, мы недостаточно еще научились овладению механизмом экономического дифференцирования и нивелирования рабочего класса.

При буржуазном господстве этот механизм находится в руках буржуазии, и рабочая партия может противопоставлять буржуазной политике раскола пролетариата только *идею* солидарности всех членов класса, только *идею* совместного выступления всех групп пролетариата.

Идея солидарности, закрепленная в общеклассовых организациях—единственный рычаг пролетарской партии в борьбе с буржуазной политикой дифференцирования рабочего класса.

Иное дело у нас. Национализировав средства производства и сосредоточив в своих руках весь фонд заработной платы государственной промышленности, мы владеем самим механизмом экономического дифференцирования или нивелирования пролетариата, и поэтому идею классовой солидарности можем закреплять не только организацией пролетариата, но и соответствующей политикой заработной платы.

От политики экономического дифференцирования пролетариата, которой мы вынуждены были придерживаться в первые годы нэпа, следует сделать поворот к активной политике постепенного экономического нивелирования пролетариата. В этом

направленни партийные директивы уже были. Их следует расширить и всемерно осуществлять в жизни.

Необходимо, чтобы хозяйственники и профессионалисты поняли все принципиальное значение «уравнительной» политики в области заработной платы. Речь идет о борьбе за экономическое единство русского пролетариата. А это экономическое единство в условиях пролетарской диктатуры является лучшей гарантией политической сплоченности, политического единства пролетариата.

Разумеется, было бы наивно думать, что постепенное экономическое нивелирование пролетариата является панацеей от всех зол и в частности единственной гарантией против возможности возникновения столь враждебной всей ленинской тактике оппозиции, как нынешний оппозиционный блок.

Возможности возникновения оппозиции не только выходят за пределы той или иной политики заработной платы, но целиком коренятся в многочисленных противоречиях нашего развития и в неожиданном для очень многих своеобразии перерастания русской революции в международную пролетарскую диктатуру, через «ряд мучительных поражений».

Однако, необходимо вместе с тем признать, что давление буржуазии на пролетариат, на ряду с проклятой традицией буржуазных воззрений, поддерживается преимущественно экономической неоднородностью пролетариата. Именно наличие некоторых своеобразных групп пролетариата, экономически оторванных от рабочего «середняка», зачастую служит проводником буржуазного влияния на пролетариат. А давление на пролетариат есть давление и на партию пролетариата. Наличие групп в среде пролетариата порождает группировки и в среде партии. Экономическая неоднородность пролетариата может перерастать в политическую групповость отдельных элементов партии.

Вот почему мы сочли своевременным в связи с нынешними разногласиями поставить вопрос об экономической неоднородности пролетариата.

Б. Маркус.

Положение рабочего класса в СССР.

Оппозиционная установка в рабочем вопросе.

Троцкистская оппозиция ставит перед собой задачу во что бы то ни стало доказать, что линия нашей коммунистической партии и неотделимого от нее партийного руководства ЦК ВКП(б) неминуемо ведет не только к ухудшению положения рабочего на заводе, но и к понижению удельного веса пролетариата в советском обществе и что политика нашей партии «неизбежно должна была приводить к конфликтам между рабочими и советским государством» (заявление 83).

Для того, чтобы установить эту «истину», оппозиция пускается во все тяжкие. Логика фракционной борьбы заставляет их, к сожалению, не останавливаться перед об'явлением войны фактам. Но факты упрямы—и это дает себя знать.

Признавая, что одним из решающих моментов для оценки продвижения нашей страны по пути социалистического строительства является вопрос об улучшении положения рабочих, оппозиция обычно в своих выступлениях обещает правдиво и честно проверить наши успехи и недочеты на действительном положении трудящихся масс. Ближайшее знакомство с содержанием всех речей руководящих и рядовых оппозиционеров дает нам образцовое доказательство весьма своеобразного понимания этой «правдивости и честности».

На любом собрании, на любом выступлении оппозиции и ее идеологов можно легко убедиться, что совершенно безнадежно ждать от них каких бы то ни было даже отдаленных намеков на наши успехи в области улучшения положения рабочих. Заботливая рука таинственно убирает их из нашего поля зрения, зато перед нашим взором пускается лента «конвейера», щедро подающего непрерывным потоком одни лишь недочеты.

Вот вкратце суть всех оппозиционных положений:

1. Судя по выступлениям оппозиционных вождей, основой всех зол, видимо, является проводимая ныне рационализация производства, которая якобы неизбежно ухудшает положение рабочего класса: ухудшение это сказывается прежде всего в том, что увольняемые рабочие будто бы не поглощаются расширением промышленности, транспорта, а также в том, что на ряду с этим ухудшается материальное положение остающихся в производстве.

2. Нам преподносится утверждение, что заработная плата в нынешнем году приостановлена на осеннем уровне 1925 года, что мы имеем сокращение реального расходного бюджета рабочей семьи с 1924—25 года, снижение числа работающих членов семьи и в итоге явное снижение жизненного уровня.

3. С этим «увязывается» вопрос о заработной плате батрачества, которая-де обычно ниже госминимума, нередко даже в сов-

хозах. На этом вопросе пытаются к тому же завязать крепкий узелок, говоря, что тягчайшее положение батрачества есть не только результат трудностей социалистического строительства в отсталой крестьянской стране, но и, несомненно, последствие ложного курса.

4. Апеллируя к поддержке безработных, оппозиция с наивным видом непонимания подчеркивает, что число безработных растет несравненно быстрее общего числа занятых рабочих. Быстро растет число индустриальных безработных. Тут же делается кивок, оправдывающий нарекания со стороны безработных на недостаточное их обслуживание страхкассами. В самой безработице усматривается очередной кризис.

5. Отмечая недостаточность ассигнований на охрану труда, оппозиция не без злорадства преподносит цифру несчастных случаев в промышленности.

6. Трудности жилищного вопроса используются с особой тщательностью, подчеркивается при этом, что размер жилплощади для рабочих из года в год снижается, а для непролетарских элементов увеличивается и что квартирная плата непомерно высока.

7. Все это приправляется обычно рассуждениями об ухудшении внутреннего режима на предприятии, об апатии рабочих к производственным совещаниям, о нажиме на нормы и расценки и т. п.

8. Далее конвейер приносит нам целый ряд «практических предложений», которые должны сыграть роль гаек, чтобы потуже завинтить в сознании выводы о гибельном курсе нашей партии в рабочем вопросе. Среди этих гаек на первом месте преподносится совершенно неожиданное предложение о необходимости пресечь в корне всякие поползновения к удлинению 8-часового рабочего дня. Дальше воинственно преподносятся, как особые новшества, либо старая демагогия (в роде требований борьбы против растраты производительных сил рабочего класса, борьбы с экономией на застрахованных и т. п.), либо повторение своими словами того, что партия давно закрепила в постановлениях и изо дня в день осуществляет на деле.

(Так, например, в выступлениях оппозиции раздаются требования: держать курс на систематическое повышение реальной зарплаты параллельно с дальнейшим ростом производительности труда, твердо проводить классовую политику в вопросах квартирной платы, не проводить режим экономии за счет жизненных интересов рабочих и т. п.). Выставляя эти требования оппозиция делает вид, что она борется против линии ЦК. Это тем более смешно, что каждый гражданин СССР, читающий газеты прекрасно знает, что все эти, а также тысячи других указаний в этом роде не только давно декларированы, но и успели врасти в нашу жизнь.

Оппозиция, конечно, прекрасно учитывает все это, но ей нужно в своих выступлениях создавать впечатление того, что у них есть целая развернутая программа по рабочему вопросу. И в этом, видимо, «соль» всего.

Но все гладко в этих выступлениях. Даже у идеологов оппозиции не всегда увязаны концы с концами, и нередко бросаются в глаза совсем непонятные зигзаги своеобразного «диалектического» узора. Вот образцы: одни и то же люди говорят и об *ухудшении* материального положения рабочих и о том, что *улучшение* положения почти приостановилось (стало быть пока не приостановилось *улучшение*). В одном случае говорят, что рационализация труда «выплевывает» рабочих и не сопровождается поглощением увольняемых рабочих в промышленности и на транспорте, а тут же жалуются на то, что имеющийся *прирост* численности рабочих недостаточен. В одном месте кричат, что реальная зарплата в 1927 г. стоит в лучшем случае на том же уровне, что осенью 1925 года, и что *доля рабочего класса в общем доходе страны падает*, и тут же с ясным челом и не сморгнув глазом, цитируют цифры о том, что *прирост дохода на душу рабочего населения за 1926 г. по сравнению с 1925 г. составляет 26%*, а у основной массы населения—крестьянства—прирост дохода составляет за тот же год 19%.

Следовало бы уж во всех формулировках выбрать, что-нибудь определенное: в конечном счете некоторые стандарты лучше, чем слишком уж разнообразный ассортимент.

Социалистическая рационализация и оппозиция.

Гвоздем и образцом всех рассуждений оппозиции по рабочему вопросу служит обычно тезис о том, что проводимая ныне рационализация производства неизбежно ухудшает положение рабочего класса, поскольку не сопровождается таким развертыванием промышленности, транспорта и пр., которое поглощало бы увольняемых рабочих. На практике,—говорят они обычно,— рационализация зачастую сводится к «выплевыванию» одних рабочих и ухудшению материального положения других. Это неизбежно сеет недоверие в самой рабочей массе к рационализации.

Говоря такие фразы, оппозиционеры никогда не удосуживаются уделить место в своих выступлениях хотя бы одному абзацу из того, что писал Ленин по вопросам, относящимся к рационализации труда, производительности труда и трудовой дисциплине.

А ведь у Владимира Ильича можно найти немало поучительного, как раз на эту тему. Но все то, что есть у Ленина бьет не в бровь, а в глаз, тех, кто выступает сейчас против партии. Вот, что писал по поводу таких людей Владимир Ильич:

> «Эти люди не поняли как раз социалистического характера нашей революции. *Они повторяют как раз то, что их легко об'единяет с мелкой буржуазией, которая боится дисциплины, организации*, учета и контроля, как чорт—ладана» (Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 240. Курсив мой. *Б. М.*).

Выступая в свое время против демагогии левых коммунистов, говоривших, что введение трудовой дисциплины понизит классовую самодеятельность, активную организованность пролетариата и грозит возбудить недовольство самых отсталых слоев, Владимир Ильич терпеливо раз'яснял:

> «Диктатура пролетариата вовсе не в том только, чтобы свергнуть буржуазию или свергнуть помещиков,—это бывало во всех революциях,—наша *диктатура пролетариата преследует обеспечение порядка, дисциплины, производительности труда*, учета и контроля, пролетарской советской вла-

сти, которая более прочна, более тверда, чем прежняя» (Ленин, т. XV, стр. 239. Курсив мой. *Б. М.*).

Оценивая рационализацию производства, как шаг, направленный против рабочего класса, выступая против нажима на нормы и расценки, оппозиция обнаруживает, что она совершенно не понимает задач социалистической организации производства.

Было бы ненужным повторением самых азбучных, всеми усвоенных истин, если бы мы принялись доказывать сейчас, к десятилетию революции, что нам необходимо перенять у современного капитализма его прогрессивные завоевания—науку и высокую технику, изгнание лишних движений, введение наилучшей системы учета и контроля.

> «Осуществимость социализма определяется именно нашими успехами в сочетании советской власти и советской организации управления с новейшим прогрессом капитализма» (Ленин, т. XV, стр. 210).

Все это давно понято рабочим классом, как ясно и то, что введение новых машин, изменение методов работы людей связано с частичным вытеснением рабочих из тех цехов, где эта рационализация проведена. От этого могут временно пострадать цеховые интересы отдельных групп рабочих. Но наши классовые интересы, интересы нашего советского хозяйства, хозяйства пролетарской диктатуры, наша обязанность понизить себестоимость продукции, снизить цены и т. д. и т. п. стоят выше цеховых интересов. Вот как говорил об этом Ленин:

> «*Есть такие профессии, которые были нужны капиталистам, но которые не нужны нам. Мы знаем, что рабочие этих профессий голодают тяжелее других. Иначе быть не может.* Капитализм сломан, но социализм еще не построен и это будет еще долгое время. Здесь мы сталкиваемся со всеми недоразумениями, которые являются не случайными, а результатом исторической розни профсоюзов, как орудия цехового об'единения при капитализме и как классового об'единения рабочих, которые взяли государственную власть. Такие *рабочие идут на все жертвы и создают дисциплину, которая заставляет говорить и смутно чувствовать, что интересы классовые выше интересов цеховых*» (Ленин, т. XVII, стр. 105. Курсив мой. *Б. М.*).

Не только т. Ленин, но и т. Троцкий, когда он не шел в поход против партии, говорил на XII с'езде партии: «Было бы величайшим маловерием со стороны рабочего класса в целом и его партии, если бы они маскировали безработицу, т.-е. содержали на заводах лишнее количество рабочих и работниц, еле работающих».

И все это ничуть не мешает оппозиции говорить, что коллективный договор должен включать в себя гарантию от сокращения по отношению к данному составу рабочих и служащих на время действия договора. Но так как колдоговора всегда перезаключаются, то в сущности это требование означает установление раз и навсегда гарантии от всякого сокращения для каждого попавшего в предприятие. Ставя вопрос таким образом, оппозиция по существу договорилась до того, что на время действия колдоговора предприятиям запрещается вводить новые машины, новую организацию производства, что является верхом бессмысленности. Ведь отказываться от рационализации нашего производ-

ства мы не можем. «Надо организовать труд по-новому, создать новые формы производства, провести в жизнь трудовую дисциплину» (Ленин, т. XVII, стр. 103). А проводя рационализацию, мы не можем зарекаться от отдельных сокращений штатов, не смущаясь тем, что сапроновцы на этой почве утверждают, что «ЦК думает только о том, как освободить предприятия от лишних рабочих». Эту низкопробную демагогию раскусит всякий; линия нашей партии в вопросах социалистической организации производства ясно и исчерпывающе определена в резолюции ЦК ВКП(б), в которой черным по белому написано [1]):

> «В отличие от капиталистической рационализации *социалистическая рационализация имеет своей целью увеличение численности рабочего класса, повышение его материального и культурного уровня*, удовлетворение растущих потребностей широких трудящихся масс, укрепление смычки между пролетариатом и крестьянством и создание материальной базы дальнейшего развития социалистических элементов нашего хозяйства».

Ту же точку зрения проводит в своей резолюции и августовский об'единенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б):

> «Необходимо исходить из того, что рационализация является важнейшим условием переустройства всего хозяйства и радикального улучшения положения рабочего класса».

Численность рабочего класса.

Теоретически вопрос ясен. Нам остается проверить, не извращена ли эта линия на деле, не соответствует ли действительности утверждение нашей оппозиции о том, что развитие промышленности и транспорта не поглощает рабочих, вытесняемых из производства в связи с рационализацией труда.

Берем соответствующие цифры по данным Госплана СССР:

	1924/25	1925/26	1926/27	1927/28
Число занятых по найму (в тыс.)	8.215	9.843	10.366	10.500
в % к пред. году	—	119,8	105,3	101,6
В т. ч. занят. по найму в круп. пром. (в тыс)	2.109	2.672	2.786	2.858
в % к пред. году	—	126,7	104,3	102,6

Если проследить изменение числа рабочих (не считая служащих и младшего обслуживающего персонала) в цензовой промышленности по данным ЦСУ [2]), то и здесь мы видим непрерывное увеличение числа постоянных рабочих:

на 1/I — 1923 г.	1.353.800	
» 1/I — 1924 »	1.461.800	(т.-е. 108% к пред. году)
» 1/I — 1925 »	1.680.800	(» 115% » »)
» 1/I — 1926 »	2.268.800	(» 135% » »)
» 1/I — 1927 »	2.372.100	(» 104% » »)
» 1/VII — 1927 » [3])	2.549.000	

Цифры выступают здесь против оппозиции. Это видно всякому. Рационализация производства происходит у нас не на фоне вы-

[1]) «Правда» 25/III — 1927 г. № 69.
[2]) «Статист. справочник. СССР за 1927 г.». Изд. ЦСУ, стр. 81.
[3]) Цифры на 1/VII—27 г. получены в ЦСУ.

тесиения, или—как угодно выражаться оппозиции—«выплевывания» рабочих, а на фоне консолидации и собирания сил численно растущего пролетариата.

Так оказывается битой первая карта оппозиции.

Посмотрим теперь, как выглядит так называемое «ухудшение» материального положения рабочих, остающихся «невыплюнутыми».

Обратимся для начала к заработной плате.

Заработная плата.

Оппозиция приводит обычно, не указывая источников, следующие цифры: для I квартала 1926/27 г. зарплата составляла в среднем по крупной промышленности в московских рублях 30 р. 67 коп., для II квартала 30 р. 33 к., для III квартала 31 р. 26 коп. против 29 р. 68 коп. осенью 1925 года.

Цифры эти нуждаются в серьезной поправке: в качестве свидетеля для очной ставки с оппозиционными цифрами мы готовы вызвать статистику и ВЦСПС, и ВСНХ, и ЦСУ.

По всем этим источникам картина изменения заработной платы в промышленности рисуется в следующем виде:

Средняя месячная реальная зарплата рабочих в промышленности (в услов. Московск. руб.)[1].

Годы	Для рабочих цензовой пром. (данные ЦСУ)		По предприят., учит. ЦОС ВСНХ (данные ЦОС ВСНХ)		По пром. предпр. с числом рабочих 250 и больше (данные ВЦСПС)	
	Абс.	В % к пр. году	Абс.	В % к пр. году	Абс.	В % к пр. году
1923—24	21,45	—	20,20	—	20,75	—
1924—25	26,24	122	24,13	119,4	25,19	122,0
1925—26	29,40	113	27,67	114,7	28,57	113,4
1926—27 I кварт.	31,48	—	} 29,60	—	30,67	104,6
II кварт.	нет свед.	—		—	30,33	112,0
III »	»	—	31,45 (апр. май)	—	32,70	118,7
IV »	»	—	нет свед	—	33,92	111,9

Все эти ряды цифр (а других источников в СССР нет) в один голос говорят о непрерывном росте реальной заработной платы рабочих. Таким образом, легенда оппозиции о том, что реальная зарплата в 1927 г. якобы стоит в лучшем случае на том же уровне, что осенью 1925 г.—рушится, как карточный домик от легкого ветерка.

За последние 2 года зарплата в реальном выражении поднялась по данным ВЦСПС на 27%.

[1]) Разница между сведениями разных источников зависит от различного круга предприятий, входящих в подсчет и от методов исчисления.

Данные ЦСУ приводятся по «Статист. справ. за 1927 г.», стр. 286—287. Данные ЦОС ВСНХ приводятся по статист. бюллетеням ЦОС ВСНХ № 12 (27), за 1924—25 г., № 12 (39) за 1925—26 г., № 8 (47) за 1926—27 г. Данные ВЦСПС получены непосредственно из отдела статистики труда ВЦСПС. Цифры за IV кварт. 1926—27 г. предварительные.

Если рядом с этим еще сопоставить уровень реальной зарплаты по сравнению с довоенным, то мы получим яркую картину непрерывного и безусловного улучшения положения рабочего класса, заработная плата которого достигает в IV квартале 1926/27 г. 117% довоенного уровня.

Все данные свидетельствуют, голословно заявляет оппозиция, что рост зарплаты отстает от роста производительности труда. Это грозное утверждение сообщается без всяких цифр, но провозглашается с таким апломбом, словно и не нуждается в проверке. Между тем, цифры говорят прямо противоположное.

Если сопоставить изменение годовой выработки на 1 рабочего и реальной зарплаты по годам, то мы получим в целом такую картину [1]):

Годы	Годовая выработка на 1 рабоч. в проц. к пред. г.	Рост реальной зарплаты в проц. к пред. г.
1920—21	104,3	122,4
1921—22	181,1	123,1
1922—23	112,3	127,0
1923—24	114,2	130,7
1924—25	134,7	121,3
1925—26	111,4	113,5
1926—27	113,3	111,7

Мы видим здесь непрерывное возрастание из года в год и заработной платы и производительности труда. Наибольший рост происходит, конечно, в период восстановления промышленности и более замедленный, но вполне нормальный прирост имеет место в последние годы.

Еще более выпукло можно проследить, что рост зарплаты идет впереди роста производительности труда по следующей таблице, в которой дневная производительность труда и реальная зарплата первого полугодия 1924/25 года принята за 100 (по данным ЦОС ВСНХ), а дальнейшие их изменения исчислены по отношению к I полугодию 1924/25 года [2]):

Период времени.	Выработка на 1 челов. в день	Дневная реальная зарплата рабочего
I полугод. 1924—25 г.	100,0	100,0
II » 1924—25 »	110,0	111,0
I » 1925—26 »	113,0	122,6
II » 1925—26 »	122,1	123,5
I » 1926—27 »	126,3	130,8
III кварт. 1926—27 »	133,0	139,8

[1]) Данные за 1920/21—1925/26 г. взяты из статьи Розенталя в № 18 «Большевика». Данные за 1926—27 г. приведены по докладу т. Беленького на пленуме ВЦСПС. «Труд» 14/X—27 г. № 35.

[2]) Тирабанурт—«Вопросы труда и оппозиция», Москва, 1927 г., стр. 18

В погоне за сочувствием наиболее отсталых слоев рабочего класса оппозиция выступает с заманчивым «практическим» предложением о необходимости *положить конец (!) постоянным изменениям норм и расценок*.

Здесь оппозиция прямо предлагает нам не более и не менее, как остановиться на нынешнем уровне производительности труда и, невзирая даже на изменения техники, оставаться на нынешних нормах. Каждому ясно, что это нелепо, но, как ни странно, с этим выступают даже идеологи оппозиции.

Как это далеко, как не похоже на то, чему учил Владимир Ильич, когда писал:

«Производительность труда—это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда» (Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 254).

«Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, об'единенных, использующих передовую технику рабочих» (там же, стр. 256).

Голословные утверждения оппозиции о сокращении расходного бюджета рабочей семьи, начиная с 1924/25 года, о снижении числа работающих членов семьи рассчитаны явно на то, что эти положения не будут подвергаться проверке. Иначе вряд ли стоило говорить об этом. Средний размер ноябрьского расходного бюджета рабочей семьи изменялся по данным ЦСУ за последние 5 лет следующим образом: в 1922 г.—33,77 усл. руб. в 1923 г.—36,68 р., в 1924 г.—44,66 р., в 1925—52,24 р.[1]), в 1926—50,43 р.[2]). При пересчете бюджета на 1 взрослого едока рабочей семьи оказывается, что расходный бюджет в условн. рублях изменялся за те же годы следующим образом: 11,5—12,7—16—18,5—18,4.

Оппозиция готова злорадствовать по поводу последней цифры, показывающей понижение бюджета на едока на целый гривенник, но это преждевременно: этими цифрами надо пользоваться с осторожностью. ЦСУ в своем справочнике прямо оговаривает, что, изучая бюджеты рабочих, «важно иметь в виду, что вес зарплаты в бюджете изменялся не только под влиянием роста зарплаты, но и в зависимости от неравномерности выплаты заработка по отдельным месяцам». Насколько последняя цифра случайна, видно из того, что по предварительным материалам, опубликованным в журнале «Статистика труда» № 5—6 за 1927 г. расходный бюджет в ноябре 1926 г. составлял 52,75 условн. рубля.

Надо иметь в виду, что в прошлом году основной прирост заработной платы был после ноября, а индексы цен как раз еще росли в ноябре.

А это говорит как раз о том, что *нет оснований для утверждения о понижении бюджета рабочей семьи*.

Переходим к вопросу об изменении числа работающих членов семьи. По выборочному обследованию бюджетов семейных рабочих

---

¹) Данные ЦСУ за 1922—25 гг. «Статист. справ. за 1927 г.», стр. 297.
²) Данные за 1926 г. взяты непосредственно в ЦСУ.

(а других цифр нет по данному вопросу), *процент работников в семье непрерывно возрастает*:

Время обследования	Число наличн. членов рабоч. семьи	Число работников	% работников к числу членов семьи
	В среднем на 1 хозяйство		
XI—23 г.	4,23	1,25	29,5
XI—24 »	4,15	1,24	29,0
XI—25 »	4,16	1,32	31,5
XI—26 »	4,09	1,30	31.7

Из этой таблицы явствует, что если среднее число членов семьи и работников несколько колеблется (в зависимости от случайного размера семей, подвергнутых обследованию), то во всяком случае процентное соотношение числа работников в семье непрерывно возрастает. А только это и является показательным.

Таким образом, откуда берет оппозиция свой вывод об уменьшении в последние годы числа работающих членов рабочей семьи, так и остается «секретом изобретателей».

Касаясь вопросов заработной платы, оппозиция обычно останавливается еще на характеристике зарплаты подростков и женщин. Эти вопросы весьма показательны для характеристики того, как оппозиция стряпает свои материалы.

Оппозиция цитирует часто в своих выступлениях «обзор экономического положения молодежи за 1924—25 и 1925—26 гг.» и говорит, что средний уровень зарплаты подростков по отношению к заработку всех рабочих непрерывно понижается: в 1923 г. он составлял 47,1%, в 1924 г.—45%, в 1925 г.—43,4%, в 1926 г.—40,3%, в 1927 г.—39,5%.

Берем цитируемый обзор (он отпечатан на литографе и роздан делегатам 5 Всесоюзной Конференции ВЛКСМ) и узнаем, что в нем последней цифры нигде нет.

Итак, для 1927 года цифра под сомнением.

Наводим справку в ВЦСПС и оказывается, что *уровень зарплаты подростков по сравнению с зарплатой всех рабочих за последний год не понизился, а как раз повысился по сравнению с 1926 г.* и достигает 41,1%, а ведь это сразу разбивает и все умозаключения оппозиции об ухудшении заработка подростков.

Утверждают далее, что в 1926 г. произошло явное ухудшение соотношения зарплаты работниц и рабочих почти во всех отраслях. Этим оппозиция опять-таки сознательно вводит партию в заблуждение. По данным обследования дифференциации заработной платы, соотношение дневной зарплаты женщин (1 р. 26 к. в черв. исч.) к зарплате мужчин (1 р. 95 коп.) составляло в марте 1924 г.—64,5%, а в марте 1926 г. это соотношение уменьшилось очень незначительно до 63,4% (мужч.—2 р. 82 к., женщина 1 р. 79 коп.). Однако, самое существенное заключается в том, что

---

¹) См. предисловие Струмилина к книге Кабо «Питание русского рабочего до и после войны». Москва, 1926 г.—курсив мой. *Б. М.*
²) Цифровые данные приведены в статье Хавина в «Спутнике Коммуниста». № 15—16 за 1927 г. и в статье Розенталя в «Правде» от 13 октября 1927 г. и в «Большевике» № 18 за 1927 г.

в течение 1926 г. произошел опять перелом, и уже по предварительным данным за март 1927 г. *соотношение заработков опять складывается благоприятней в пользу работниц,* которые оказались в выигрыше от проведенного подтягивания зарплаты отставших групп. Вот соответствующие данные по отдельным производствам:

Дневная зарплата работниц в проц. к зарплате мужчин в марте 1926 и 1927 г.

	1926 г.	1927 г.
Хлопчато-бумажн. пр-во	70,9	72,9
Шерстяное	75,6	75,5
Полиграфическое	65,8	69,6
Спец. машино-строит.	58,3	60,0
Металлургия	45,8	51,1
Резиновое пр-во	68,7	69,2
Кондитерское	67,6	70,5

Так факты и цифры безжалостно разбивают оппозиционные фантазии об ухудшении положения женщин и подростков.

Так же легко рассыпается утверждение о снижении жизненного уровня рабочего класса. Возьмем для примера некоторые вопросы рабочего быта (питание, душевое потребление товаров и т. п.).

Калорийность питания рабочего и служащего непрерывно возрастает. Это видно из следующей таблицы [1]):

Питание на 1 взрослого едока в день

Сельскохоз. год		приходится калорий на рабочего	на служащего
1918—19 г.	Март—апрель	2.268	2.439
	Июль	2.517	2.533
1919—20 »	Декабрь	2.846	2.739
	Май	2.786	2.513
1920—21 »	Октябрь	2.783	2.679
	Апрель	2.391	2.357
1921—22 »	Сентябрь	2.622	2.498
	Февраль	2.461	2.481
1922—23 »	Октябрь	3.193	2.968
	Февраль	3.247	3.071
1923—24 »	Февраль	3.330	3.096
1924—25 »	Октябрь	3.422	3.160
	Февраль	3.273	3.065
	Июнь	3.353	3.152
1925—26 »	Октябрь	3.445	3.193
	Февраль	3.445	3.229

Для лучшего уяснения этой таблицы, пожалуй, не лишне напомнить, что до войны питание русских рабочих различных

[1]) «Статист. справ. СССР. 1927 г.», изд. ЦСУ, стр. 322—23.

районов колебалось от 2.900 калорий (Богородский уезд—1909 г.) до 3.036 (Середа—1910 год) и 3.255 калорий (Петербург, текстильщики—1908 г.).

«*Наш пролетариат уже к концу 1924 года превзошел и в количественном и в качественном отношении все довоенные нормы питания*»,—пишет Струмилин [1]).

Душевое потребление целого ряда промышленных товаров на душу населения в рабочем классе также превзошло довоенные нормы, при чем значительно больше, чем потребление населения в целом [2]). Так расшифровывается сочинение оппозиции о «понижении жизненного уровня рабочих».

Недаром такой вопиющий конфликт с цифрами заставляет наших оппозиционеров обращаться к партии с предложением пересмотреть всю систему статистики труда. Она им явно неприятна.

На ряду с ростом зарплаты и увеличением потребления, одним из показателей улучшения материального положения рабочего класса служит рост расходов на социальное страхование. Общий расход на одного застрахованного увеличивается из года в год [1]).

Расход на 1 застрахованного в рублях.

Расходы	1924—25 г.	1925—26 г.	1926—27 г.	Контрольн. цифры на 1927—28 г.
На врем. нетрудосп.	17,40	24,16	24,10	24,85
» инвалидность	9,50	14,11	17,83	20,09
» дополн. виды обесп.	6,87	9,52	8,87	8,9'
» безработицу	4,65	6,17	7,52	13,52
Итого	38,42	54,03	58,32	67.37

Бюджет соцстраха, достигавший в 1924—25 г. 427 милл. руб., вырос в 1926—27 г. до 832 милл. руб. (не считая расходов на рабочее жилстроительство) [2]).

Наконец, в наиболее ярком виде рост благосостояния рабочего класса рисуется следующей цифрой (взятой из контрольных цифр Госплана): в то время, как общий национальный доход всего населения СССР вырос за 2 года с 1923—24 г. по 1925—26 г. на 60%, доход лиц наемного труда за этот период вырос на 115% [3]).

Пусть кто-нибудь из оппозиционеров попытается опорочить этот основной политический итог—он лучше всего говорит о правильности линии ЦК.

Батрачество.

Переходим к вопросу о батрачестве. Оппозиция утверждает прежде всего, что основным нанимателем батраков в деревне являются кулаки. Их утверждения вкратце сводятся к тому, что

[1]) См. контрольные цифры социальн. страхов. «Труд» от 12 окт. 1927 г.
[2]) См. А. Бахутов—«Вопросы труда», «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» от 30/IX—27 г. № 224.
[3]) См. Тирзбанурт—«Вопросы труда и об'единен. оппозиция». Москва, 1927 г. Стр. 15.

вместе с концентрацией земли и средств производства в руках высших групп эти последние во все возрастающем размере применяют наемный труд.

Если опять-таки по этому вопросу обратиться к цифрам, то устанавливается непреложный факт, что основная масса наемных рабочих в сельском хозяйстве сосредоточена в середняцких хозяйствах (средних по посеву), что за 1926 год (дальнейших данных еще нет) *наем рабсилы повысился, как в середняцких, так и в кулацких группах хозяйств, при чем в середняцких группах рост подсобного наемного труда (особенно поденных и сдельных рабочих) по сравнению с 1925 г. заметнее, чем в кулацких.*

Эволюция найма рабсилы в деревне вкратце определяется по данным ЦСУ следующей таблицей [1]):

Хозяйства с посевом	Хозяйства, пользующиеся наемной рабсилой, а проц. к числу хозяйств в группе.			
	Потребляющая полоса		Производящая полоса	
	1925 г.	1926 г.	1925 г.	1926 г.
I без посева и с посевом до 0,1 дес.	0,9	4,0	1,0	6,3
II 0,1— 1 дес.	20,4	48,8	5,7	34,1
III 1,1— 2 »	14,9	32,1	8,2	37,1
IV 2,1— 3 »	7,1	17,8	8,4	37,2
V 3,1— 4 »	4,8	13,7	6,8	32,7
VI 4,1— 6 »	4,7	13,3	5,5	28,1
VII 6,1—10 »	4,8	17,8	7,5	27,4
VIII 10,1—16 »	6,2	24,7	11,7	30,5
IX 16,1—25 »	45,5	36,8	21,5	36,3
X свыше 25 дес.	—	100	33,3	44,3
Итого	10,6	25,2	7,2	31,5

Мы видим наиболее резко заметное нарастание числа хозяйств, прибегающих к найму батраков, именно в среднепосевных хозяйствах.

Об'ем работы не позволяет нам подробней остановиться на эволюции найма рабсилы в разрезе разных районов и в зависимости от характера самого найма [2]).

Бесспорно, конечно, что *в середняцких хозяйствах наем, как правило, носит характер использования подсобной рабочей силы* [3]), а не чисто капиталистический, эксплоататорский.

Из всего сказанного ясно, что мы никак не можем согласиться с той формулировкой, которую дает оппозиция и которая подчеркивает возрастание наемного труда лишь в отношении высших групп крестьянских хозяйств. Паника перед кулаком опять толкнула оппозицию на то, чтобы заслонить середняков—эту основ-

[1]) «Статистич. справочник на 1927 г.», стр. 87.

[2]) Несколько подробней эта тема развита в статье т. Яковлева—«Итоги и уроки применения наемного труда в крестьянском хозяйстве». «Правда» от 29 июля 1927 г. № 170.

[3]) Это подтверждается изучением цифр, приводимых ЦСУ в «Статистич. справочнике на 1927 г.», стр. 87 и след.

ную массу крестьянства. Мы не собираемся ни на час отказываться от всесторонней защиты интересов батрачества и перед нанимателем-середняком, но будем делать это спокойно через союз, через органы НКТ, не разжигая и не раздувая классовой войны, не ставя середняков по ту сторону баррикады в один лагерь с кулаком.

Насколько эта линия действительной всемерной защиты всего батрачества проводится на деле, видно уже сейчас из практических результатов работы профсоюза сел.-хоз. рабочих.

Ведя «последовательную» линию, оппозиция, видимо, наотрез отказывается признать в этом вопросе какие бы то ни было успехи.

Касаясь вопроса о заработной плате батрачества, оппозиция в своих выступлениях утверждает, что: 1) зарплата батраков обычно ниже госминимума, не исключая нередко и совхозов, и что 2) реальная зарплата в среднем не выше 63% довоенной.

Тут опять прежде всего не сведены концы с концами. Нынешний размер госминимума колеблется в различных районах от 7 до 10 червонных рублей, если перевести его на бюджетные рубли, то он выразится с грубым приближением в среднем примерно, в сумме около 3,5—5 бюдж. руб. Между тем, довоенный заработок сел.-хоз. рабочих составлял для сроковых рабочих в 1910 году, (на хозяйских харчах) в среднем 8 р. 40 коп., а в 1913 г. (который характеризуется высокой сел.-хоз. кон'юнктурой) 10 р. 08 коп. [1]).

Если, поверив оппозиции, мы предположим, что заработок батраков составляет только 63% от довоенного заработка 1913 г., то мы получим, что он равняется 6,35 бюджетным рублям или, исчисляя к 1910 г.—5 р. 29 коп. в месяц. Если это так, то неверно первое утверждение, что зарплата батраков обычно ниже госминимума, обе эти цифры все же выше госминимума. Но и этого мало. Оппозиция пускает туман и в цифре о том, что мы достигли лишь 63% довоенной заработной платы батраков. *Заработная плата батраков уже в 1924 году составляла 63,3% по отношению к 1913 году (или 69,3% к 1910 году)* [2]).

С тех пор положение безусловно улучшилось: в 1926 г., судя по материалам ЦК союза сел.-хоз. рабочих, реальная зарплата мужчин—рабочих в совхозах—составляет 85,3% по отношению к 1910 году или 72,4% к уровню 1913 года [3]).

Насколько зарплата батраков даже в крестьянских хозяйствах выше госминимума, видно из того, что средний заработок в червонных рублях по трудовым договорам составлял в 1926 г. [4]).

	В январе	В апреле	В июле	В октябре
Для батраков	14,60	14 р. 99 к.	18 р. 04 к.	19 р. 69 к.
» батрачек	10,53	10 » 84 »	14 » 35 »	15 » 38 »
» пастухов	—	19 » 88 »	23 » 02 »	24 » 37 »

[1]) Статистико-экономический сборник под ред. Струмилина. «Наемный труд в сельском хозяйстве». Стр. 144—150, ст. Овсянникова—«Заработная плата и рабочий день батраков, занятых в крестьянских хозяйствах». Москва, 1926 год.

[2]) Там же.

[3]) Материалы к тарифно-экономическому совещанию союза сел.-хоз. рабочих СССР. Январь 1927 г. (Литограф. изд.).

[4]) Материалы к 3-му пленуму ЦК союза сел.-хоз. и лесных рабочих СССР. Май 1927 г. (Литограф. изд.).

Зарплата совхозских рабочих была, конечно, еще выше: в июле 1925 года она составляла в среднем 19 р. 75 к., а в июле 1926 г.—24 р. 68 коп.

Оппозиция не преминула кинуть камень в союз сел.-хоз. рабочих, указав, что только 20% батраков охвачены профсоюзом. Это неверно. Если членами союза год назад на 1/X—1926 г. состояли до 24% батраков, занятых у крестьян, то уже в то же самое время союз охватывал трудовыми договорами 46,2% батраков, нанятых в крестьянских хозяйствах и обществах. Число договоров, заключаемых при участии союза, растет из года в год (в 1924 г.—376 тысяч, в 1925—819 тысяч, в 1926—1.183 тыс.).

Тем, кто думает, что задача охвата батраков очень проста и может быть подтянута в один день, тем кто думает, что подобной легковесной критикой оказывается помощь союзу сел.-хоз. рабочих в его труднейшей работе, не мешает напомнить слова т. Ленина о том, что «трудности организации сельских рабочих огромны—это очевидно» (Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 281). Преодолевая эти трудности, союз непрерывно впитывает в себя огромные массы батраков, занятых в крестьянских хозяйствах, что видно из следующей таблицы вполне здорового и крепкого роста:

Число батраков, занятых в крест. хозяйствах, организованных в союз.

1923 г. Январь	4,7 тыс.	1,9 % ко всем членам союза
1923 » Июль	13,5 »	4,9 »
1924 » Январь	12,5 »	7,9 »
1924 » Июль	52,4 »	15,9 »
1925 » Январь	99,9 »	24,1 »
1925 » Июль	189,4 »	31,8 »
1926 » Январь	221,9 »	25,9 »
1926 » Июль	301,3 »	29,9 »

Жилищный вопрос.

Критика политики ЦК в жилищном вопросе является наиболее серьезным оружием, которое оппозиция извлекает из своего арсенала. Но единственно важное, что оппозиция нашла нужным рассказать партии по этому вопросу это то, что якобы рабочие крупнейших промышленных городов являются наиболее обделенной в квартирном отношении частью населения. В практических предложениях оппозиционеры выставляют требования:

1) систематически улучшать жилищные условия для рабочих, 2) твердо проводить классовую политику в вопросах квартирной платы; 3) много говорят о необходимости отвергнуть перспективу жилстроительства, разработанную комиссией Госплана.

Прежде всего здесь бросается в глаза все тот же знакомый нам прием «правдивой и честной проверки наших успехов». Всем известно, что жилищный баланс для всего населения складывается неблагоприятно. Средний размер жилплощади на душу населения по сравнению с довоенным временем в связи с быстрым ростом городского населения непрерывно сокращается—это факт. Но марксист должен ставить вопрос в классовом разрезе: что получил от революции в квартирном вопросе рабочий класс? Оппозиции сквозь ее очки кажется, что рабочие наиболее обделены. А вот, что говорят факты.

В то время как жилищное обеспечение городского населения в целом сокращается, происходит классовое перераспределение жилой площади, и рабочий класс, живший в подвалах, конурах и углах в «кабальных» спальнях, «балаганах», «каютах» и «логовищах», от этого сильно выиграл. В России не было итоговых данных о довоенном положении жилищ для рабочих. Приходится пользоваться отдельными исследованиями.

До войны, по материалам Уварова и Лялина, Лященко, Покровской, Прокоповича, Давидовича и др., средний размер жилплощади в рабочих семьях составлял в разных районах в лучшем случае около 0,5 куб. сажени на одного живущего.

Каково же положение после революции? Предоставим слово исследователю-статистику тов. В. А. Зайцеву. Он пишет:

> «Исчерпывающих цифр по этому вопросу нет. Но проводимые ежегодно бюджетные обследования, охватывающие ежегодно свыше 3 тысяч рабочих семей СССР за последние годы дают устойчивую цифру—около 10 кв. аршин жилой площади на 1 душу. Это составляет не менее $1\frac{1}{2}$ куб. саж. на одного живущего (считая среднюю высоту комнаты не менее 4 арш.). Таким образом, *улучшение по сравнению с довоенным временем немаленькое»* [1].

К таким же выводам приводит изучение и многих других источников. Приведем лишь один пример. Из сборника Моссовета мы узнаем, что средняя площадь на душу населения в Москве сократилась с 14,7 кв. арш. в 1913 г. до 11,4 в 1924 г., и наряду с этим там же мы читаем:

> «Жилищные условия выравнены в $^4/_5$ всего жилищного фонда. Вместо $^2/_3$ населения, в условиях перенаселенности осталась только одна треть. Цифры наблюдения санитарного персонала приводят к убеждению, *что жилищные условия значительной части рабочих, по сравнению с довоенным временем, улучшились. Это улучшение жилищных условий и служит одной из причин резкого падения смертности»* [2].

Все эти итоги великого переселения народов после Октября, все эти факты первостепенной важности исчезли у наших критиков; для них, конечно, не могло найтись места в оппозиционных выступлениях, ибо классовая политика партии в жилищном вопросе выпирает здесь и говорит сама за себя.

Посмотрим теперь, как обстоит с тяжестью квартирной платы. Изучение расходных бюджетов семейных рабочих до революции показывает, что чистый расход рабочей семьи на наем помещения (без расходов на освещение, отопление и пр. и за вычетом поступлений от жильцов) составлял весьма значительную величину: питерские текстильщики в 1907—08 г. расходовали на жилище 12,07% своего бюджета (данные Давидовича), киевские рабочие в 1912 г. тратили на наем помещения 16,37% своего бюджета (данные Наумова). Петербургские рабочие, по исследованиям Прокоповича, тратили на жилище 15,26% своего бюджета. В лучшем случае, рабочие расходовали на жилище около 7% своего бюджета (данные Стопани за 1909 г. для нефтепромышленных рабочих

---

[1]) Вл. Зайцев — «Труд и быт рабочих подростков». 1926 г., стр. 254. Курсив мой. *Б. М.*

[2]) «Работа Московского Совета Раб. Кр. и Кр. Депутатов» № 12. Москва, 1925 г., стр. 78.

г. Баку и данные Шапошникова для Богородских текстильщиков за 1908—1909 г.) [1]).

Ложится ли и в наше время наем помещения тяжким бременем на бюджет рабочего? На этот вопрос отвечают данные ЦСУ, полученные при изучении бюджетов рабочих семейств. Оказывается, что стоимость жилища в самое последнее время, осенью 1926 г., уже после проведенного повышения квартплаты, составляла 6,7% расходного бюджета. Цифры значительно меньшие, чем до революции.

Всякому известно, что жилищный фонд у нас приходит в упадок. Одна из причин этого—недостаточность квартирной платы. Необходимость перехода на самоокупаемость квартир заставляет и дальше поднимать общий уровень квартплаты. На рабочем бюджете это тоже частично отражается. В силу существования у нас квартирной платы, выраженной в скале скользящих ставок, зависящих от уровня заработка и от социального положения квартиронанимателей, *тяжесть повышения квартирной платы менее ощутима для рабочего класса и особенно мало отражается на нижеоплачиваемых группах рабочих и служащих.*

Мы видим из всего этого, что с требованием классовой политики в жилищном вопросе оппозиция маленько запоздала. Эта политика давно уже проводится на деле.

Остается рассмотреть, делается ли все возможное для улучшения жилищного положения рабочего класса за последние годы.

Общий фонд жил. площади промышленности в 1926 г. составлял 1.540 тысяч квадр. саж. К концу 1927 г., за вычетом разрушающейся за год жилплощади, он составил 1.676 тыс. кв. саж. (увеличение на 8,8%). На 1928 год ВСНХ предполагает рост жилплощади еще на 183 тыс. кв. саж., т.-е. прирост около 9%; этим предполагается увеличить средний размер площади на 1 живущего с 10,2 кв. арш. до 10,4 кв. арш.

Размер расходов на жилищное строительство растет из года в год, это видно наглядно из следующей таблицы, взятой нами в правительственной комиссии содействия рабочему жилстроительству (см. стр. 81).

В контрольных цифрах, приводимых нами, еще не учтено решение последней сессии ЦИК СССР, об'явленное в Манифесте от 15/X—1927 г. об увеличении ассигнований по госбюджету на рабочее жилстроительство на 50 милл. руб. по сравнению с прошлым годом.

Эти огромные вложения в рабочее жилстроительство, достигающие по одной промышленности 11—14% от общих размеров капитальных затрат, дают, конечно, определенный эффект, который недостаточно заметен только потому, что рост населения рабочих районов происходит с колоссальной быстротой [2]), а за восстановление разрушенного во время империалистической и гражданской войны жилфонда мы смогли взяться лишь в самые последние годы.

Известно, что жилстроительство требует колоссальных средств. По исчислениям комиссии Госплана, для удовлетворения потребностей городского населения в жилплощади по сан. норме в 16 кв.

1) См. журнал «Статистика Труда», № 5 за 1925 г.

2) Население Иваново-Вознесенска за 1917—1926 гг. выросло на 30%, Серпухова — на 48%, Егорьевска — на 32% и т. д.

Категории строителей	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	Контрольные цифры на 1927/28 г.
Промышленность	65,0	106,0	106,0	110,5
Транспорт	9,8	22,2	33,3	40,0
Исполкомы	39,0	67,9	94,0	147,4
Кооперация	18,3	34,5	47,5	30,2 [1])
Курортн. строит.	—	—	1,0	—
Всего по обобществл. строит.	132,1	230,6	281,9	328,1 [1])
в % к пред. году	—	174,0	122,0	117,0 [1])
Индивид. рабочее жилстроительство	49,0	88,0	112,0	119,2
Итого	181,1	318,6	393,9	447,3 [1])
в % к пред. году	—	176,0	122,0	114,0 [1])

арш. надо иметь 11 млрд. руб. [2]). Эту цифру можно выпукло рассматривать на примере одного из крупнейших хозорганов—«Югостали»: для удовлетворения всей жилищной нужды заводов и рудников «Югостали» надо было бы ассигновать 198 милл. руб., а «Югосталь» израсходовала за 1924 и 1925 гг. 17,5 милл. руб. Только бесчестный человек мог бы утверждать, что мы можем в течение 2—3, даже 5 лет полностью удовлетворить всю эту вопиющую нужду. Но значит ли это, что мы ничего не сделали? Конечно, нет. К началу 1926 года жилплощадь «Югостали» составляла 706 тысяч кв. метров (по 6,2 кв. метра на душу населения), а к началу 1927 года она увеличилась на 18% и достигла 835,5 тысяч кв. метров. Однако, благодаря приросту населения колонии за год почти на 16% средняя площадь увеличилась незначительно (до 6,26 кв. метра на душу).

Подобных примеров можно было бы привести десятки и по текстильной промышленности и по Донуглю, Азнефти и др.

Одна из больших трудностей для благоприятного разрешения жилищного вопроса в промышленности заключается в огромной текучести рабочей силы и в том, что, получив от предприятия даже скудную жилплощадь, рабочий тут же вызывает членов своей семьи.

Оппозиция считает своим долгом апеллировать к парт'езду с жалобой на работы комиссии Госплана, составлявшей первый вариант пятилетнего плана. Прежде всего весьма странным кажется нам такой порядок рассмотрения вопросов: непонятно, почему парт'езду следует заняться работами той или иной комиссии Госплана, которая не утверждена ни ЦК партии, ни правительством; с тем же правом мы можем обратить внимание партии на то, что в материалах ВСНХ к пятилетнему плану исчислены большие вложения промышленности в жилстроительство: комиссия

1) В «Контрольные цифры на 1927/28 г.» не входят расходы жилкооперации по Москве, это преуменьшает и итоговые цифры.

2) «Перспектива развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг.». Изд. Госплана СССР, 1927 г., стр. 367.

Госплана предлагала на пятилетие 1926—27 г. — 1930—31 г.— 765,3 милл. руб., а ВСНХ на те же годы намечает—820,7 милл. рублей [1]).

Насколько нам известно, комитет содействия рабочему жилстроительству разрабатывает еще свой вариант пятилетки, а ВСНХ и Госплан проекты своих комиссий пересматривают. Уважая партс'езд, мы думаем, что ему незачем тратить время на рассмотрение и критику одного из этих черновых вариантов. С'езд наметит, очевидно, общий об'ем и направление расходования капитальных вложений и даст ясную установку для дальнейшего улучшения жилищного положения рабочего класса.

Безработица.

Перечисляя трудности и отрицательные явления, имеющие место на общем фоне нашего роста и улучшения хозяйственной жизни нашей страны, последний об'единенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) указывал, как на одну из них, на «значительную безработицу, главным образом, среди неквалифицированных категорий труда и совторгслужащих при одновременном росте количества занятых рабочих в госпромышленности и недостатке целого ряда категорий квалифицированных рабочих по отдельным отраслям промышленности».

Совершенно иную принципиальную установку безработицы дают оппозиционеры: для них рост безработицы—не одна из трудностей начального периода реконструкции нашего социалистического хозяйства, а «величайший показатель кризисного состояния нашего хозяйства» (Пятаков). Оппозиция считает, что безработица у нас захватила коренные кадры промышленного пролетариата.

Говоря, что медленный темп индустриализации нигде не проявляется так болезненно, как в области безработицы, наши сверхиндустриалисты тем самым утверждают, что может быть в наших современных конкретных условиях такой темп роста промышленности, транспорта и пр., который позволил бы поглотить в ближайшее время тот миллион с лишним людей, ищущих сейчас работы и те новые полтора—два миллиона людей, которых низкий уровень жизни в деревне толкнет в ближайшие 5 лет в город на поиски заработка.

Конечно, на бумаге можно давать волю свободному полету фантазии. Но партия обязана требовать, чтобы в хозяйственных планах отражалась жизненная директива. Партия учится оценивать планы у Владимира Ильича. Мы убеждены, что если бы т. Ленин сейчас услышал разговоры оппозиции о том, что можно взять такой темп индустриализации, который позволит быстро уничтожить нашу по преимуществу аграрную безработицу, то Ленин целиком повторил бы то, что он писал в 1921 г. в статье «Об едином хозяйственном плане»: «Пустейшее говорение. Литературщина. Нежелание считаться с тем, что в этой области создано делового, и изучать его...». «Суть дела в том, что у нас не умеют ставить вопроса и живую работу заменяют интеллигентским и бюрократическим прожектерством.

Дельный экономист, вместо пустяковых тезисов, засядет за

[1]) См. «Материалы к пятилетнему плану развития промышленности». Изд. ВСНХ. Москва, 1927 г., стр. 108.

изучение отчетов, цифр, данных, проанализирует наш собственный практический опыт» (Ленин, Собр. соч., том XVIII, ч. 1, стр. 86).

Характерно, что, *хотя т. Пятаков разрабатывал свою пятилетку по-деловому, у него и намека нет на то, что развитие промышленности проглотить в ближайшие пять лет миллионы новых рабочих.*

А если это так, то и все сетования на то, что в безработице, якобы, виноват низкий темп индустриализации—это не более чем литературные упражнения. Точно та же правдивость содержится и в разговорах о том, что безработица—признак кризиса в нашем хозяйстве. Рост всей промышленности, поглощающей с каждым годом новые кадры рабочих, численный рост пролетариата, улучшение материального положения рабочих—лучшее доказательство того, что *характер нашей безработицы совершенно не тот, что в капиталистических государствах*, где число безработных растет в годы кризиса и именно за счет вытесняемых из производства, при общем понижении уровня жизни всего рабочего класса.

Что представляет собой на деле масса безработных в СССР? В какой мере верно утверждение оппозиции, что безработицей поражены коренные кадры промышленного пролетариата?

По данным НКТ [1]), из числа 1.216.906 человек, состоявших на учете бирж труда на 1/VII—27 г., приходится 43,8% женщин, 13,2% подростков. Очень характерно, что среди безработных 12,5% лиц, прибывших на биржу труда из сельских местностей, и 23,2% людей, впервые предлагающих свой труд.

Из общего числа полутора миллионов безработных не имеет квалификации около половины (606.586 чел., или 49,8%), около пятой части безработных (260.583 чел., т.-е. 21,4%) представляет собой группа интеллигентного труда, главным образом, совторгслужащие.

Сопоставьте с этим, что индустриальная группа квалифицированных и полуквалифицированных безработных составляет 202.731 чел., т.-е. 16,5%, в том числе квалифицированные рабочие 126.346, т.-е. 10,4%, и полуквалифицированные 76.385 чел., т.-е. 6,1%,—и сразу станет ясно, что характер нашей безработицы в основном неиндустриальный, что отнюдь не основные кадры промышленного пролетариата находятся на бирже труда.

Изучение характера безработицы говорит о том, что основные пути борьбы с безработицей лежат не только и не столько в развитии нашей крупной промышленности, сколько в расширении сельского хозяйства, особенно трудоемких культур, в развитии подсобного наемного труда в деревне, в правильном развитии переселенческой политики, в расширении кустарной промышленности, в расширении всех видов строительства (промышленного, жилищного, дорожного и т. д., и т. д.).

Независимо от осуществления этих задач, мы обязаны принимать и принимаем все возможные меры для смягчения тяжелого материального положения безработных.

Одна из основных мер—овладевание государством рынком труда, усиление посылки на работу через биржи труда, посылка в первую очередь членов профсоюзов. В I квартале 1926—27 г. через биржу посылались в губернских городах РСФСР 38,3%,

[1]) Цифры взяты в отделе статистики труда НКТ СССР.

в УССР—51,2% всех поступивших на работу; во II квартале % посылаемых через биржу достиг в РСФСР 54,3%, в УССР—59,5%, и в III квартале—по РСФСР—70,6%, а в столицах доходил до 80%. На всевозможные виды помощи (трудовую помощь, страховую и т. д.) государство и соцстрах тратили в 1926—27 г. 85,5 милл. рублей, сверх того—профсоюзы 15 милл. руб. «Контрольные цифры на 1927—28 г.» намечают увеличение расходов государства и соцстраха на безработицу до 132 милл. рублей [1]).

В то время, как оппозиция, вводя партию в заблуждение, утверждает, что средний размер пособия по безработице, выдаваемого страхкассами, составляет 11,9 черв. руб., на деле средний размер пособия безработным в СССР в марте 1927 г. составлял в среднем 13 р. 03 к. (для РСФСР 13 руб. 34 коп.), а для безработных первой категории даже 17 р. 05 коп. (для РСФСР—17 р. 94 коп.). При чем пособие непрерывно возрастает из месяца в месяц [2]).

Общий расход органов соцстраха (без ЗСФСР) на безработицу составлял в первом полугодии 1926—27 г.—33,5 милл руб., или 12,5% всего расходного бюджета против 9,8% за предыдущий год.

Число безработных, состоящих на пособии страхкасс, выросло за полугодие с 1/X—26 г. по 1/IV—27 г. с 317,5 тысяч до 492,6 тысяч человек, т.-е. на 53,5% и достигло на 1/IV—27 г. 40% всей массы безработных.

Последний (октябрь 1927 г.) пленум ВЦСПС наметил дальнейшее расширение круга безработных, получающих пособие, с доведением общего количества обеспечиваемых до 725 тысяч (в среднем за год) и с повышением нормы пособий примерно на 3—4% [3]).

Нам кажется, что приведено достаточно доказательств того, что оппозиция занимается чистой демагогией, натравливая безработных на страхкассы и утверждая, что обслуживание страхкассами безработных вызывает совершенно справедливые нарекания с их стороны.

Охрана труда.

В области вопросов охраны труда оппозиция окончательно распоясывается. Прежде всего лидеры оппозиции вносят требование пресечь в корне всякие поползновения к удлинению 8-часового рабочего дня. Далее, в своих выступлениях они предлагают отменить все удлинения рабочего дня во вредных цехах, допущенные в отступление от ранее изданных норм. Опять подымают шум против, якобы, широкого применения сверхурочных работ. А кроме всего этого, кричат, что необходимо вернуть рабочим отнятые у них более длительные отпуска.

Касаясь вопроса об ассигнованиях на технику безопасности, троцкист не повторяет уже сапроновской клеветы о том, что они сокращаются, а выражаясь осторожнее, говорит, что кредиты эти совершенно недостаточны.

---

[1]) Ст. А. Бахутова в «Изв. ЦИК СССР» от 30/IX 1927 г.

[2]) Цифры взяты из статистики ЦУССТРАХА. Они напечатаны в литографированном сборнике.

[3]) «Труд» 18/X—27 г. № 238.

На большинство этих вопросов, мы уже отвечали цифрами и фактами в «Большевике» [1]).

Здесь мы считаем уместным подчеркнуть лишь ту исключительную развязность, с которой нам преподносится голословное обвинение об имеющихся, якобы, поползновениях к удлинению 8-часового рабочего дня. Цифры ЦСУ сами по себе прекрасно доказывают, что у нас средний рабочий день за последние 4 года снизился с 7,8 до 7,5 часа, что % работающих сверхурочно за эти годы падает с 22,8 до 15,2, что среднее число сверхурочных часов на 1 человека, работавшего сверхурочно, тоже снизилось с 26,6 до 17,9.

Как можно после этого говорить о поползновениях к удлинению рабочего дня? Но, помимо этих цифр, ведь каждому рабочему известно, что в СССР нигде нет и быть не может наступления на 8-часовой рабочий день.

Особенно «убедительно» это безусловно злостное клеветническое заявление выглядит на фоне постановления Сессии ЦИК СССР, выраженного в Манифесто от 15/X—1927 г.

> «На пороге десятилетия Октябрьской революции ЦИК СССР постановляет в отношении производственных фабрично-заводских рабочих обеспечить на протяжении ближайших лет переход от восьмичасового рабочего дня к семичасовому рабочему дню без уменьшения заработной платы, для чего обязать президиум ЦИК и СНК Союза ССР приступить не позже, чем через год, к постепенному осуществлению этого постановления по отношению к отдельным отраслям промышленности, в соответствии с ходом переоборудования и рационализации фабрично-заводских предприятий и ростом производительности труда».

Как видно из этого, оппозиционеры просто возвели в вопросе о рабочем дне несуразную небылицу. Их неискренность лучше всего доказана голосованием *против* семичасового рабочего дня.

Нам приходилось уже говорить о том, что разговоры о сокращении отпусков ни на чем не основаны: средняя продолжительность отпуска в промышленности растет из года в год и по данным ЦСУ составляла: в 1922 г.—10 рабочих дней на человека в год; в 1923 г.—12,7; в 1924 г.—12,9; в 1925 г.—14; и в 1926 г.—14 рабочих дней. (Число календарных дней отпуска больше приблизительно на 2 дня).

Особенно возмутительно утверждение об отнятии у рабочих дополнительных отпусков, об удлинении рабочего дня во вредных цехах и т. д. Достаточно заглянуть в законодательство, чтобы убедиться в обратном и увидеть, что с каждым годом прибавляются отдельные профессии, имеющие право на всевозможные льготы в связи с вредностями их труда. Если на практике бывают отдельные случаи, когда отменяются дополнительные отпуска, то это делается исключительно там, где проведены серьезные санитарные и технические мероприятия, в корне оздоровляющие условия труда, при чем во всех таких случаях инспекция труда, техническая и санитарная, при участии профсоюзов предварительно проверяет эффект проведенных мероприятий. Лишь после того, как имеется акт, удостоверяющий, что устранены самые профессио-

---

[1]) См. Б. Маркус — «Вопросы охраны труда в платформе «пятнадцати». «Большевик» № 17 за 1927 г., стр. 79—89.

нальные вредности, послужившие основанием для предоставления сокращенного рабочего дня или дополнительного отпуска, таковые отменяются. Тот, кто бывал в цехах на производстве, кто беседовал с рабочими, тот прекрасно знает, что рабочие больше всего заботятся об установлении здоровой обстановки труда. И после того, как вредности устранены, они охотно соглашаются быть приравненными ко всем рабочим предприятия в отношении рабочего дня и отпуска.

К слову, приведем маленькое доказательство того, насколько наша промышленность в целом «экономит на мелочах». Предприятия, охватываемые статистикой ВСНХ (до 80% промышленности), расходовали на спецодежду, мыло, молоко для рабочих во вредных производствах в 1924—25 г.—20,1 милл. руб.; в 1925—26 г.—23,9 милл. руб.; и намечалось на 1926—27 г. около 28 милл. руб. (в первом полугодии фактически израсходовано свыше 14 милл. руб.). В пересчете расходов на 1 рабочего мы имеем увеличение с 13 р. 20 к. в 1924—25 г. до 14 р. 10 коп. в 1926—27 г.

Оппозиция подчеркивает в своих выступлениях неудовлетворительное состояние техники безопасности. Это—неоспоримый факт, который меньше всего можно поставить в вину советской власти. Принимая тяжелое наследство от капитализма, мы, как известно, лишены были возможности выбирать предприятия. В связи с этим, общий уровень травматизма у нас безусловно высок, хотя тяжелые и смертельные несчастные случаи, по некоторым данным, ниже довоенного уровня. Партия не закрывает глаз на неудовлетворительное состояние техники безопасности, и в резолюции по рационализации труда от 25 марта 1927 года ЦК ВКП(б) предлагал усилить проведение мероприятий, оздоровляющих условия труда. Эта директива нашла свое отражение в увеличении реальных ассигнований промышленности и транспорта па санитарную охрану труда и технику безопасности. В 1926—27 году промышленность, планируемая ВСНХ СССР, ассигновала на охрану труда 37 милл. рублей, что составляло 5,04% от капитальных вложений в существующие предприятия (не считая вложений в жилстроительство и новое промышленное строительство). В контрольных цифрах на 1927—28 год Совет Труда и Обороны утвердил увеличение ассигнований на охрану труда по тому же кругу предприятий до 43 милл. руб., что составит 5,58% к капитальным вложениям в существующие предприятия. На ж.-д. транспорте увеличение соответствующих ассигнований намечается с 4,3 милл. до 5,7 милл. руб.

Так, без шума и демагогии проводится изо дня в день реальная борьба с несчастными случаями.

Выводы.

Разобрав весь скелет оппозиционной платформы по вопросам положения рабочего класса, мы переходим к некоторым обобщающим выводам.

Все выступления оппозиции по вопросам положения рабочего класса неизменно иллюстрируют тот факт, что ее мышление находится в крепком плену старых представлений о рабочем классе, как об элементе капиталистического общества. Оппозиции и невдомек поставить перед собой проблему «социалистического рабочего»; она видит перед собой пролетария, являющегося работником по найму, продавца своей рабочей силы. Отсюда растет подчеркнутое противопоставление потребительских интересов рабочего класса и производственных интересов пролетариата, как организатора народного хозяйства, отсюда пред'явление «рабочих требований» к советской власти, отсюда возражения против того, что производительность труда следовало бы поднимать быстрее, чем зарплату, отсюда неумение поставить вопрос о накоплении социалистического сектора хозяйства, как вопрос о росте доли *рабочего класса* в национальном доходе, отсюда и все прочие предпосылки. А между тем тот, кто не ставит перед собой вопроса о диалектическом изменении роли рабочего класса в переходный период от коммунизма к социализму, тот не заметил самого основного успеха нашей революции—начала преодоления классов.

Разрушив капитализм, овладев командными высотами в политической жизни и в экономике, рабочий класс, осуществляющий свою диктатуру, переделывает и самого себя. На наших глазах начинается переработка того самого «человеческого материала», которым цементируется строящееся здание социализма.

Огромный внутренний под'ем в массах, неподдельный пафос строительства, начавшийся культурный сдвиг самой густой толщи пролетариата, вплоть до его наиболее отсталых частей, биение здорового, крепкого, полнокровного пульса масс,—все это остается для оппозиции нераскрытой книгой за семью печатями.

На пути социалистического строительства нам предстоит огромная работа, нам необходимо еще долгие годы по-ленински, настойчиво и определенно переделывать самую нашу природу. Идя по пути сокращения рабочего дня и рационализации производства, мы должны научиться *работать лучше*, *быстрее*, *экономнее в движениях*, *культурнее*, мы должны насквозь пропитаться сознанием, что работаем на себя и что по одному этому *старый темп работы надо оставить возможно дальше позади*. И только на этом пути мы победим *до конца*.

Оппозиционная установка, проникнутая рассуждениями о том, что на рабочего, якобы, кто-то нажимает, применима только в капиталистических условиях. Пора понять, что повышенно требований рабочего класса к самому себе не есть ни эксплоатация, ни нажим со стороны.

Эту ошибочную идеологию надо поэтому преодолеть до конца.

Облыжно утверждая, что в нашей партии отсутствует обмен мнений, отсутствует критика недочетов, оппозиция тем самым хочет утвердить за собою монополистическое право на критику. Нетрудно показать, что это не соответствует действительности. Но есть критика и «критика». Тогда, когда вся партия напряженно работает вместе со всем рабочим классом над преодолением трудностей, наши критики заняты исключительно выискиванием поводов для нападок, извержением целых фонтанов красноречия по поводу каждого недочета.

Нет, кажется, такого наивного человека, который мыслил бы социалистическое строительство, как торжественное шествие по гладкой дороге. Ленин сравнивал наше движение вперед с тяжелым восхождением на крутые скалистые горы. При таком восхождении, конечно, не раз приходится и спотыкаться и срываться, но только враг может позволить себе поднимать крик после каждого неудачного шага.

К сожалению, в критике нашей оппозиции нередко пробиваются такие чуждые ноты. Это носит тем более неприемлемый характер, что партия в десятках постановлений подчеркивает и об'ективные трудности и отдельные ошибки, допущенные нами. Если взять в руки любую резолюцию любого звена партии, профсоюзов, советских органов,—найдете ли вы там лишь голое констатирование успехов? Конечно, нет. В каждой резолюции по деловому намечаются всегда и неразрешенные задачи и на ряду с достижениями перечисляются неудачи прошлого.

Основные трудности строительства социализма в нашей, технически отсталой крестьянской стране неоднократно подчеркивались партией. Они дают себя знать и в области рабочего вопроса: социальные противоречия в деревне, противоречия между наличием средств и необходимостью возможно больше и быстрее развернуть нашу индустрию и с. х. рождают безработицу; огромные разрушения жилищного фонда, происходившие во время империалистической и гражданской войны, не дают возможности быстро изжить жилищную нужду в развивающихся рабочих районах; техническая отсталость промышленности и изношенность орудий производства служат причиной большого числа несчастных случаев и т. д., и т. п. Эти и десятки других трудностей партия видит, указывает на них рабочему классу и одновременно преодолевает. Но все это—трудности, сопряженные с ростом. И этот факт для нас решающий, ибо в нем залог их преодоления.

Подводя большие политические итоги первого героического десятилетия нашей великой революции, оппозиция нашла только мрачные краски для оценки положения победившего пролетариата. К счастью, действительность оказывается много лучше оппозиционных представлений о ней. Тем более уместно взглянуть в корень и ответить на вопрос об оппозиционной установке с точки зрения широких классовых соотношений.

Мы, большевики, далеки от самодовольного разрисовывания картин казенного благополучия. Наши взоры всегда обращены вперед и внимание приковано к неразрешенным еще задачам и трудностям социалистического строительства. Прошлое—для нас опора для перехода на следующую ступень. Но когда мы оцениваем пройденный путь, подводим социальные итоги десятилетия, нам незачем замазывать наши успехи. Перечитайте хотя бы, как Владимир Ильич подводил итоги первых пяти лет революции на IV конгрессе Коминтерна (т. VIII, ч. 2, стр. 85 и сл.)—и вы увидите там на ряду с четкой постановкой дальнейших задач ясное подчеркивание тех решающих успехов, которых нам удалось добиться. Владимир Ильич, видимо, не боялся того, что его будут обвинять в «самодовольном разрисовывании достижений». Коль скоро факты на нашей стороне, мы имеем все основания утверждать, что за все время революции положение рабочего класса в нашей стране непрерывно улучшается.

Чем же в таком случае об'яснить брюзжание и клевету оппозиции об ухудшении положения рабочего класса, чьи настроения они отражают, кому они на руку в данное время?

Изучение действительности дает ответ на все эти вопросы. Рабочий класс, как и всякий общественный класс, имеет разные прослойки. Своей платформой оппозиция об'ективно отражает хвостизм наиболее отсталой, обывательской, наименее сознательной и спаянной части пролетариата, той части, которая по своим настроениям примыкает к мелкой буржуазии. Паника перед рационализацией труда, преданность узким цеховым интересам, неумение отличить их от общеклассовых задач пролетариата, политическая близорукость, грубое противопоставление интересов рабочего класса и задач наших предприятий «последовательно социалистического типа» (Ленин),—таково содержание оппозиционной платформы. Но ведь именно по этой линии проявляется недовольство нашей партией и со стороны мелкой буржуазии. Оппозиция перекидывает слишком опасный мост между собой и этими элементами.

Всем известно, что зарубежные рабочие с огромной надеждой и восхищением смотрят на наше строительство. Все сведения об улучшении положения рабочего класса встречаются на рабочих окраинах с восторгом. Они являются лучшим агитатором за нас и вызывают под'ем симпатий к первой Республике Труда. В противоположность этому все враждебные нам элементы с бешеной яростью подхватывают и разносят по миру все даже мелкие факты наших неудач. Обобщающие положения оппозиции, утверждающей, что положение рабочего класса в СССР ухудшается, являются для них лучшим подарком к десятилетию Октября. Независимо от своих личных пожеланий оппозиционеры, метя в одну дверь, попадают в другую. Третья сила использовывает их. Рабочий класс Запада, видящий в СССР оплот мирового социализма, не поверит оппозиционным росказням, столь далеким от действительности. Но, если, паче чаяния, наша оппозиция заронит зерно сомнения в головы отдельных рабочих, то этим она, конечно, только ослабит собирание и консолидацию сил мирового пролетариата и его поддержку СССР. Не верится, чтобы оппозиция хотела этого. Но также трудно поверить, чтобы она не понимала этой простой истины. А если это так, то не пора ли одуматься?

Партия обязана помочь колеблющимся и заблуждающимся разобраться, но одновременно она должна твердой рукой остановить тех, кто сознательно вводит других в заблуждение. Мы не сомневаемся, что XV партийный с'езд эту задачу выполнит.

М. Каценеленбоген.

О достижениях и недостатках в деле помощи бедноте.

Курс партии на усиление политической активности и культурного обслуживания бедноты, а также экономического под'ема бедняцких хозяйств, получил особо яркое отражение в решениях октябрьского пленума ЦК (1925 г.) и последующих XIV партконференции и *партс'езда*.

Мобилизация партийного внимания и сил на проведение этих решений *привела* к ряду крупных успехов в работе среди бедноты.

По вопросу организации бедноты в политических кампаниях, наиболее показательным являются итоги последних перевыборов советов. Вот несколько цифр:

По РСФСР освобожденных от с.-х. налога (в %):

В составе:	1925/26 г. [1]	1926/27 г.
Сельсоветов	8,4	16,4
Предсельсоветов	7,0	15,5
Виков	8,5	20,6
Предвиков	3,5	25,2

Рост вовлечения батраков и сел.-хоз. рабочих также значителен:

	1925/26 г.	1926/27 г.
Сельсоветы	2,9	4,2
Предвики	3,5	10,0

Перевыборы во всех видах кооперации также усилили влияние бедноты в выборных органах кооперативной сети.

Значительное усиление роли бедноты при проведении всех политических кампаний об'ясняется серьезнейшей работой, проведенной и проводимой партией по организации бедноты (тысячи собраний бедноты по губерниям, вовлечение бедноты в предвыборную кампанию, собрания бедняков—пайщиков кооперации и т. д.), *при наличии общего роста активности деревни.*

Основными показателями серьезности мероприятий хозяйственной помощи бедноте, проводимых государством и общественными организациями в *осуществление решений партии, за последние два года* являются: создание специального (29 милл.)

[1] При общем увеличении процента освобожденных от с.-х. налога за этот год с 23,8% до 29,1%.

фонда кредитования бедноты; выделение из прибылей всеми видами кооперации значительных фондов кооперирования бедноты, по одной лишь потреб. кооперации достигающее 7 милл руб., расширение с каждым годом льгот бедноте по: с.-х. налогу (согласно Октябрьскому Манифесту ЦИК 1927 г. количество освобожденных от налога бедняцких, маломощных крестьянских хозяйств доведено до 35% всех крестьянских хозяйств), землеустройству, лесоснабжению и др. *и, наконец, что особенно важно, большие льготы и помощь* колхозному строительству, всяким формам коллективизации *бедняцких* хозяйств. Для иллюстрации этого достаточно привести декрет ЦИК (от 16 марта 1927 г.), предоставляющий целый ряд весьма значительных льгот колхозам (передача гос. земимущества, освобождение в ряде случаев от с.-х. налога и т. д.), а также тот факт, что из всех кредитов ЦСХБ, идущих на производственные нужды сельского хозяйства от 30% до 40% распределяются *колхозам*, артелям, машинным товариществам.

Экономическая помощь бедноте, увеличиваясь с каждым годом, выросла в мощный рычаг под'ема бедняцких хозяйств. Как бы ни были громки крики «защитников» *бедноты* из оппозиционного блока, одно ясно, что оппозиции понадобились собственные «программы» по бедняцкому вопросу *лишь* для того, чтобы ценой любой демагогии сколотить себе политический капитал.

Нельзя же в самом деле считать «программным» вопросом хотя бы вопрос о том, сможем ли мы в 1927 или же только в 1928 г. дойти до освобождения 40 или 50% хозяйств от с.-х. налога? Если оппозиционная истина «нам из болота виднее» и открывает кому-нибудь перспективы «гибели» и «сползания» партии,—то разве только политиканам, потерявшим зрение или никогда не имевшим его.

Любой глаз, не ослепленный оппозиционным бельмом, не может не видеть, что партия *последовательно, на деле*, сообразуясь с силами и средствами на каждый отрезок времени, держалась и держится курса, действительно обеспечивающего под'ем бедняцких хозяйств и все большее усиление политического и экономического влияния бедноты на всю жизнь села (советы, кооперация, кредит, колхозы и т. д.). Любому человеку, непредубежденному о вещах, ясно, что предоставляемая октябрьским Манифестом правительства значительная помощь бедноте (освобождение 35% от сел.-хоз. налога, землеустройство всех маломощных за счет государства и т. д.) *является не чем иным, как следующим шагом партии и советской власти по тому пути,* по которому они шли до сих пор.

В отличие от кучки людей, ослепленных трудностями, большевистская партия в трудностях еще более заостряет свое зрение, смело нащупывает слабые места, намечает пути укрепления этих слабых пунктов.

Вот почему тезисы последнего пленума ЦК по вопросу о работе среди бедноты, отмечая достижения и успехи вместе с тем особо заостряют внимание к имеющимся недостаткам, намечая линию их исправления.

Как и в каждом крупном деле, связанном с обслуживанием сотен тысяч и миллионов хозяйств, в практике хозяйственной помощи бедноте на ряду с крупными успехами имеются и серьез-

ные недостатки, ослабляющие общую эффективность помощи и тормозящие темп под'ема бедняцких хозяйств.

Переходя к фактам, оговоримся, что экономии ради коснемся лишь основных недостатков, оставляя в стороне «мелкие недочеты» (хотя эти «мелочи» пакостят и мешают делу не менее больших недостатков и при общем сложении становятся значительным злом).

Прежде всего—о бедняцком *кредите*.

В ряде мест известная часть фондов кредитования бедноты продолжает оставаться номинальной.

Фонды продвигаются с чрезвычайной медлительностью (по РСФСР фонды переводились на места в течение 9 месяцев, тоже и по ряду других республик). Бедняцкие фонды в совершенно недостаточной степени используются в ряде мест для коллективизации бедняцких хозяйств.

Так, % распределения этих кредитов по единоличным хозяйствам достигает по Саратовск. губ. 90%, Омской—95%, Московской губ.—80%, по Белоруссии на коллективы идет лишь 3% всего бедняцкого кредита.

И, наконец, в погоне за количественным эффектом сплошь да рядом установленный размер кредитования на одно хозяйство настолько незначителен, что бедняк не в состоянии использовать его по назначению (напр., на приобретение рабскота ниже 100 руб.) и в результате по ряду мест получается *распыление* и *проедание* этих кредитов.

Теперь о пользовании бедноты общими кредитами. Наиболее выгодные по условиям, долгосрочные кредиты, по целому ряду районов в совершенно недостаточной степени предоставляются бедняцким слоям деревни. Общий же процент пользования бедняцких хозяйств кредитами ниже их удельного веса ко всем хозяйствам района. В подтверждение—два примера:

Украина—Левобережье (свед. ЦСХБ).

беспосевных и до 2 дес.	всего хоз.	23,5	заемщик	9,8%
от 2 до 9 дес.	» »	72,6	»	81,9%
с 9 и выше	» »	3,9	»	8,3%

Данные РКИ по 10 адм. районам о распределении долгосрочных кредитов:

бедноты ко всем членам т-в	34,5%,	получ. долгосроч. кр.	10,7
зажиточных »	10,3	» » »	16,0%

Размер кредита на одно хозяйство также значительно разнится в пользу более зажиточных слоев деревни. По данным РКИ средний размер на бедняцкое хозяйство—53 р., середняцкое—72 р. зажиточное—172 руб.

Эти примеры типичны для целого ряда других районов.

Хуже всего обстоит дело с практикой распределения кредитов по *машиноснабжению*. Вопреки целому ряду специальных директив и партийных решений (см. хотя бы решение ЦК от 19 августа 1926 г.) об усилении кредитования бедноты на приобретение сельскохозяйственных машин, практика машиноснабжения бедноты по ряду районов остается неблагополучной.

Вот данные о сроках кредитования [1]):

Экономические группы хозяйств	Сел.-хоз. машины сложные				
	До 3 мес.	3—6 мес.	6—12 мес.	Свыше 12 мес.	Всего
I группа	47	26	22	5	100
II »	18	37	23	22	100
III »	13	25	34	28	100
Сред. по всем группам	19	30	29	22	100

Как видно отсюда, самые невыгодные по условиям кредита (краткосрочные) преимущественно достаются бедноте. *Средний размер ссуд на бедняцкое хозяйство в 2—3 раза меньше, чем на зажиточное.*

Малодоступность условий кредита для бедноты, требование значительного взноса при покупке машин,—все это в конечном счете приводит к слабому пользованию беднотой кредитами по машиноснабжению (об этом свидетельствуют все материалы ЦСХБ, РКИ и отд. губерний).

Больше того, по отдельным районам имеется даже ухудшение в этом деле, так, например, по Сибири:

	1925 г.	1926 г.
Бедняцкие хозяйства	28,9%	17,4%
Середняцкие »	56,2%	65,6%
Зажиточные »	14,9%	27,0%

Классовая четкость в распределении кредита по целому ряду низовых кредитных органов явно *не достаточна*, а местами отсутствует. Взять хотя бы такую скверную «мелочь», как требование с бедняка, желающего получить кредит, «индивидуального поручительства». Сплошь и рядом этим поручителем является кулак, и ясно, что поручается он за бедняка не иначе, как за соответствующую мзду (деньгами, отработкой). В итого кредит удорожается, и, кроме того, это ставит бедняка в зависимость от зажиточного поручителя. Хотя правление сельхоз. банка и дало ряд декретов о ликвидации этой системы, все же по сей день по ряду районов подобный порядок сохранился. Вот например, последние данные по Витебск. округу: свыше 67% ссуд бедноте, выдано под «индивидуальное поручительство».

Дальше—

о вовлечении бедноты в кооперацию.

Выделение специальных фондов кооперирования бедноте, значительно усилило темп втягивания бедноты в кооперацию (несколько сот тысяч лишь по линии потребкооперации). Но и в этом деле эффект мог бы и должен быть значительно большим.

---

[1]) Данные ЦСХБ по Сев. Кавказу, Северному району и Сибири (в процентах). Экономические группы условно могут быть отнесены к бедняцкой середняцкой и зажиточно-кулацкой группам.

Остановимся на некоторых основных недостатках практики кооперирования бедноты. Многие низовые кооперативные органы считают, что их задача кончается выделением из прибылей соответствующих фондов кооперирования. «За наши денежки, да еще упрашивать», «не наше дело искать дармовых покупателей». *Организационная и раз'яснительная работа по втягиванию бедноты в кооперацию местами вовсе отсутствует, повсюду слаба.* Само кооперирование сплошь да рядом носит чисто бюрократический характер. Правление кооператива выделяет деньги (на основании решения пайщиков) и перепоручает комитету взаимопомощи *представить* списки бедняков, подлежащих кооперированию. В лучшем случае требуемое количество бедняков по взаимной договоренности руководителей этих двух организаций «кооперируется», при чем без всякого раз'яснения и ведома самих вовлекаемых бедняков. Все ограничивается заготовкой членских книжек. Нередко же ККОВ не удосуживается найти достаточного количества бедняков, и фонды на «законном» основании переводятся на другие нужды (вплоть до починки моста) или же для усиления оборотных средств.

Такая «механика» кооперирования в ряде мест неизбежно приводит к значительному недоиспользованию фондов. Например, в Сибири использование фондов по Красноярскому округу выражается в 32%, Ленинскому—11%; по Белоруссии—38% (на сентябрь 1927 г.), то же и по ряду других районов.

И что еще хуже—это механическое кооперирование также приводит к *отдельным*, случаям, отказа бедняков от вступления в кооперацию и возвращению книжек (Саратов).

Тот факт, что в ряде мест неиспользование фондов сопровождается немедля израсходованием средств на другие нужды, невольно выдвигает еще одно соображение: не является ли слабая организационная работа по вовлечению бедноты в кооперацию по ряду мест, *предвзятым* стремлением отдельных низовых кооперативов (в особенности где недостаточно партийное влияние) к более «выгодному», «рентабельному» использованию фондов, вместо того, чтобы их так «некоммерчески» тратить на бедноту? Следует прямо сказать, что должного контроля над реализацией решений пайщиков о выделении фондов и, самое важное, проверки практики использования фондов *в большом количестве районов до сих пор нет.*

Изучение вопроса о кооперировании отдельных социально-экономических групп деревни выявило, *что при середняцко-бедняцком, в основном, составе кооперации в деревне имеется отставание в темпе кооперирования бедноты по сравнению с более зажиточными слоями деревни.* При этом положении *полное и правильное использование фондов кооперирования сможет значительно изменить темп вовлечения бедноты в кооперацию.*

Теперь—несколько слов

о колхозах.

При общем росте и укреплении колхозного движения, несомненном преобладании в составе колхозов маломощных слоев деревни и в колхозном строительстве имеется целый ряд недостатков. Основным же является недостаточное руководство и орг.-хоз. обслуживание колхозов со стороны земельных и кооперативных органов. Это же в свою очередь приводит к недостаточной борьбе с лжекооперативами и наличию большого количества «диких». В поисках всяких путей к эксплоатации бедноты, обходу преград пролетарского государства к капиталистическому развитию сельского хозяйства, кулак не прочь пойти в *лже*колхоз, в *лже*артель и даже в *лже*коммуну. Тем более, что таким путем он сможет попользоваться государственным кредитом и «механизировать» за счет государства свое хозяйство (трактор, сложные с.-х. машины). Кроме всего прочего, вывеска колхоза облегчает для кулака возможность эксплоатации (внутри и вне колхоза) бедноты. Показательным примером того, насколько значительно количество лжеколхозов является материал обследования состояния машинных товариществ по Крыму [1]).

Так, из 109 т-в оказалось 35 «семейных» (члены одной семьи), 52 «родствен.», и только—22 «без родств. связей».

И, наконец, из этих 22 т-в в 14 количество членов меньше установленного законом минимума (10).

Чтобы показать социальное лицо членов всех этих товариществ приведем несколько фактов:

38,4% всех членов имеют доход (при вступлении в т-во) от 600 до 1.200 рублей.

21,2% имеют доход свыше 1.800 руб. (при средней доходности крестьянского хозяйства в районе обследования в 517 руб.).

В «семейных» товариществах—до 45% арендованной земли, в «родственных»—30%, в остальных—лишь 13%.

Зажиточность состава подтверждается также наличием скота, инвентаря и рядом др. признаков. Хуже всего то, что количество семейно-родственных товариществ за последний год даже выросло (1925 г.—77,4%; 1926 г.—83%).

В разных видах и формах, местами в меньших размерах, по в значительном количестве районов (в особенности Сибирь, Кавказ) кулак обходом стремится через лжеколхозы расширять, ставить на капиталистическую ногу свое хозяйство.

Вопрос о борьбе с этим злом в более энергичной форме следует заострить.

Значителен также % «диких», не вовлеченных в кооперацию колхозов. Местами он больше процента вовлеченных, так, например, по Пензенской губ. на 1/III—27 г. «дикие» составляют 90%.

«Дикие», лжеколхозы—все это в конечном счете издержки, и значительные, слабости руководства, неохвата все более разрастающегося колхозного движения.

Задача укрепления социалистического сектора в сельском хозяйстве, все большего перевода бедняцких хозяйств на пути коллективизации, обеспечивающие быстрейший под'ем и социалистическое развитие бедняцких хозяйств—эта задача требует более энергичного выполнения ряда партийных решений, в частности о создании и укреплении колхоз. секций, усиления учета и орг.-хоз. обслуживания колхозов, усиления помощи колхозам в повседневной работе, более решительного втягивания «диких» в кооперацию.

---

[1]) «На Аграрном Фронте» № 8—9. 1927 г. В. Жиров—«Машинные товарищества в Крыму».

Декрет ЦИК (от 16 марта 1926 г.), особо подробно и четко выдвигающий ряд мер по улучшению положения колхозов, борьбы с лжеколхозами (расширение количества устроителей, внимание регистрации и т. д.) должен быть выполнен.

С доведением основных льгот до бедноты (по с.-х. налогу, землеустройству) дело за последнее время обстоит сравнительно благополучно. Беднота в основном знает, какие льготы законами советской власти ей предоставлены. *Она ими пользуется уже на деле.* Но и здесь не без «болезней».

Один лишь пример по землеустройству. *Беднота* законодательством землеустраивается за счет государства. Это проводится и достаточно полно. Но, кроме общих расходов по землеустройству, имеются еще и так называемые «организационные расходы» (подвода землемеру, помещение и т. д.). Так вот, эти-то «орг. расходы» подчас не меньшие по размеру основных расходов. Раскладываются, согласно *зем. кодексу* (§§ 177, 178) «на все землеустраивающиеся хозяйства соразмерно площади». Другими словами, в этой части расходов бедняк не пользуется никакими льготами.

И еще одно замечание.

Земельное общество на деле оказывает значительное, если не решающее влияние на порядок распределения льгот. Между тем зажиточные слои деревни всячески пытаются, и в ряде случаев с успехом, «исправить» классовую линию пролетарского государства.

Это особо сказывается при проведении всякого рода самообложений. Путем «справедливого» уравнительного раскладывания расходов по всем хозяйствам фактически переоблагается беднота. Например, при покупке пожарной кишки земобщество решает (в Курск. губ.) «разложить расходы на хозяйства по количеству дымовых труб».

Переобложение бедноты, случаи неправильного распределения льгот земобществами в ряде мест возможны лишь благодаря недостаточности влияния коммунистов на работу земельного общества и слабой организации самой бедноты. Выдвигаемые тезисами ЦК предложения о лишении кулака права голоса в земельном обществе, при обязательном усилении участия коммунистов и комсомольцев в работе земобщества (чего сейчас нет) и большей организации самой бедноты для защиты своих интересов—сможет значительно изменить физиономию земобщества и его отношение к вопросам помощи бедноте.

В чем причина всех этих значительных недостатков? Причин много, но в основном они сводятся к двум вещам:

1. Недостаточное внимание к «каналу продвижения» всякого рода хоз. помощи со стороны *целого ряда* организаций и учреждений, ведающих осуществлением мер хоз. помощи бедноте (система с.-х. банка, Госсельсклад, органы НКЗ, кооперация, ком. взаимопомощи и др.).

Нет должного контроля сверху донизу—того, *насколько каждое звено аппарата обеспечивает выполнение основных решений партии и советской власти о хоз. помощи бедноте.* (Состав лесных, земельных, налоговых к—ссий, работа базы Госсельсклада, лесного об'езчика, низовых кредитных органов и т. д.)

2. Все еще недостаточна организация самой бедноты вокруг вопросов хоз. помощи ей.

Узловой вопрос сегодняшнего дня—это не только расширение хозяйственной помощи, но и *стопроцентное доведение* всех хозяйственных мероприятий до бедняка. *Проверка всех звеньев канала продвижения, прочистка отдельных засорившихся мест.*

Во всем этом деле на ряду с необходимостью улучшения работы аппарата *решающую роль* играет вопрос о правильной организации самой бедноты. Прежде всего надо добиться усиления контроля бедноты и ее участия во всем деле продвижения и распределения кредитов и различного рода льгот, а также, что не менее важно, следует добиться превращения всей хоз. помощи государства и общественных организаций лишь в стимул *для выявления и мобилизации хозяйственной инициативы самой бедноты для дальнейшего под'ема и укрепления бедняцких хозяйств.*

Между тем партийные решения о развертывании этой хозяйственной работы с беднотой проводится недостаточно энергично. Если собрания бедноты и привились как форма массовой организации бедноты, то лишь во время проведения общекрестьянских кампаний (перевыборы и т. д.). Вопросами же местной, хозяйственной жизни подавляющее большинство собраний бедноты занимается чрезвычайно мало. (Например, в Белоруссии по Бобруйскому округу из 501 собрания всего лишь 37 было созвано по местнохозяйственным вопросам). *Группы бедноты* хотя количественно и значительно выросли за последний год, но содержание работы большинства из них остается мало удовлетворительным. К примеру, группа бедноты (Белоруссия) ставит вопрос о Парижской Коммуне, другая (Закавказье) начинает свою работу с выдачи удостоверений о благонадежности граждан. Примеров подобной «работы» много. Но и количественный рост групп явно не отвечает задачам, поставленным партией. Это относится, в особенности, к организации групп при кооперации и ККОВ. По ряду мест продолжается организационная путаница в самом построении групп, в роде утверждения состава группы на общем собрании бедноты или создания об'единенной группы из членов совета, правления кооперации, ККОВ и т. д.

Ряд решений Центрального Комитета партии (в частности лето 1926 г.) достаточно конкретно ставят вопросы о формах организации бедноты, особо подробно указывают пути укрепления, развертывания работы групп бедноты. Подавляющее большинство местных парт. организаций, в особенности за последнее время, значительно усилили внимание организации бедноты вокруг хозяйственных вопросов, развертыванию групп бедноты, улучшению содержания их работы, *но сельячейка все еще не стала основным организатором всего этого дела.*

В основной своей массе все деревенские парт. организации достаточно полно осознали необходимость усиления работы среди бедноты, беда лишь в том, что многие из них при общей своей слабости просто не знают, *как* практически следует эту работу ставить.

Сельская парт'ячейка должна получить помощь в этом деле. Следует конкретизировать партийное руководство, улучшить живой инструктаж, об'яснить, научить конкретно, где, каким путем следует развертывать работу групп бедноты, собраний, совещаний пайщиков-бедняков и т. д.

Ряд партийных организаций практикуют посылку в длительные командировки в деревню по этому специальному вопросу

(о работе сельячеек по организации бедноты вокруг хоз. вопросов) губернского и уездного партийного актива. Этим путем и рядом других форм необходимо в ближайшее же время *довести* руководящие партийные решения *до сельской ячейки, помочь каждому коммунисту на селе, усвоить все практические партийные директивы и поставленные задачи.*

Никакие фракционные «круги спасения» не нужны партии как во всех вопросах, так, в частности, и в вопросе работы среди бедноты. Не все «новое» оппозиционеров действительно ново, или вернее, все их «новое» не ново, и не в этих грошевых «новостях дня», пропитанных демагогией, рассчитанных на дешевый рекламный успех—*дело.*

Куда и как двигаться, партия знает. Перед лицом больших достижений, она смело вскрывает и трудности и недостатки, стоящие на ее пути.

Действительно боевая задача дня —*усилить выполнение ясных, четких, твердых партийных решений,* проверить, где препоны на пути, их устранить.

То, о чем говорил Ленин пять лет назад, остается действительно *новым* и на сегодняшний день!

«*Проверять людей и проверять фактическое исполнение дела—в этом, еще раз в этом, только в этом теперь гвоздь всей работы, всей политики. Это дело не нескольких месяцев, не одного года, а дело нескольких лет*» [1]).

---

[1]) Ленин, т. XVIII, ч. 2.

Г. Викторов.

Империалистическая Франция и СССР.

I.

Политика английского правительства—обострить, а затем разорвать англо-советские дипломатические отношения—являлась составной частью и отправной линией более широкого плана создания антисоветского окружения, к которому должны были примкнуть крупнейшие европейские державы. Не вина английской дипломатии, что это так не случилось. Ею, по крайней мере, были сделаны все усилия, чтобы политика английских консерваторов нашла своих подражателей в других странах.

Совершенно очевидно, что наибольшее внимание уделялось при этом привлечению Франции в лагерь активных врагов Советского Союза. К этому у английской дипломатии было несколько данных. Внешнеполитическая линия французского кабинета после составления правительства Пуанкаре из представителей различных буржуазных партий, имеющих различные воззрения о том, какая политика более всего соответствует реальным интересам Франции, менее всего могла быть характеризована как стабилизированная. Ни для кого не представляло секрета, что в составе правительства существуют значительные разногласия на тему о том, следует ли Франции вести бравурную политику в континентальных вопросах, или же стремиться к закруглению углов и политикой соглашения с Германией обеспечить себе максимальные выгоды для своей промышленности. Английская политика блокирования с Францией против СССР могла рассчитывать на благожелательный прием со стороны тех кругов, которые, с одной стороны, стоят за известную «свободу рук» по отношению Германии, а с другой—из чувства боязни за свое колониальное господство, подвергающееся угрозе со стороны революционного движения на Востоке, не прочь были бы решительнее ориентироваться на Великобританию. Через эти круги, представленные в правительстве, Англия могла давить на само правительство.

На ряду с этим внутренняя политика тех же самых кругов как нельзя лучше настраивала их в сторону разрыва франко-советских отношений. Рост коммунистического движения во Франции, обусловленный непопулярностью марокканской и сирийской военных экспедиций, стоивших больших материальных ресурсов и сопровождавшихся ощутительными потерями людей, при сопутствующем недовольстве финансовой политикой кабинета национального об'единения, побуждал правые круги подумать о методах привлечения широких масс мелкой буржуазии на сторону политики «твердой руки». Испытанный жупел большевистской опасности имел сыграть во Франции ту же роль, что в свое

время пресловутое «письмо Зиновьева» на генеральных выборах в Англии в 1924 г. Сочетание внешнеполитических соображений с интересами внутреннего порядка должно было создать твердую базу для развертывания наступления против сохранения франко-советских отношений. Ко всему этому следует присоединить специфические свойства французской правой печати, которая издавна славилась своей общедоступностью средствам материального воздействия, или, проще выражаясь, довольно охотно выражала взгляды тех, кто в данный момент ее субсидировал. Эти моменты и то обстоятельство, что Франция является следующим после Англии крупным европейским государством, присоединение которого к антисоветскому блоку делало бы действительно возможным осуществление последнего, побудило английскую дипломатию развивать серьезнейшую акцию в направлении срыва франко-советских отношений.

Уже вскоре после первого сигнала, поданного британским правительством февральской нотой, которая, по выражению Чемберлена, должна была дать предупреждение Европе о невозможности сохранения нормальных отношений с Советским Союзом, правые политические круги Франции начинают приходить в движение. Застрельщиком и программным декламатором выступает французский министр внутренних дел Сарро, который в своей речи, произнесенной в Константине 22-го апреля, обрушивается со всей яростью на коммунистическое движение во Франции, грубо инсинуируя, что оно является делом «рук Москвы». Этим знаменуется начало похода против рабочего движения во Франции, попутно захватывающего и внешние отношения Французской республики с нашим пролетарским государством. Параллельно с этим французским министерством юстиции, во главе которого стоит правый сенатор Барту, инсценируется «шпионский процесс» коммунистов, при чем следственной властью делаются невероятные усилия для того, чтобы приплесть к этому делу советское полпредство в Париже. И, наконец, третий симптом, уже непосредственно из области франко-советских отношений—наступление мертвого штиля в переговорах о долгах и кредитах, до того времени интенсивно ведшихся между советской и французской делегациями.

Не ангажируясь полностью в сторону того или иного исхода, французские правящие круги создают соответствующую обстановку, которая позволяет им наметить ту линию поведения, которая окажется подходящей в решающий момент. Наступление правых началось как в плоскости внутренних, так и внешних отношений. Психологическая подготовка разрыва, но еще без того, чтобы были поставлены все точки над «i» становится политической задачей текущего момента. И в данном случае, как и в английском примере, так же, как и во всех случаях в прошлом и в будущем, когда реакционные круги стремятся к победе «твердого курса» во внутренней политике, их политические маневры неизбежно бывают связаны с политикой ухудшения отношений с советским государством. Установлением такой симптоматической связи между советским государством и своим рабочим классом мировая буржуазия показывает, что она-то хорошо понимает, что нанесение удара по Советскому Союзу является одновременно ударом по собственному рабочему классу. Совпадение внешнеполитических и внутриполитических «курсов» имеет

не случайный характер, а представляет собой явление совершенно закономерное.

Ставший фактом разрыв англо-советских отношений еще более стимулирует деятельность реакционных кругов Франции. Под давлением этих кругов французское правительство понуждается с большей ясностью формулировать свою позицию, и оно определяет ее в заявлении, что «французскому правительству не приходилось до сего времени ставить перед собой вопрос об изменении официальных отношений, существующих между Францией и Россией, и оно не возьмет на себя инициативы в этом направлении, если только не будет к этому вынуждено новыми обстоятельствами».

Самая постановка вопроса о разрыве в официальном сообщении французского правительства уже свидетельствует о том, что в принципиальной плоскости изменения политики по отношению к Советскому Союзу не встречает препятствий, и если происходит некоторая задержка со стороны французских правящих кругов в осуществлении английских пожеланий, то в том смысле, что они еще недостаточно реально представляют себе те выгоды, которые им может дать разрыв с СССР в настоящий момент. Такое заявление открывает широкое поле для всяких выгодных предложений со стороны Англии и для усиленной деятельности внутренней реакции навстречу английскому нажиму. Отношения между СССР и Францией вступают в критический фазис, который, однако, в силу неоднородности состава французского правительства способен принять затяжной характер без того, чтобы с определенностью намечалось, каков будет конечный результат. Для того, чтобы понять особенности этого сложного положения, необходимо учесть следующие обстоятельства. Затяжной финансовый кризис, вызвавший падение нескольких кабинетов под-ряд, привел к власти правительство блока буржуазных партий под руководством ставленника банков Пуанкаре. Политический перевес и решающее руководство в этом кабинете находится в руках правых партий, связанных с крупным банковским и промышленным капиталом. Между тем, большинство в том политическом форуме, перед которым это правительство должно отчитываться в своей деятельности—большинство в Палате Депутатов—принадлежит партиям левого блока, представители которого лишь в меньшинстве представлены в кабинете Пуанкаре. Нажим иностранного капитала, отказывавшего в кредите правительствам с мелкобуржуазным преобладанием, недоверие отечественных капиталистов, опасавшихся «социалистического» обложения капиталов, а поэтому помещавших свои многомиллиардные денежные средства за пределами досягаемости французского фиска,—создали такое ненормальное положение, при котором Францией управляет правительство, не отвечающее политическим взглядам большинства Палаты Депутатов. Но угроза вотума недоверия существует для кабинета Пуанкаре только в те периоды, когда Палата Депутатов заседает. В эти недели и месяцы французское правительство вынуждено с бо́льшим тактом и осторожностью подходить к проблемам, на которых построена политическая платформа левого блока, во избежание отказа в доверии. Зато в промежутки между сессиями Парламента правительство является полным хозяином в своей политике, и в эти периоды, когда превосходство правых партий в пра-

вительстве не балансируется невыгодным для них составом Палаты, угроза срыва реакционерами франко-советских отношений является особенно реальной.

Крупные собственники, пострадавшие от национализации фабрик и заводов на российской территории, пайщики и акционеры нефтяных трестов, видящих ежегодное увеличение добычи нефти на советских нефтяных приисках, банкиры, связанные с лондонским Сити и нью-иоркским Уол-Стритом,—все эти протагонисты интервенции против СССР связаны тысячью нитей с правыми правительственными кругами. Нажим с их стороны в периоды полновластья правительства становится особенно сильным и упорным, и их настойчивость встречает тем меньше сопротивления, что, как выше указывалось, внешнеполитическая ориентация на Англию и страх перед коммунистической опасностью внутри толкают реакционную политическую мысль к признанию необходимости разрыва отношений между Францией и СССР.

Есть, однако, одно обстоятельство, являющееся осью, вокруг которой вращается вся совокупность франко-советских отношений настоящего периода, которое не позволяет так легко решиться на срыв франко-советских дипломатических отношений—это проблема французских претензий к советскому правительству и перспектива ее удовлетворительного разрешения. В той же мере, насколько держатели царских займов смогли служить, будучи убеждены Нулансами и К° в невозможности разрешения их претензий в благоприятном смысле иначе как интервенцией, имеющей своим следствием свержение советской власти, опорой всех французских правительств—противников признания советской власти,—настолько перспектива соглашения с СССР в этом вопросе делает их враждебными преждевременному срыву отношений, т.-е. возможности соглашения, и опасными противниками всякого французского правительства и всякой политической партии, которые взяли бы на себя ответственность за такой шаг.

Политика советского государства и нашей партии, нащедшая это «основное звено» наших отношений с Францией и наметившая формы урегулирования претензий, помешала, по крайней мере, на ближайший период, осуществлению реакционных планов.

II.

Еще при обмене телеграммами в связи с восстановлением дипломатических отношений между Францией и СССР 29-го октября 1924 г. французским правительством было указано, что предпосылкой развития дружественных отношений между Францией и СССР является урегулирование французских претензий, распадающихся на три вида: царские долги, военные займы и возмещение за национализированную собственность. К ним следует также отнести претензии за конфискованную и реквизированную, но не оплаченную, собственность французских граждан в СССР.

Совершенно очевидно было, что левый блок, ставший у власти после майских выборов 1924 г. во Франции, считал, что он может рассчитывать на поддержку избирателями его политики соглашения с СССР вместо политики непризнания, которую проводили его предшественники, если бы он мог доказать, что такой поворот политического курса принесет реальные плоды французским претендентам. С другой стороны, было ясно, что

из всего комплекса претензий, которые могли быть пред'явлены советскому правительству и подлежали бы суждению франко-советской конференции, наибольшее политическое значение имело бы достижение соглашения по претензиям держателей царских займов. Специфические формы размещения довоенных займов российского правительства, когда при патронаже и по рекомендации французского правительства громадное количество мелких французских рантьеров расписывали на свое имя облигации займов, выпускавшихся французскими банками по поручению царского правительства, создали во Франции миллионный контингент лиц, заинтересованных в возвращении материальной ценности аннулированным советским правительством бумажкам. Эта масса—мелкобуржуазная масса—представляет собой значительный политический вес, и разрешение в положительном смысле, хотя бы лишь в частичном об'еме, ее претензий неизбежно должно было бы сыграть крупную роль для укрепления политических позиций каждой партии, которая, стоя у власти, могла бы преподнести им соглашение с СССР по этим претензиям. Эти соображения толкали левый блок особенно энергично отстаивать перенесение центра тяжести переговоров между французской и советской делегациями в сторону урегулирования именно этого вида претензий.

Для СССР компромисс по вопросу о царских долгах имел также значительные плюсы. Во-первых, то отрицательное влияние, которое имела на франко-советские отношения неудовлетворенность массы французских избирателей, замещалось в результате компромисса поддержкой со стороны этой массы политики соглашения и мира с СССР. При все более выявлявшейся антисоветской тенденции английской политики соглашение с Францией, очевидно, приобретало сугубо важное значение. Во-вторых, в лице этих мелкобуржуазных держателей советскому государству пришлось бы столкнуться не с настойчиво-принципиальными проводниками капиталистической политики, которые требовали бы от него отказа от принципиальной позиции непризнания долгов, заключенных царским правительством, а почти исключительно с людьми, которые хотели бы просто вернуть обратно вложенные ими сбережения. Такое положение значительно облегчало и делало реальным деловое соглашение. И, наконец, в-третьих, уступка, которая была бы сделана мелким держателям, не представляла бы собой укрепления позиций крупного капитала и с этой точки зрения имела бы за собой полную поддержку советской общественности.

Таким образом, с согласия обеих сторон, первым видом претензий, на изучении которых остановилась франко-советская конференция, были претензии по царским долгам. Прежде чем, однако, перейти к конкретному обсуждению цифры предстоящих платежей и условий урегулирования долга, обеим делегациям предстояло разрешить еще один спорный пункт, от согласия которого зависел самый успех переговоров.

Соглашаясь на известное возмещение держателям царских займов, советское правительство ставило непременным условием, чтобы производство платежей компенсировалось со стороны Франции помощью в деле развития нашего народного хозяйства. Готовность СССР пойти на соглашение по дореволюционным претензиям покоилась на учете тех благоприятных последствий,

которые должно было иметь для советского народного хозяйства снятие кредитной блокады со стороны французского финансового капитала в результате соглашения. Но мы, конечно, не могли удовлетвориться одними голыми обещаниями и утверждениями, что как только состоится соглашение по долгам, то немедленно откроются банковские кладовые, и кредит СССР будет обеспечен. Не могли этого сделать потому, что соглашение по долгам с нашей стороны понималось всегда только как составная часть такого соглашения между советским государством и Францией, в котором второй частью, неразрывно связанной с первой, должно было быть соглашение о кредитах.

Поэтому, приступая к переговорам, советская делегация поставила требованием, чтобы конференцией была признана взаимозависимость между долгами и кредитами.

В связи с такой постановкой вопроса должно было отпасть выдвигавшееся еще во времена Генуэзской и Гаагской конференций требование капиталистического мира о принципиальном признании революционным правительством России обязательств самодержавного строя. Никакого признания царских обязательств, а совершенно новая сделка, в которой удовлетворение материальных претензий по внешним займам б. российского правительства покоилось бы на снабжении СССР долгосрочными кредитами.

На этой принципиальной позиции советской делегацией был дан бой и... выигран. Сначала французская делегация отказалась от своего первоначального требования поставить в основу дискуссии об условиях урегулирования долговых претензий «юридический» вопрос о преемственности новым правительством обязательств старых, а затем, после того, как, благодаря отому отказу, была расчищена почва для делового обсуждения, согласилась признать, что действие соглашения о долгах может начаться не ранее урегулирования вопроса о предоставлении кредитов.

Таким образом, основная проблема, от разрешения которой зависела вообще возможность для советского правительства принять соглашение о долгах, перестала служить камнем преткновения для дальнейшего развития переговоров. Советскому правительству оставалось, сведя воедино согласованные с французской делегацией в разное время условия соглашения о долгах и наметку о характере и размерах кредита, сделать вполне формальное предложение французскому правительству.

Пройденный этап—от требования принципиального признания долгов до установления взаимозависимости между долгами и кредитами—потребовал двухлетних усилий со стороны обеих делегаций.

Принятие французской делегацией формулы «долги—кредиты», на которую ведется сейчас усиленная атака со стороны правых французских кругов в целях срыва соглашения, является следствием игры интересов тех кругов французской буржуазии, которые надеялись из соглашения с СССР извлечь политическую и материальную пользу. Выше уже указывалось на те политические последствия, благоприятные для левого блока, которые могло ему принести удовлетворение мелких держателей царских займов. Требование советского правительства предоставить кредиты преимущественно на закупку машинного оборудования, изготовляемого французской промышленностью, вовлекало в сферу переговоров также интересы французской промышленности.

Политика повышения курса франка на внешнем рынке, проводившаяся Пуанкаре и приведшая к стабилизации франка на достаточно высоком уровне, ощутительным образом ударила по французской экспортной промышленности, которая вынуждена была сократить вывоз своего производства в виду невыгодных условий конкуренции с другими странами-производителями. Открывающаяся, в случае принятия советских требований о кредите, перспектива гарантированного сбыта своих товаров в ближайшие несколько лет с открытием колоссальных возможностей в будущем, имела все свои привлекательные стороны для французской индустрии. То обстоятельство, что часть риска за кредит пришлось бы нести самой промышленности, могло запугать только консервативных—в деловом отношении—представителей промышленного мира, которые вследствие сравнительно незначительного торгового оборота с СССР не убедились еще в точности выполнения последним своих обязательств по кредитным операциям. Дальновидные представители промышленного мира могли только сочувственно отнестись к такой схеме соглашения, в которой главная доля риска к тому же—если о таковом вообще может итти речь—падала на банковский капитал. Эти два момента—удовлетворение мелких держателей и поощрение отечественной промышленности, составленной еще при правительстве левого блока,—могли побудить французскую делегацию принять предложенную советской делегацией формулу «долги—кредиты».

На самих советских предложениях, формулированных в ноте тов. Раковского от 21 сентября этого года, останавливаться не приходится: они достаточно хорошо известны из газет. Тут уместно лишь отметить, что модальности соглашения о долгах, полностью разработанные обеими делегациями, явились результатом длительной дискуссии, в которой сначала были сделаны попытки установить самую сумму долга, подлежащего выплате. После того, как в этом вопросе были встречены громадные трудности, обе делегации договорились на установлении общей (паушальной) суммы годичных платежей с определением количества таковых без того, чтобы был зафиксирован размер капитального долга. Таким образом, и с внешней стороны соглашение о долгах, помимо того, что оно будет заключать декларацию незыблемости революционного законодательства о внешних займах царского правительства, ни в какой форме не восстановит старые долговые обязательства.

III.

Соглашение о долгах, принятое обеими делегациями, представляло несомненные и значительные выгоды для держателей аннулированных царских ценностей. Получение ежегодных взносов в 60 миллионов золотых франков, вместо голой претензии на уплату долга в $10^{1}/_{2}$ миллиардов (по французским исчислениям) с соответствующими процентами—вот что давало соглашение с советами. По существу условия, на которых сошлись обе делегации, ставили обладателя царских бумажек в положение не худшее, а даже лучшее, по отношению к держателю французской ренты, который в результате падения франка и низкого биржевого курса французских государственных бумаг потерял $^{9}/_{10}$ их ценности. Это соглашение давало совершенно реальное

возмещение, об улучшении условий которого мелкий французский держатель и мечтать не мог.

Сделавшись фактом, будучи утверждено соответствующими правительствами, такое соглашение о долгах явилось бы несомненным фактором укрепления франко-советских отношений и в значительной степени предопределило бы успех переговоров по другим оставшимся вопросам.

Тем самым оно сделалось ненавистным в глазах тех, кто стремился к срыву франко-советских отношений. Реакционные круги прекрасно понимали, что начнись действие соглашения, и их работа, ведущая к срыву, в десятки раз затруднится. Французский держатель будет зубами держаться за сохранение отношений с Советским Союзом, ибо только нормальные взаимоотношения между Францией и СССР могут ему обеспечить поступление взносов. Надо было во что бы то ни стало не дать осуществиться соглашению, сорвать его хотя бы накануне оформления.

Те условия, о которых говорит нота тов. Раковского, были согласованы с французской делегацией приблизительно в то же время, когда последовал разрыв англо-советских отношений. Французская реакция, ставшая с этого момента особенно активно вести линию на срыв отношений с СССР, не смогла все же выступить против самого соглашения о долгах в виду его очевидной выгодности для держателей. Наоборот, в ее интересах, и она это последовательно проводила, успех переговоров должен был быть скрыт от широкого общественного мнения, ибо разглашение условий соглашения было бы только на руку сторонникам мирной политики по отношению к СССР. Она вынуждена была избрать обходный путь, тормозя окончательный сговор выставлением новых требований, отказом от прежних уступок или присоединением новых моментов, по существу и формально не имеющих никакого отношения к соглашению о долгах и кредитах. Таковы были методы правых кругов, давивших на правительство и на французскую делегацию, через своих представителей в составе последних.

В начале этой статьи уже отмечалось, что одним из симптомов изменяющегося курса французской политики по отношению к СССР был мертвый штиль в переговорах после того, как разрывом отношений с СССР английская реакция дала сигнал своим собратьям в Европе выступать против советского государства. Июньская сессия Совета Лиги Наций была свидетелем попыток английской дипломатии ковать железо, покуда оно горячо, и организовать антисоветский блок. Как известно, эта попытка не удалась. В частности, французское общественное мнение не было еще достаточно подготовлено к такому повороту в политике, да и в самом правительстве не могло быть собрано достаточное большинство в пользу такого решения в виду тех разногласий, которые в нем существовали относительно целесообразности этой меры в данный момент. Но те декорации, на фоне которых Чемберлен строил в Женеве свою политику окружения СССР, а именно борьба с Коминтерном, были использованы французским правительством для затягивания переговоров с СССР. В письме французской делегации от 26 июля, которое последовало в ответ на заявление советской делегации по поводу задержки переговоров, выдвигается указание на мнимую пропаганду со стороны советов, как на препятствие к благополучному завершению кон-

конференции. Одновременно, под диктовку правых, в уже согласованную схему долгов и кредитов протискиваются вопросы о военных долгах и о возмещении за национализированную собственность.

Расчет был ясен. Если оставить в стороне вопрос о пропаганде, который должен был служить символом союза между внешней и внутренней политикой кабинета Пуанкаре и который впоследствии, после предложения совпра заключить договор о невмешательстве, получил совсем иные формы, то выдвижение на данной стадии переговоров проблем о военных долгах и компенсации за национализацию фабрик и заводов, не могло не скомпрометировать успеха переговоров.

Ибо, для согласования различных точек зрения, которые существуют у советского и французского правительств на формы и условия разрешения этих проблем, потребовалось бы, при самой оптимистической оценке, такое количество времени, что антисоветская пропаганда правых кругов могла бы, при отсутствии эффектов соглашения по долгам, произвести желательный им поворот в общественном мнении Франции относительно возможности соглашения с советами. Этого только и нужно было. Не рвать переговоров, наоборот, затягивать их и, дразня Форейн-Оффис перспективой соглашения с советами по вопросу о долгах, получить у него необходимые компенсации и тогда уже порвать с СССР— такою вырисовывается генеральная линия внешней политики кабинета Пуанкаре. С точки зрения внутренних отношений во Франции, актуализация вопросов о военных долгах и национализированной собственности является следствием усиления влияния правых элементов в правительстве, которые стоят на непримиримой позиции по вопросу о претензиях к советскому государству.

Однако, в этом расчете были свои слабые стороны, которые могли помешать успеху намеченной тактики. Покуда результаты соглашения о долгах оставались под спудом, до тех пор, конечно, диверсия в сторону остальных претензий и пресловутого вопроса о пропаганде способна была бы дать известные результаты, но сохранение в тайне элементов соглашения, в котором заинтересованы очень и очень многие, едва ли могло иметь место. В этих условиях правительству пришлось бы выдержать сильнейший напор со стороны заинтересованных кругов, удельный вес которых увеличивается по мере приближения парламентских выборов. Надо было нанести такой удар по соглашению о долгах, который сделал бы его нереальным на протяжении значительного промежутка времени. Такой удар наметился в форме требования об отозвании полпреда СССР во Франции и председателя советской делегации тов. Раковского.

Кампания правых кругов против тов. Раковского, претворившаяся впоследствии в прямую акцию со стороны французского правительства, шла в двух направлениях. С одной стороны, им нужно было обезвредить для себя то соглашение, которое было достигнуто на франко-советской конференции по вопросу о долгах. Уход непосредственного руководителя переговоров накануне их оформления должен неизбежно отразиться отрицательным образом на дальнейшем продвижении соглашения, а особенно в условиях той внутренней борьбы вокруг последнего, когда влиятельные круги стремятся его непрерывно сорвать. Держащаяся на тонкой ниточке взаимозависимость между долгами и кредитами

подвергается сильнейшему обстрелу, и разрыв этой связи аннулирует достигнутые результаты. В такой обстановке смена руководства ставит под вопрос все достижения конференции и открывает обширное поле для обработки общественного мнения во враждебном СССР духе. Не являясь непосредственным актом разрыва отношений, требование об отозвании тов. Раковского есть преддверие к разрыву франко-советских отношений, поскольку последние в значительной мере покоятся на расчете держателей царских займов притти к мирному соглашению с Советами. С другой стороны, плоскость, в которой велась кампания против тов. Раковского—коммунистическая пропаганда извне как стимул для деятельности французских коммунистов—связывала проблему франко-советских отношений с внутренней политикой и самой Франции. Стремясь обеспечить себе голоса мелкобуржуазных избирателей на предстоящих парламентских выборах, французская реакция на фоне демонстраций по поводу казни Сакко и Ванцетти и манифестаций призванных запасных выставила себя в качестве защитника буржуазного правопорядка против покусителей извне и изнутри. Придравшись к известной декларации, под которой стоит подпись тов. Раковского, правые круги поставили ставку на то, чтобы одним ударом дважды разбить своих противников: доказать несостоятельность политики левого блока, в пользу соглашения с СССР как с точки зрения ее внешнеполитических результатов (неудача переговоров), так и ее последствий для внутреннего положения Франции (рост коммунистической опасности).

Успех кампании за отозвание тов. Раковского правых кругов в значительной мере обязан колеблющейся позиции, занятой левым общественным мнением во Франции. Поскольку левая пресса аргументировала вообще против разрыва франко-советских отношений, она принимала весьма твердый тон и вела решительную борьбу против домогательств с правой стороны.

Но когда ловкий маневр правых кругов, дважды голосовавших в совете министров против разрыва, формально свел весь инцидент к личности тов. Раковского, левобуржуазные и социалистические круги побоялись себя скомпрометировать в вопросе «призыва к дезертирству и восстаниям». Они побоялись, что, выступая против отозвания тов. Раковского, они этим приклеят себе ярлык защитников коммунизма. Превосходно отдавая себе отчет в том, что вся история с подписью притянута за волосы, что речь идет о психологической и фактической подготовке разрыва, они все же попали в западню, поставленную им их политическими противниками.

Совершенно очевидно, что поражение, которое потерпело в настоящий момент дело соглашения с Францией, не дает оснований для оптимистического прогноза относительно будущего характера развития отношений. Реакционные круги, несомненно, попытаются вновь повернуть к условиям Генуэзской и Гаагской конференций в надежде заставить нас пойти на их требования, если на это у них хватит времени. Через пару месяцев начнется предвыборная кампания, результаты которой могут принести такие же «неожиданности», как недавние выборы в Германии. Во всяком случае в ближайшие шесть месяцев на какие-нибудь улучшения в существующих отношениях с Францией рассчитывать не приходится.

Беннет.

Английские коммунисты в новой полосе.

(К итогам IX с'езда английской компартии).

За год, протекший между VIII и IX с'ездами английской коммунистической партии, лик английского рабочего движения резко изменился. В пору VIII с'езда героическая борьба горняков еще продолжалась. Коммунистическая партия играла руководящую роль в борьбе горняков, и она была окружена доверием и сочувствием активных элементов рабочего движения в других профсоюзах, которые *вопреки* постановлениям Генерального совета и своих собственных исполкомов в меру сил старались помогать горнякам, в общем и целом осуществляя линию, намеченную коммунистической партией.

Для правильного понимания роли коммунистической партии в борьбе горняков достаточно будет упомянуть два факта. Перед самым VIII с'ездом английской коммунистической партии, когда лидеры горняков явно стали колебаться и склоняться на сторону соглашений с шахтовладельцами и правительством при помощи Генерального совета, коммунисты-горняки выдвинули контрпредложение об «интенсификации кампании горняков». Резолюция эта впоследствии стала известна под названием «программы Южного Уэльса». Она содержала ряд коротеньких предложений, смысл которых сводился к тому, что необходимо снять рабочих, занятых охраной угольных копей, добиться мобилизации всего рабочего движения для помощи горнякам и упорно настаивать на горняцкой программе, не допускавшей частных договоров, сокращения заработной платы и увеличения рабочего дня.

Инициатива этой южно-уэльсской программы принадлежала коммунистической партии. Она *одна* вела энергичную борьбу за нее. Крайне характерно, что правительство, чтобы помешать принятию этой программы, запретило деятельность коммунистической партии в важнейших угольных районах и особенно следило за проведением в жизнь своего запрета в Дурхэме. Усилия правительства ни к чему не привели, невзирая на то, что правительство имело полную поддержку не только Генерального совета, но и солидной части горняцких лидеров. *Южно-уэльсская программа была принята подавляющим большинством горняков.*

Нет надобности прибавлять, что южно-уэльсская резолюция по существу никогда не была проведена в жизнь. Влияние коммунистической партии оказалось достаточно сильным, чтобы добиться принятия этой программы горняками, но горняки не были хозяевами в своем собственном союзе, чтобы заставить своих же чиновников осуществить принятую ими программу.

Другой иллюстрацией роли и влиянии коммунистической партии является ноябрьское голосование горняков по вопросу о предложениях правительства. Голосование происходило *на 29-й неделе* забастовки. Горняки были явно истощены. Хозяевам при помощи голода, с одной стороны, услужливых агентов в лице Спенсера и Ходжеса—с другой, удалось добиться возвращения довольно большой части горняков на работу. Вся пресса утверждала, что поражение горняков—совершившийся факт, что спинной хребет забастовки переломлен. Только одна коммунистическая партия повела бешеную кампанию за отклонение предложений правительства. *В результате 460.806 горняков голосовали против предложений правительства и 313.200 за.*

Приведенные два факта в достаточной мере убедительно и красноречиво свидетельствуют о роли и влиянии коммунистов в горняцкой забастовке, которая, невзирая на поражение, является самой яркой классовой битвой в послевоенной Англии.

VIII с'езд коммунистической партии прошел под знаком сознания, что коммунистическая партия Англии становится серьезным революционным фактором в английском рабочем движении, начинающим играть серьезную руководящую роль в судьбах рабочего движения.

Росту влияния английской коммунистической партии соответствовал и численный рост ее. Перепись, произведенная перед VII с'ездом, показала, что партия насчитывает всего 4.398 регулярных плательщиков членских взносов. И ко времени VII с'езда деятели коммунистической партии знали и понимали, что эта мизерная цифра не только не дает верного представления о влиянии партии, но и о ее численном росте. В английской коммунистической партии число регулярных плательщиков членских взносов дает только ориентировочное представление об общем числе членов. Число рабочих, фактически выполняющих все директивы партии и даже участвующих активно в ее работе, значительно превосходить число регулярно платящих членские взносы. Ко времени VIII с'езда (перепись сентября 1926 г.) число регулярных плательщиков членских взносов возросло до 10.730. Этот скачок говорил о быстром *организационном* росте партии.

Дальнейший численный рост партии оборвался после разгрома горняков.

Правительство Болдуина начало политику жестоких репрессий против коммунистической партии *до* начала об'единенного наступления на прожиточный минимум английских рабочих. Правительство уже в конце 1925 г. учитывало, что для успешного проведения наступления необходимо обезглавить коммунистическую партию и поставить ее в полулегальное положение. Роль *активной разведки* для правительства и в этом отношении сыграла рабочая партия. На своем ливерпульском с'езде английская рабочая партия под руководством Макдональда об'явила крестовый поход против английских коммунистов, ссылаясь на тезис Коминтерна, который гласит: «Рабочим (речь идет об английских рабочих) надо готовиться не к легкой парламентской борьбе, а к победе в тяжелой гражданской войне». Через несколько недель после ливерпульского с'езда английское правительство посадило в тюрьму центральный комитет коммунистической партии и поставило знак вопроса над ее легальностью. Тезис о гражданской войне лег в основу обвинительного акта против коммунистической партии!

Репрессии против коммунистической партии, начавшиеся непосредственно после ливерпульских резолюций и приговора суда, вынесенного над коммунистической партией, были только артиллерийской подготовкой той бешеной кампании, которая последовала за разгромом горняцкой забастовки.

Уже конец всеобщей забастовки (12 мая 1926 г.), преданной Генеральным советом, был сигналом к усилению реакционной политики правительства Болдуина против Китая, против СССР, против английских рабочих и, в первую очередь, против коммунистов. После поражения горняков вся старая Англия, включая откровенно правых и так назыв. левых лидеров рабочей партии и профсоюзов, образует единый фронт для беспощадной борьбы против коммунизма и коммунистической партии. Буржуазная Англия сумела установить отчетливое разделение труда в своей собственной среде, для более успешного проведения борьбы против коммунистической партии. Хозяева стали увольнять рабочих-коммунистов, следуя примеру шахтовладельцев, отказавшихся обратно принять коммунистов на работу после окончания забастовки горняков. Правительство продолжает сажать коммунистов в тюрьму, обрушиваясь также тюремными приговорами и денежными штрафами на их слабенькую прессу. Рабочая партия изгоняет коммунистов из состава партии, обрушиваясь также на те отделы рабочей партии, которые отказываются участвовать в антикоммунистическом едином фронте. Одновременно лидеры профсоюзов подготовляют кампанию за исключение коммунистов из профсоюзов, санкционируя таким образом действия хозяев, выбрасывающих коммунистов на улицу, обрекая их на голод.

В этой обстановке террора английской коммунистической партии пришлось вести свою работу в течение 10 месяцев, истекших после разгрома горняцкой забастовки.

Отчеты центрального комитета английской коммунистической партии (организационный и политический) дают живую картину той гигантской работы, которая была проведена малочисленной коммунистической партией в обстановке самого дикого и самого жестокого разгула реакции. Эти отчеты убедительно показывают, что *влияние* коммунистической партии не только не уменьшилось, но что оно *выросло* под огнем врага.

Раньше, чем перейти к анализу важнейших кампаний, проведенных коммунистической партией за истекший год, необходимо несколько остановиться на вопросе о числе членов коммунистической партии. Не только буржуазная пресса Англии, но и европейская буржуазная пресса радостно подхватила ту часть организационного отчета ЦК, где говорится о сокращении числа членов английской коммунистической партии. Особенно радостно забил в литавры верный лакей всемирной буржуазии, стоящий вечно на ее страже, немецкий «Форвертс». Цифры, мол, утверждают буржуазные писатели и их реформистские подголоски, показывают, что коммунизм в Англии находится «на ущербе».

Обратимся к цифрам. Мы уже упомянули, что перепись 1925 г. показала 4.398 членов, а перепись сентября 1926 г. показала 10.730 членов. Последняя перепись сентября 1927 года дей-

ствительно показывает заметное уменьшение числа членов английской коммунистической партии: с 10.730 оно упало до 7.377. Буржуазная пресса, конечно, умалчивает о цифрах, относящихся к 1925 г. Она говорит только об *уменьшении*, происшедшем между сентябрем 1926 г. и сентябрем 1927 г. Если же мы включим и данные, относящиеся к 1926 г., то придется умозаключить, что из 6 с лишком тысяч рабочих, вступивших в ряды коммунистической партии в пору английской забастовки, около 3 тысяч остались в ее рядах, невзирая на все преследования со стороны хозяев, правительства и агентов правительства в лице лидеров—правых и левых—профсоюзов и рабочей партии.

Тов. Хорнер, анализируя вышеприведенные цифры на с'езде партии, ребром поставил вопрос, в какой мере следует считать отставших от партии потерянными для коммунизма. На поставленный вопрос тов. Хорнер с глубоким убеждением ответил, что те 3 тысячи горняков, которые под угрозой голода и выселения на улицу формально порвали связь с коммунистической партией, по существу остаются верными коммунизму и коммунистической партии. Это утверждение тов. Хорнера подтверждается рядом неоспоримых фактов. Мы приведем только некоторые из них. В Файфе (горняцкий район Шотландии) число членов коммунистической партии резко упало после разгрома горняков. Вместе с тем, при выборах членов исполкома горняцкого союза коммунисты получили 13 мест в составе исполкома из 38, причем 6 из остальных 25 получили примкнувшие к движению меньшинства. В Ноттингаме—операционная база Спенсера (организатора желтых «неполитических» союзов)—число членов коммунистической партии упало еще больше, чем в Файфе. Вместе с тем коммунисты одержали победу не только на выборах в исполком ноттингамской организации горняков, но и в центральный к-т союза горняков Великобритании от Ноттингама избран председатель ноттингамской организации меньшинства Бут.

Мы могли бы увеличить число примеров. Все они свидетельствуют об одном и том же: горняки, вступившие в ряды коммунистической партии в пору забастовки, остаются верными ей, но многие из них еще недостаточно закалены, чтобы перед лицом жестоких репрессий и непосредственного голода оставаться в рядах партии.

Статистика числа членов партии показывает также, что число членов заметно упало лишь в тех районах, в которых партия до забастовки была слишком слаба, чтобы переварить тех новых членов, которые хлынули в ряды партии во время забастовки. Так, например, в Шотландии за промежуток времени между сентябрем 1926 г. и сентябрем 1927 г. число членов упало с 1.607 до 1.500. Мы вряд ли ошибемся, если скажем, что это падение надо целиком отнести за счет файфского района. В Южном Уэльсе, где партия была значительно сильнее, чем в Шотландии, число членов не только не уменьшилось, а, наоборот, увеличилось с 1.500 до 2.300. В таких же районах, как Шефильдский или Бирмингамский, где партия насчитывала только пару сотен человек до горняцкой забастовки, реакция может отметить более яркие победы.

Вернемся теперь к политическим кампаниям, проведенным английской партией за истекший год.

Мы начнем с майской кампании. Эта кампания интересна в том отношении, что она дает нам возможность действительной проверки соотношения сил внутри рабочего движения. Лидеры рабочей партии сделали отчаянные попытки добиться того, чтобы рабочая партия провела этот праздник *без коммунистов*. Бой начался в первую очередь в Лондоне. Местные организации наотрез отказались принять предложение английской рабочей партии. Образовалось два комитета: один, имевший поддержку всего официального движения, а другой—представлявший местные организации, при активном участии в нем коммунистической партии. Комитет рабочей партии вынужден был отказаться от об'единенной демонстрации в Лондоне и заменить ее отдельными митингами по районам. Этот отказ дал возможность в день 1-го мая подвести более или менее точный учет сил. Даже по свидетельству официальной прессы рабочей партии и профсоюзов в демонстрации в Гайд-парке, организованной левым комитетом, при активном участии коммунистов, участвовало не менее 100 тыс. человек, во всех же митингах вместе взятых, организованных рабочей партией в различных районах Лондона, участвовало менее 20 тыс. человек.

Рядом с первомайской кампанией необходимо поставить также и кампанию против палаческой войны в Китае. Не только рабочая партия, но и Генсовет энергично сопротивлялись всякой борьбе рабочих, которая помешала бы консервативному правительству осуществить свою программу в Китае. Лидеры рабочей партии усиленно восхваляли знаменитый меморандум Чемберлена. Макдональд заверял рабочих, что правительство послало в Китай лучших людей для установления мирных отношений. Томас агитировал за посылку более мощных военных отрядов для защиты престижа английской империи на Востоке. Вся кампания против палаческой войны в Китае была фактически сосредоточена в руках коммунистической партии. Успехи кампании—особенно на первых порах—были столь велики, что даже парламентская рабочая фракция вынуждена была внести предложение об отзыве войск из Китая. Верно, что Макдональду впоследствии удалось добиться в парламентской фракции пересмотра этой резолюции и замены протеста против отправки войск протестом только против демонстративного характера организации военной экспедиции в Китае. Несомненно, однако, что коммунистической партии удалось провести внушительную кампанию и создать не менее 70 комитетов в различных индустриальных центрах под общим лозунгом защиты китайской революции.

В отчете о кампании в защиту СССР мы находим следующие крайне интересные строки (см. политический отчет ЦК, стр. 22): «Отметим здесь, что в отличие от опыта во время предыдущих кризисов в отношениях между Англией и Советской Россией в течение последних 7 лет наша партия была фактически одинока в кампании против правительства Болдуина в то время, когда почти все остальное рабочее движение (речь идет, конечно, о реформистском рабочем движении) активно или пассивно поддерживало болдуинское правительство». Из самого отчета, вместе с тем, явствует, что невзирая на позицию, занятую Генеральным советом и исполкомом рабочей партии, кампания в защиту СССР встретила широчайший отклик среди рабочих масс. К этому отчету можно теперь прибавить справку о деятельности

комитета по организации делегаций в СССР в связи с 10-й годовщиной Октября. В этом комитете руководящую роль играют хорошо известные Англии видные деятели коммунистической партии, как Том Манн, Гарри Поллит и др. Лидеры Генсовета, порвавшие англо-русский комитет на последнем Эдинбургском конгрессе, пытаются примазаться к этому комитету, чтобы показать себя друзьями СССР!

Мы отметили только несколько кампаний. Отчеты, представленные IX с'езду, убедительно показывают, во-первых, что партия в течение всего года развивала лихорадочную деятельность, и, во-вторых, что, как общее правило, ее кампании встречали глубочайший отклик. Наибольшего внимания заслуживает бесспорно антивоенная кампания, которую английская компартия ведет не только с поразительной энергией, но и с большой искусностью. Не раз и не два английскому парламенту приходилось заниматься вопросом о мерах борьбы против антимилитаристской кампании, которую коммунистическая партия ведет в Англии и которая не только проникает в английскую казарму, но встречает там глубочайший отклик. Прибавим также, что английская коммунистическая партия ведет теперь энергичную кампанию для мобилизации масс против нового наступления английского капитала, направленного не только против горняков, но и против всех тех 5 миллионов английских рабочих, которые заняты в отраслях промышленности, связанных с внешним рынком.

Мы отметили положительные достижения английской коммунистической партии за истекший год. Нам представляется, что одновременно необходимо попытаться подвергнуть работу последнего года вдумчивому критическому анализу.

Мы уже отметили в начале нашей статьи, что в течение текущего года лик рабочего движения Англии заметно изменился. В чем заключаются эти изменения? Было бы роковой ошибкой преуменьшать значение той депрессии, которая обнаружилась в определенных слоях английского рабочего класса в связи с поражением горняков. Эта депрессия получает свое выражение, прежде всего, в попытках организации компанейских союзов на американский лад. Компанейский союз в горной промышленности — уже совершившийся факт. Верно, что союз, руководимый Спенсером, насчитывает ничтожное количество членов. Но он существует и оказывает определенное влияние на взаимоотношения между трудом и капиталом в области угольной промышленности. Робкие попытки организации таких компанейских союзов делаются также в типографской промышленности. В одно и то же время Хавелок Вильсон, чей союз уже давно функционирует, как компанейский союз, выступает теперь с открытым забралом и уже не ограничивается тем, что держит в кабале моряков, а пытается распространить свое влияние и на рабочих в других отраслях промышленности, в первую очередь, на горняков.

Депрессия находит также свое выражение в том откровенно-реакционном и нагло-империалистическом курсе, который взяли теперь руководители как рабочей партии, так и Генерального совета, в курсе, нашедшем свое полное и отчетливое выражение на последних с'ездах в Эдинбурге и Блэкпуле.

Вплоть до всеобщей забастовки средний слой чиновников английских профсоюзов явно колебался, проявляя определенные

сдвиги влево. Эти колебания обеспечивали возможность проведения ряда резолюций на конгрессах в Гулле и Скарборо и заостряли грань между профсоюзами, с одной стороны, и рабочей партией—с другой. Уже во время всеобщей забастовки этот средний слой явно стал склоняться *вправо*. Грозная обстановка классовой борьбы смертельно испугала тех профсоюзных чиновников, которые думали, что можно достичь лучших результатов при помощи одних радикальных резолюций. Поражение всеобщей забастовки и последовавшее за ним поражение горняцкой забастовки окончательно определили ориентацию этого слоя чиновников. Уже на январской конференции исполкомов 1927 года не только Томасы, Хиксы, Бэвины, Персели, но также чиновники профсоюзов второго ранга откровенно ставили ставку на методы Томаса, т.-е. на классовое сотрудничество в противовес методам движения меньшинства, т.-е. методам организованной классовой борьбы.

Этот сдвиг не был неожиданностью для коммунистической партии. Но он требовал от коммунистической партии крутого поворота, *быстроты и натиска*. С этой задачей английская коммунистическая партия не справилась в достаточной мере.

Для подтверждения нашей мысли нам придется обратиться к периоду, непосредственно последовавшему за предательством всеобщей забастовки. Вся обстановка требовала, чтобы коммунистическая партия, продолжая кампанию защиты горняков, которую она проводила с такой энергией и с таким мужеством, начала *беспощадную* борьбу против Генерального совета. Период, протекший между 12 мая и сентябрьским конгрессом профсоюзов в Борнемуте, должен был бы пройти под знаком самой жестокой борьбы против Генерального совета на предмет подготовки пролетарского общественного мнения к борьбе против виновников предательства всеобщей забастовки на Борнемутском с'езде. Кое-какие резолюции и директивы на этот счет мы находим в английской коммунистической прессе. Надо, однако, откровенно сказать, что кампания отнюдь не находилась на высоте требований всей обстановки классовой борьбы в Англии.

Такие же слабости мы наблюдаем и в месяцы, последовавшие за поражением горняцкой забастовки. Удары, которые обрушивались на коммунистическую партию, отличались не только силой, но и меткостью. Агенты британского империализма искусно применяли принцип внезапности, чтобы ошеломлять своих врагов. Коммунистической партии надо было сразу перейти в наступление, памятуя, что наступление является наилучшей формой обороны. Она должна была также проявить большую бдительность, чтобы отпарировать меткие и быстрые удары врага.

Для иллюстрации нашей мысли мы приведем некоторые примеры. Мы уже упомянули о борьбе в связи с празднованием первого мая. В то самое время, когда рабочая партия вела борьбу против участия коммунистов в общей первомайской демонстрации, Генсовет профсоюзов потребовал от городских советов профсоюзов подписания документа об отказе от движения меньшинства, как предварительного условия участия в общенациональной конференции городских советов профсоюзов. Казалось бы, что коммунистическая партия должна была слить воедино свою кампанию против раскольников в рабочей партии с кампанией против раскольников в профсоюзном движении. Этот удар Ген-

совета из-за угла застиг, однако, коммунистическую партию. а равно и движение меньшинства врасплох. Они усмотрели в в тактическом маневре Генерального совета попытку оставить за бортом общего движения городских советов профсоюзов те советы, которые связаны с движением меньшинства. И коммунистическая партия вместо того, чтобы начать бешеную наступательную кампанию против Генерального совета, предпочла отступление. В дальнейшем события показали, что компартия недооценила своего влияния в городских советах профсоюзов.

Примерно такую же картину мы наблюдали и в отношении к закону о профсоюзах. Генеральный совет тщательно разработал такую схему кампании «против» каторжного профсоюзного закона, чтобы ни в коем случае не вызвать никаких осложнений и не создать никаких затруднений для консервативного правительства. Конференции «протеста» против этого закона организовывались под непосредственным руководством Генерального совета, при чем участникам конференции не разрешалось даже вносить поправки к резолюции Генерального совета. Они могли голосовать либо за, либо против. Такой автократический метод организации кампании повелительно требовал организации контркампании для срыва этих инсценированных конференций. Практика показала, что в тех случаях, где коммунисты действовали с достаточной энергией, конференции, созванные Генсоветом. фактически срывались. Но общей, планомерной, организованной кампании срыва этих конференций и разоблачения их организаторов, как замаскированных проводников каторжного закона о профсоюзах, мы в Англии не наблюдали.

Этих двух примеров, думается нам, достаточно, чтобы показать, что, хотя партия теоретически поняла смысл того нового положения, в котором она очутилась благодаря консолидации агентов буржуазии внутри рабочего движения, она отнюдь не сделала всех необходимых тактических и организационных выводов. Члены партии, например, на последних конгрессах профсоюзов и рабочей партии (в Эдинбурге и Блэкпуле) даже не подчеркнули того факта, что эти конгрессы по сути дела превратились в подсобные буржуазные парламенты, помогающие «большому» парламенту в Вестминстере беспрепятственно осуществлять военную интервенцию в Китае, военный заговор против СССР и жестокое наступление по отношению к английским пролетариям.

Необходимо также отметить, что организованный поход всей реакции против коммунистической партии Англии вызвал и некоторое идейное замешательство в ее рядах как в Центральном Комитете, так и в местных организациях. В Центральном Комитете споры заострялись на вопросе о *месте* всеобщей забастовки в арсенале классовой борьбы пролетариата. Внимательный анализ стенографических отчетов Центрального К-та показывает, однако, что по существу речь шла не столько о всеобщей забастовке, сколько о методах и формах осуществления единого фронта. В рядах Центрального К-та были товарищи, которые продолжали думать не только о едином фронте снизу, по образцу первомайской кампании, кампании в связи с Сакко и Ванцетти и т. д., но и о попытках осуществления единого фронта сверху, с теми так назыв. левыми, которые еще недостаточно разоблачили себя, как пособников откровенной реакции. В этих устремлениях сохранить кое-какие формы единого фронта сверху чувствовался страх перед опасностью изоляции. в связи с бешеной кампанией об'единенной реакции. Отклики этих настроений мы наблюдали и на местах. Политический отчет Центрального К-та упоминает о них только вскользь. Он говорит о некоторой тенденции в местных организациях сохранить единый фронт за счет отказа от критики и разоблачений. Политический отчет только не отмечает, что эти тенденции проявлялись подчас в достаточно острой форме и что они существовали не только на местах, но порой и в центре.

Резолюции, принятые IX с'ездом английской коммунистической партии, показывают, что эти колебания в огромной мере изжиты. Было бы, однако, преувеличением думать, что они уже окончательно превзойдены. Нам представляется, например, что резолюция, принятая об англо-русском комитете IX с'ездом, не отличается необходимой четкостью и ясностью. Англо-русский комитет был сорван Генсоветом перед лицом надвигающейся военной опасности. Говорить о его восстановлении означает сеять не только вредные, но и опасные иллюзии. Единство рабочих Англии и СССР в нынешней новой обстановке может быть осуществлено только *снизу* против тех, кто в течение долгого времени саботировал англо-русский комитет и в самую важную минуту сорвал его. Деятельность английской коммунистической партии убедительно показывает, что она на практике стремится установить единство между рабочими СССР и Великобритании именно снизу. Но в той сложной обстановке, в которой английская компартия ныне находится, политическая ясность и четкость являются обязательными условиями дальнейшего успеха.

Мы попытались отметить не только актив, но и пассив в деятельности английской компартии за истекший год. Если мы теперь сверим актив и пассив с тем, чтобы вывести баланс, то мы неизбежно придем к выводу, что нет оснований ни для ликования буржуазии, ни для сумеречной философии наших горе-оппозиционеров. Мы в Англии наблюдаем два процесса консолидации. *Сверху* идет консолидация всей бюрократии под знаменем защиты английского империализма. *В низах* идет консолидация рабочих масс под знаменем классовой борьбы. Массы выходят из повиновения старым вождям. Важнейшим результатом борьбы низов является тот факт, что в союзе горняков уже началась фактически смена бессменных чиновников и что в союзе металлистов идет тщательная подготовка к тому, чтобы такую смену произвести. Коммунистическая партия стала на путь *непосредственной мобилизации масс*, с одной стороны, и борьбы *за командные высоты* в рабочем движении—с другой. Борьба на обоих фронтах дает ощутительные результаты, и можно с уверенностью сказать, что партия сумеет извлечь необходимые уроки из пройденного пути, чтобы с честью выполнить свою основную миссию массовой революционной партии английского рабочего класса.

Г. Волков.

Слово „генерала барона Врангеля".

Нашему читателю небезынтересно будет узнать, что в последнем, октябрьском номере английского журнала консервативного направления «Английское обозрение» («The English Review») помещена на весьма видном месте статья Врангеля. Полное заглавие этой статьи в дословном переводе таково: «Белые армии в России и позже. Написано генералом бароном Врангелем (главнокомандующим русской белой армией)».

Итак, английские консерваторы предоставили слово известному крымскому «герою», не преминув любезно перечислить публике все его титулы: генерал, барон, главнокомандующий. Политический смысл этого события ясен сам по себе. Не трудно догадаться, *зачем* выступил Врангель и *что* сказал он—профессиональный расстрельщик и вешатель революционеров—по призыву реакционной клики, главная мечта которой—война против Республики Советов. Выступление Врангеля еще раз подчеркивает всю серьезность военных планов империалистической буржуазии, направленных к разрушению государственной базы мировой революции—СССР.

Особенно ясным становится это, благодаря откровенному и наглому тону статьи. Генерал, барон и прочая не испытывают никаких колебаний в определении истинного характера советского государства. Рассказывая глубоко скорбную для него историю 1917 года, он уверяет английскую публику в том, что большевики, как демагоги, сыграли на «самых низких чувствах населения», что они нисколько не заботились о благе России, как национального государства, и думали лишь о завоевании базы для распространения своего разрушающего влияния на весь мир. «Россия перестала существовать, как национальное целое, с тех пор, как большевики наложили руки на исполнительную власть,—заявляет Врангель.—Все интересы государства, как такового, были подчинены интересам Красного Интернационала. Этот Интернационал вел повсюду решительную войну против малейших проявлений национального духа, раздувал классовые конфликты и разрушал все основы морали—религию, отечество, семью».

Эти слова, несомненно, классически-типичны для крепкого в своих убеждениях черносотенца. С другой стороны, эти слова рассчитаны на то, чтобы ударить по нервам английского буржуа и мещанина, побудить их оставить всякие колебания. Последний момент очень ярко выявлен в выступлении Врангеля, безусловно с полного одобрения его теперешних хозяев, а быть может, и по их предварительному заказу.

С очень большой подробностью развивает Врангель ту мысль, что в поражении белых армий и в укреплении советской власти в очень значительной степени виноваты господа западно-европейские буржуа. «Западные державы,—жалуется Врангель,—были далеки от понимания сути большевистской идеи, от понимания той опасности, которую она представляет для мира. Они не оценили должным образом значения борьбы, которую вела белая армия. Они не поняли, что, сражаясь за свою собственную страну, эта армия сражалась также за европейскую цивилизацию и культуру».

Результатом этого непонимания было то обстоятельство, что западные державы не оказали достаточной помощи белогвардейцам. Если помощь и оказывалась, то медленно, в малых дозах и такими способами, что никогда не было уверенности в том, что эту помощь не могут неожиданно взять обратно. И часто так случалось без предварительного предупреждения,—отмечает Врангель. Генералы союзных войск не держали фронта и стремительно отступали, ставя белую армию в тяжелое положение. Тут Врангель доходит до прямого обвинения союзных генералов в предательстве, приводя как особенно яркий пример такового выдачу Колчака большевикам.

Интереснее всего в этой части врангелевского «слова» обвинения, направленные по адресу Ллойд-Джорджа. Именно его считает Врангель главным изменником делу международной буржуазии. Ллойд-Джордж вел переговоры с большевиками, явно симпатизируя им. Когда Врангель начал свое наступление, английские представители были отозваны из Крыма, и Врангель заключает: «Ллойд-Джордж не поколебался остановить свой выбор из двух борющихся партий на наших врагах». И дальше: «После поражения советских армий под Варшавой эгоистическая и близорукая политика мистера Ллойд-Джорджа, бывшего тогда руководителем европейской политики, одержала новую победу. Военные действия на польском фронте были преждевременно прекращены, и большевики спасены еще раз». И еще дальше: когда врангелевцы были уже в Галиполи, им не дали сохраниться, как организованному войску. «Близорукие политики, политики «сегодняшнего дня» делали свое дело. Они безнравственно поступили со своими старыми союзниками. Державы Западной Европы уступили требованиям рабочих масс, которые были зачарованы успехом своих русских товарищей. Они (державы) приостановили всякую помощь силам, которые боролись с большевиками. Они пошли дальше: они вступили в тесные взаимоотношения с советским государством. Англия открыла путь, за ней последовали Италия и Франция».

Развивая свои жалобы, господин «генерал-барон», несомненно, перешел границы истины. Говорить о незначительности иностранной помощи белым армиям во всяком случае не приходится. Это—прямая ложь. Ложь тем более подчеркнутая, что у Врангеля она соединяется с утверждением, что большевики превосходили белых снабжением, благодаря «использованию ресурсов громадной страны». Действительно, память изменила чиновному автору. Он все забыл: и состояние России после империалистической войны и протяжение территорий, занятых армиями его лагеря. Эта сторона дела, однако, не важна. Было бы не-

лепо ждать истины от генерала Врангеля. Важно знать, зачем врет славный «главнокомандующий».

А это как раз вполне ясно. Надо пробудить угрызения совести в неповоротливом буржуа, надо помочь консерваторам подчинить своей линии так называемое общественное мнение, надо обессилить буржуазную (о рабочей ничего и говорить) оппозицию наступательному походу против страны пролетарской диктатуры.

Но надо, с другой стороны, и подбодрить, укрепить надежду, показать, что «есть еще порох в пороховницах». Сиятельный автор не преминул выполнить и эту задачу. Он заявляет, что им и его «армией» (?) не потеряна «надежда на приближение торжества святого дела. Глаза Европы постепенно открываются на подлинную сущность большевизма. Европейские нации (читай буржуазия) начинают понимать опасность красного безумия и риск, которому подвергается цивилизованный мир от присутствия интернациональной клоаки, которая использует неизмеримые ресурсы нашей страны для поддержания своей разрушительной работы».

Надо полагать совершенно ясным, в связи с чем говорит генерал-барон об открывающихся глазах Европы. Это поклон в сторону хозяев, благодарность за то, что они занялись им (и будут хорошо платить, наверное).

В связи с этим «главнокомандующий» спешит заверить, что он готов служить и может служить. Его армия, разбредшаяся по различным странам, оказывается, не распалась, а сохранила единство. Его люди об'единены в «союз старых русских солдат», который имеет «страстное желание сорвать с Кремля красное знамя и водрузить на его место национальный флаг». Его «Союз» является «противовесом Интернационалу», программа «Союза»: «сражаться до смерти с коммунистической властью, отвергая всякую возможность соглашения с ней». «Союз» ждет только дня, когда его силы будут призваны страной и т. д., и т. д. Мы лишены возможности передать все красноречие воинственного генерала, которого, очевидно, выводят из равновесия воспоминания о поражениях и мечта о мести.

Ясно только одно—генералу Врангелю не терпится. Ему надоело сидеть на цепи, и он просится на работу. И в мечтах о будущей любезной его сердцу работе он не знает удержу. «Не может быть никакого сомнения,—с трепетом в сердце радует себя Врангель,—что как только падут большевики, «Союз» призван сыграть решающую роль в воссоздании национальной военной силы и в восстановлении законности и порядка. Красная армия, которая является политической организацией, тесно связанной с режимом, создавшим ее, не может его пережить и погибнет вместе с ним».

Но, окрыляя себя такими действительно сверхрадужными надеждами, генерал-барон не забывает сделать некоторые заявления иного порядка, которые необходимы для упрочения его политического капитала. Поворачиваясь в сторону своих хозяев, т.-е. в сторону капиталистической биржи, Врангель клятвенно заверяет ее в том, что его «армия» (?) «лойяльна ко всем обязательствам, взятым на себя прежними национальными правительствами». (Еще бы! Кто стал бы с ним разговаривать без этого?).

Поворачиваясь в сторону России, цепной пес международной биржи, пытается заверить русский народ, что его не надо бояться. Эмигранты—это вовсе не «привилегированные классы». Среди эмигрантов имеются рабочие и крестьяне. В 1920 году имел место «исход национальной России со всеми элементами, которые ее составляют». Он, Врангель, понял теперь, что в прошлом он и другие вожди белых допускали «политические и стратегические ошибки», не обращая достаточно внимания «на настроения народных масс». Если Врангель и иже с ним продают себя биржевикам, чтобы по их приказу «восстановить законность и порядок», то следует иметь в виду, что они «ничего не ищут для себя и не хотят насильственного восстановления старых прав господствующих классов».

Таково слово «генерала-барона» Врангеля, произнесенное им по предложению председательствующего английского консерватора.

Стоит ли вступать в полемику с крымским генералом? Элементы лживой демагогии в его «слове» настолько откровенно высказаны, настолько неумело сделаны, что задача «вскрытия их» в высшей степени несложна.

Кто поверит вешателю и растрельщику, что с ним в Европу ушла вся «национальная Россия» со всеми ее классовыми группировками? Если и были отдельные единицы из рабочих и крестьян, страхом или обманом увлеченные эмигрантским потоком, они давно уже вернулись на родину. С бароном остались его братья по классу и те элементы интеллигенции, которые этому классу служат.

Кто поверит осколку царистской угнетательской машины, что погибла русская нация и имя России стерто с лица земли? Победа пролетарского Интернационала не означает насильственного подавления национальной жизни. Победа пролетарского Интернационала означает свободу и расцвет всех наций, означает господство трудящихся классов каждой нации над их старыми эксплоататорами, означает соединение всех наций в трудовом единстве. Ленин еще до революции говорил, что высшая «национальная гордость великороссов» заключается в том, чтобы стать первыми на путь мировой революции.

Кто поверит генералу и барону, что он не хочет насильственно восстановить привилегии старых господствующих классов? Именно в этом смысл борьбы, именно это поддерживает и сплачивает белую эмиграцию, именно за это готова она поставить на карту свою жизнь. Для нее восстановить законность и порядок значит восстановить буржуазную законность и буржуазный порядок.

Все это настолько ясно, что приводить более подробные доказательства не имеет смысла.

Вместе с тем «слово» Врангеля имеет, несомненно, большое значение.

Оно показывает, что бешеная ненависть активных сил эмиграции к советской власти ни на секунду не утихала и продолжает возрастать. Верный классовый инстинкт неискушенных в политических маневрах черносотенцев (к их числу принадлежит Врангель) заставляет их говорить прямо, что господство большевизма есть господство пролетарского Интернационала, и что буржуазная Европа должна дать решительный бой Интер

националу. Последние события в международной политике приводят в трепет профессиональных убийц рабочего класса, заставляют их из'являть свою готовность приняться за дело по первому приказанию, заставляют их в то же время показать, что вне помощи иностранной буржуазии для русской белогвардейщины нет надежд на победу.

Все это, несомненно, учтет советский читатель. Он учтет также и то, что «оратор черносотенцев» Врангель, быть может, помимо своей воли проговорился, не смог скрыть, что ему очень помешали европейские рабочие массы, «зачарованные успехами своих русских товарищей». Это невольное признание чрезвычайно ценно и знаменательно. Наступательный блок мировой буржуазии и русской белогвардейщины наткнется на сопротивление революционного блока всего мирового пролетариата.

Силы истории на стороне этого последнего блока.

В. Астров.

Ответы на некоторые вопросы читателей.

В редакцию «Большевика» очень часто поступают вопросы товарищей-читателей с просьбой ответить на страницах журнала, раз'яснив тот или иной теоретически неясный пункт. Здесь мы попытаемся, выделив из таких вопросов некоторые, относящиеся, главным образом, к роли крестьянства и к буржуазно-демократической революции, дать на них краткий ответ.

1. Тов. Безбабичев из Орловской губернии спрашивает нас по поводу статьи Ф. Энгельса «Из Парижа в Берн», помещенной в № 5 журнала «Под Знаменем Марксизма».—«В этой статье,—пишет товарищ,—Энгельс, характеризуя роль французского крестьянина, идущего против революционного Парижа, вдается в обсуждение причин отхода крестьян от революции. Одной из основных, но все же не изменяющих положения в корне причин, он считает ошибку временного правительства, повышением земельного налога задевшего интересы мелкого землевладельца. Основным же Энгельс считает жизненные условия, социальное положение мелкого землевладельца, неизбежно толкающие его к отходу от пролетарского движения. Энгельс здесь буквально говорит следующее: «Но если бы оно (временное правительство) даже привлекло крестьян на сторону революции на несколько месяцев, потом они все равно отошли бы от него. Теперешнее отношение крестьян к революции 1848 года не является следствием каких-либо ошибок или случайных промахов—оно естественно, оно коренится в жизненных условиях, в социальном положении мелкого землевладельца. Прежде чем французский пролетариат может осуществить свои требования, ему придется подавить всеобщую крестьянскую войну»...

«Вот это место в статье Энгельса вызывает у меня недоумение своим сходством в оценке крестьянства, как класса, во взаимоотношении с победившим пролетариатом, с известной оценкой того же тов. Троцким в его предисловии к 1905 году. В чем здесь суть—или замечание Энгельса относится только к французскому крестьянству эпохи 48 года, или они являются случайными, вылившимися в период формирования взглядов Энгельса, как творца марксизма, или они правильны и правильно их сходство с предисловием Троцкого? На этот вопрос я бы хотел получить ответ».

Замечание Энгельса может быть правильно понято только в связи с общими историческими условиями французской революции 1848 года. Эта революция по своим об'ективным задачам еще не была социалистической, она была революцией буржуазно-

демократической. Европейский капитализм в середине прошлого века далеко не исчерпал исторических возможностей своего развития так, как он исчерпал их в наше время. Даже в случае победы пролетариата в Париже, даже в том случае, если бы правильной политикой парижский пролетариат сумел колебнуть на свою сторону французское крестьянство, это колебание было бы временным и преходящим, потому что у парижского пролетариата не было бы в руках современных нам экономических промышленных высот, при помощи которых он мог бы экономически закрепить союз с крестьянством против буржуазии и преодолеть капиталистические тенденции во французском крестьянстве.

Не только у Энгельса по отношению к 48 году, но и у Ленина по отношению к революции 1905 года мы находим утверждение, что в случае победы пролетариата в те времена и в случае проведения им *социалистических* мероприятий, расхождение его с крестьянством в дальнейшем было бы неизбежным (см. его речь на Стокгольмском с'езде партии). Россия 1905 года стояла на более высокой ступени индустриального развития, чем Франция прошлого века. Ее экономика, кроме того, была связана с финансовым капиталом других более могущественных стран и потому перспектива успешного перехода к социализму в ней была и она зависела от международной обстановки. Поэтому-то Ленин и связывал в 1905 году возможную перспективу перерастания нашей революции в социалистическую с развитием *международной* революции и с победой пролетариата в Западной Европе.

Поскольку международные условия 1905 года не были условиями непосредственного кануна международной революции, поскольку европейский капитализм тогда не вступил еще в эпоху войны, а находился еще в «органическом» периоде «мирного расцвета»,—постольку русская революция, в случае победы, достигнутой своими внутренними силами, стояла бы перед вполне вероятной перспективой подавления ее западным империализмом. Это подавление было бы неизбежным в том случае, если бы пролетариат не ограничился демократической революцией и сделал шаги к социализму. В таких условиях страна в конечном счете пошла бы по пути капиталистического развития, и крестьянство неизбежно отошло бы от пролетариата. Точно так же отход крестьянства от пролетариата был бы неизбежен и в том случае, если бы революция имела успех, как демократическая, без перерастания в социалистическую, и в этом случае страна (и крестьянство) пошла бы по пути капиталистического («американского») развития.

Революция в 1917 г. у нас произошла уже в сильно изменившихся по сравнению с 1905 г. условиях. С одной стороны, внутри страны дозрел и перешел в высшую фазу своего развития русский капитализм (именно на период после 1905 года падает сильное развитие в России трестов, сращивания банков с промышленностью и других типичных для финансовых капиталов форм). Российский империализм быстрым темпом «догонял» опередившие его страны старого капитализма в Европе и тем самым укреплял в своей стране об'ективные экономические предпосылки для ее независимости от европейского капитализма. Но еще более важную роль сыграла мировая война, которая, с одной стороны, *толкнула* *крестьянство к пролетариату*, оказавшемуся единственно способным прорвать круг империалистической войны и вывести крестьянство к миру, и которая, с другой стороны, сделала *невозможным* об'единение империалистических гигантов для *непосредственного* подавления силами их армий русской революции. В таких условиях для нашего пролетариата оказалось вполне возможным проделать в союзе с крестьянством не только буржуазно-демократическую, но и социалистическую революцию, отразив в тягчайших условиях натиск иностранной интервенции, опиравшейся, главным образом, на силы русских белогвардейцев и на колебания части крестьянства там, где это крестьянство еще не испытало белогвардейской власти. Наш пролетариат смог при помощи социализированных промышленных высот повести за собой крестьянство по пути экономического строительства социализма, историческим опытом доказав, что препятствие к участию крестьян в социалистическом преобразовании лежат не столько в природе крестьянского хозяйства, сколько в *совокупности* «жизненных условий», определяющих социальное положение крестьянина и не позволявших пролетариату до сих пор в других капиталистических странах овладеть властью, крупной промышленностью, банками и т. п.

Вообще, отношения крестьянства к пролетариату на различных этапах исторического развития различны. Чтобы понять эти отношения совершенно недостаточно исследовать «природу» крестьянина, как мелкого собственника, с одной стороны, как трудящегося—с другой; надо еще исследовать все те условия, в которые он поставлен данным этапом истории. Без победоносного развития социалистического строительства в городе, обладающем развитой промышленностью, пролетариат не может повести за собой крестьянство по пути к социализму. А такое победоносное развитие социалистической революции в городе в одной стране, являвшейся зависимой от других более крупных капиталистических стран, стало возможным лишь в эпоху *краха капитализма*, когда крупнейшие империалистические страны, несмотря на гигантский рост их экономического могущества (и несмотря на то, что международной буржуазии удалось сохранить свою власть в период войны и послевоенной революции), в сильнейшей степени раздираются *противоречиями*, которых они разрешить не в силах: противоречия между гигантами-империалистами из-за колоний, противоречия между колониями и метрополиями, обостренные противоречия между пролетариатом и буржуазией в каждой стране.

Нельзя не заметить сверх того, что если наличие этих противоречий в капиталистическом мире дало российскому пролетариату возможность *впервые* успешно провести социалистическую революцию в союзе с крестьянством, то развитие социалистических революций в других странах после этого уже дополнительно облегчается одним новым фактором—наличием социалистического государства СССР, доставляющего новую серьезную заботу эксплоататорам всего мира. При этом как раз именно разрешение вопроса о союзе рабочего класса с крестьянством в СССР наилучшим образом агитирует за социалистическую революцию во всем мире, ибо вопрос, на котором спотыкаются оппортунисты всех стран, есть вопрос о возможности вовлечения крестьянства в социалистическую революцию даже в тех странах, где пролетариат составляет меньшинство населения.

Ни Энгельс, ни Маркс, ни Ленин никогда не отрицали возможности для пролетариата в тесном союзе с крестьянством строить социализм. Им была чужда мысль о непримиримости интересов рабочих и крестьян в социалистической революции, чуждо представление о мелком крестьянине, который, якобы, по «природе» не примиряется с социалистическим преобразованием, при каких бы то ни было условиях. Все учителя социализма полагали, что преобразование мелкого крестьянства под воздействием социалистического пролетариата *возможно*, но, разумеется, только при *определенных* исторических условиях, о которых мы бегло уже сказали.

2. Второй вопрос, на который мы хотим здесь ответить, нам задает тов. К. Буртовой с Украины. Этот вопрос гласит: «Настоящая революция в Китае есть революция национально-освободительная *или* буржуазно-демократическая?» При этом из содержания письма видно, что, кроме того, автора письма смущает то обстоятельство, что мы говорим о тенденции к перерастанию китайской революции в социалистическую.

Противопоставление, которое делает т. Буртовой, неправильно. Национально-освободительное движение всегда начинается, как буржуазно-демократическое движение. В нем участвуют различные классы, они преследуют различные цели, но об'единяются на общей задаче борьбы против национального гнета, в данном случае гнета империалистического прежде всего. В дальнейшем ходе развития национально-освободительного движения развиваются классовые противоречия внутри единого общенационального фронта. Прежде всего отпадает от этого фронта национальная буржуазия. В Китае, как мы видели, она сперва боролась против империализма и выдвигала своих генералов для руководства национальной армией, борющейся с феодалами и империалистами, а затем стала контрреволюционной, обратив свои армии на борьбу с рабоче-крестьянским движением и все более и более склоняясь к прямой сделке с феодалами и империалистами.

На настоящем этапе китайской революции рабочие и крестьяне борются против китайской буржуазии, показавшей свою неспособность довести дело борьбы с иноземным империализмом и отечественным феодализмом до конца. Движение рабочих и крестьян, представляющее на данном этапе подлинное национально-освободительное движение, еще не является социалистической революцией, поскольку главной задачей внутри Китая еще остается разгром помещиков, джентри и других агентов феодализма и империализма одновременно с изгнанием империалистов из Китая. Борьба с буржуазией еще не ведется под лозунгом конфискации предприятий китайской буржуазии или под лозунгом диктатуры пролетариата.

Движение Ие-Тина и Хо-Луна, например, обрекло бы себя на бесславную гибель, если бы оно не провело немедленно на занятой им территории решительного аграрного преобразования— конфискации всех помещичьих земель и передачи их крестьянам, полного уничтожения всех феодальных привилегий и т. д. Но непосредственно социалистических задач—в виде конфискации капиталистических предприятий и диктатуры пролетариата—это движение пока еще перед собой не ставит. Движение находится все еще на буржуазно-демократическом этапе национальной революции. Но в дальнейшем ясно вырисовываются перспективы *перерастания* этого буржуазно-демократического движения в социалистическую революцию. *Не переставая* быть национально-освободительной, китайская революция *будет становиться* и социалистической революцией. Разрешая внутри Китая буржуазно-демократические задачи, эта революция вместе с тем начнет и разрешение социалистических задач.

Таким образом, в национально-освободительной революции есть частный вид буржуазно-демократической революции, своеобразие которого состоит в национально-освободительной борьбе против иноземного *империалистического гнета*. Из этого своеобразия вытекают такие главные особенности национальной революции: ее мощный *общенациональный* размах, *участие* национальной буржуазии в общереволюционном фронте на первом этапе революции, *большие* шансы на перерастание в социалистическую революцию после того, как буржуазия отшатнулась, ибо борьба против иноземного *капитала* легко перерастает в борьбу против *капитала* туземного.

Национальная революция может итти и по такому пути, как, например, в Турции, где рабоче-крестьянское движение оказалось слабым, чтобы суметь в соответствующий момент вырвать гегемонию из рук буржуазии, и революция остановилась на буржуазном этапе сделки между национальной буржуазией и иностранным империализмом. Такой временный исход, вообще говоря, не исключен и в Китае, но эта сделка с империализмом ни коим образом не знаменует исчерпания задач и возможностей национальной революции. Революция на ней останавливается, но *не заканчивается*. Это лишь отсрочка решающего удара революции. Впереди остается в таком случае перспектива нового под'ема революции, в который рабочие и крестьяне вступят, уже освободившись от иллюзий в последовательно-революционном характере буржуазии. Тем скорее, в случае второго под'ема, произойдет перерастание национальной революции в социалистическую.

3. В связи с предыдущим вопросом, мы коснемся еще одного письма (нарушив правило не отвечать анонимным авторам). Товарищ, почему-то не подписавшийся под письмом, спрашивает нас, почему в ходе китайской революции возникла организация гоминдан, но до сих пор не возникли советы рабочих и крестьянских депутатов?

Советы являются определенной формой государственной власти точно так же, как и гоминдан явился в Китае формой такой власти. Форма государственной власти в ходе революции вырастает не случайно, а базируется на существующих в стране классовых отношениях. Советы в России в 1905 и 1917 гг., а также и в ряде государств Западной Европы в 1918—20 гг. возникали в условиях, когда буржуазия уже являлась контрреволюционным классом, неспособным принимать участие в едином революционном фронте классов, борющихся под знаменем революции. И царская Россия, и Западная Европа дают нам образцы стран империализма, угнетающих колонии и национальные меньшинства. Поэтому буржуазный класс в них не был революционен ни в демократической революции 1905 года, ни в Европе. В Китае же национальный гнет иноземного империализма до известной степени сплачивал различные классы, затушевывал классовые противоречия и на первых порах антиимпериалистический фронт включал буржуазию. Отсюда и возникла организация гоминдан.

в которую входили буржуазия, крестьянство и рабочие, как организация антиимпериалистической власти. Эта организация в ее первоначальном виде изжила себя, как форма революционной власти, с тех пор, как буржуазия, руководящая ею, сошла с пути антиимпериалистической борьбы, и с тех пор, как *анти*-буржуазный гоминдан не создался. Поэтому сейчас, при начале нового под'ема революции, руководство движением перешло непосредственно в руки компартии, и должны возникнуть, как форма новой революционной власти, организации рабочих и крестьян—*советы*.

4. Следующий вопрос. Тов. Ф. Бабайкин из Кириллова, Череповецкой губ., спрашивает нас: «Советская власть, как форма выражения диктатуры пролетариата, является ли обязательной для всех государств, в которых пройдет пролетарская революция, или же, если она не обязательна, то во что может вылиться диктатура пролетариата?»

Советская власть является, безусловно, главнейшей и основной формой диктатуры пролетариата потому, что при ней от дела организации власти совершенно устраняется буржуазия и другие эксплоататорские элементы—с одной стороны, а привлекается крестьянство—с другой. Но могут быть отдельные исключения, когда пролетариат не находит нужным, проводя свою диктатуру, совершенно лишать политических прав буржуазию, устраняя ее, однако, от дела организации власти. Исторически таким примером может служить Дальне-Восточная Республика, где вплоть до 1922 г. диктатура пролетариата существовала в форме «учредилки», т.-е. при всеобщем избирательном праве: партии эсэров и кадетов могли выступать на выборах со своими списками, но в руководящие органы правительства они не допускались. В данном случае это было вызвано главным образом международно-дипломатическими соображениями. Не исключена возможность повторения таких примеров в отдельных случаях.

Кроме того, надо сказать, что в таких странах, как, например, Англия, где крестьянство составляет незначительное меньшинство населения, возможно, что диктатура пролетариата на первых порах будет существовать в форме профессиональных организаций или рабочих советов, а впоследствии привлечет к делу организации власти и остальные слои трудящегося населения.

5. В заключение ответим еще на один вопрос тов. Ф. Нургалеева: «Является ли наша нынешняя кооперация разновидностью «предприятий последовательно-социалистического типа?»

Товарищ приводит следующую цитату из ленинской статьи о кооперации: «При нашем существующем строе предприятия кооперативные отличаются от предприятий частнокапиталистических, как предприятия коллективные, но не отличаются от предприятий социалистических, *если они основаны на земле при средствах производства, принадлежащих государству, т.-е. рабочему классу»*... и т. д.

Тов. Нургалеев говорит по этому поводу: «Имеется ли здесь в виду кооперация в настоящей стадии развития, когда типичной формой кооперативных организаций является об'единение на почве сбыта и когда кооперированные крестьяне сохраняют частную собственность на средства производства, или же здесь имеется в виду следующая ступенька в развитии кооперации, когда типичными для кооперативных форм будут являться об'единения на почве производства, на основе национализированной земли и коллективных средств производства?»

Разумеется, кооперация мелких производителей с целью сбыта при сохранении средств производства в их частной собственности не является «предприятием последовательно-социалистическим». Товарищ совершенно прав, когда говорит о том, что кооперация будет являться последовательно-социалистической, вполне социалистической формой лишь «на следующей ступеньке». Однако, ответ, как же определить нынешнюю кооперацию, тов. Нургалеев нащупывает неправильно, когда он в форме вопроса косвенно отвечает на свой вопрос: «не переживает ли кооперация переходную форму от госкапиталистического типа последовательно к социалистическому типу предприятий»?

Нынешняя кооперация является, конечно, *переходным* к социализму типом предприятий, но «переход» этот происходит не от госкапиталистического типа, а *от мелкокрестьянского* производства. Когда партия решала вопрос о характере кооперации и велись споры с оппозицией по этому поводу, то партия не отрицала *переходного* характера кооперации в наших условиях. Но ошибка оппозиции состояла в том, что она зачисляла в госкапитализм мелкое крестьянское хозяйство на том «основании», что между крестьянским хозяйством существует товарная связь. Отсюда и кооперация определялась оппозицией, как форма госкапитализма. Между тем, когда Ленин в 1921 г. говорил о кооперации, как о форме госкапитализма, он исходил из совершенно иных оснований. Он не зачислял мелкое трудовое хозяйство крестьян в госкапитализм. Он имел в виду то обстоятельство, что по первоначальным намерениям советского правительства *в городе* должен был получить значительное место и влияние государственный капитализм, а также и капитализм частный. А так как город ведет за собой деревню, то в таких условиях в кооперации в значительной мере развивались бы капиталистические отношения, которые, при условии контроля над кооперацией со стороны нашего государства, делали бы кооперацию видом государственного капитализма. Уже в 1923 г., когда стало ясно, что социалистические элементы в городе стали брать явный верх над элементами госкапитализма и частного капитализма, Ленин определил роль нашей кооперации не как переходной формы от мелкого крестьянского хозяйства к госкапитализму, а как роль приводного ремня от мелкого хозяйства *к социалистическому* хозяйству, подчеркнув в статье о кооперации социалистический характер последней в новых условиях.

И здесь, как и в начале наших ответов, приходится по другому поводу подчеркнуть то же самое положение: когда мы говорим об участии крестьян в строительстве социализма, то роль крестьянства должна нами определяться не абстрактным путем на основании одних общих рассуждений о социальной природе крестьянства вообще, но с учетом всей той исторической обстановки, в которую поставлено крестьянство на данном этапе революции, с учетом характера *этого «города», который в данном случае ведет за собой деревню.*

Ответом на эти вопросы мы пока ограничиваемся, оставляя за собой право в одном из следующих номеров еще вернуться к вопросам читателей.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

Э. Дейчман.

Проблема, заслуживающая внимания.

Проблеме алкоголизма нашей партией не уделяется того внимания, какое она заслуживает.

Подавляющее большинство членов нашей партии не имеет должного представления об алкоголизме, как социальном бедствии. Очень часто, когда тот или иной товарищ затрагивает алкогольный вопрос на парт. собрании, слушатели склонны реагировать добродушной улыбкой и репликой «мы — не монахи». Недостаточно внимательное отношение к алкогольному вопросу со стороны некоторых руководящих партийных организаций приводит иногда к тому, что партийная пресса используется для пропаганды пользы (!!) и способа изготовления некоторых спиртных напитков. В органе Центрального Комитета Коммунистической партии большевиков Украины находит себе место (целый подвал в 1/2 газетной страницы) статья «Як самому робити вино з яблук та груш», в которой пропагандируются такие вещи:

«Вино из фруктов прекрасно па вкус, очень полезно для здоровья человека... А как продукт, оно значительно лучше пива, вкусно и может иметь крепость в 6—14 градусов» [1]).

Развитие алкоголизма и его последствий в нашей республике за последние годы принимает такие размеры, что требуется привлечение внимания каждого члена партии и всей партии в целом к этому участку фронта.

Как развивается потребление спиртных напитков у нас?

Потреблено водки было по годам следующее (в млн. ведер):

1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
0,8	4,1	20,5	31,5

Пива (в млн. вед.):

1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
8	17,2	20,6	31	32

Мы имеем бурное нарастание потребления спиртных напитков из года в год.

Если проследить по рабочим бюджетам расход на спиртные напитки, то мы имеем аналогичную картину.

Расход на спиртные напитки занимал в общем бюджете следующую долю в %:

[1]) Газета «Радянське село», № 183, гор. Харьков.

У московских рабочих			У харьковских рабочих		
1923 г.	1924 г.	1925 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
0,9%	1,5%	4,2%	0,9%	1,7%	2,4%

Донбасс.

1924 г.—0,8% 1925 г.—2,5% 1926 г.—3,1%

И здесь мы видим резкое нарастание трат рабочих на спиртные напитки. Рабочий тратит из своего бюджета на спиртные напитки в 2 раза больше, чем на жилищное строительство, и в 5—7 раз больше, чем на развлечения (Урал, Донбасс).

Нарастание разрушающего действия спиртных напитков на здоровье населения мы имеем во многих областях. Мы считаем возможным приводить только такие данные, зависимость которых от потребления спиртных напитков очевидна и не вызывает никаких сомнений. Мы имеем прежде всего бурное нарастание поступления больных с алкогольными психозами в психиатрические лечебные заведения.

Так, по РСФСР поступление больных с алкогольными психозами был след.:

	единичные случаи	В % к общ. числу больн поступив. в психиатр. леч.
1916—20 г.		
1923 г.	1319	2,4
1924 г.	1657	5,5
1925 г.	3562	7,2

По городу Москве число больных с алкогольными психозами и хроническим алкоголизмом, поступивших в психиатрические больницы, возросло с 25 в 1921 году до 1279 в 1926 г. Процент больных на почве алкоголизма по отношению ко всем поступившим в психпатр. б-цы по годам был след.:

1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
2,2	2,4	4,6	6,0	9,9	25

Насчет умерших от алкоголизма, мы, к сожалению, не располагаем статистическими данными для всего Союза, так как у нас вообще отсутствует статистика причин смертности. Мы имеем эти данные только для отдельных городов. Приведем данные для Москвы и Ленинграда.

Умерло от алкоголизма (абсолютн. числа).

	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Ленинград	18	32	85	167
Москва	16	23	86	144
На 100 тыс. населения приходится в Ленинграде смертных случаев от алкоголизма	1,7	2,7	6,4	10,9

За 4 года смертность от алкоголизма увеличилась в Ленинграде в 6 раз.

В отношении количества алкоголиков мы располагаем данными только по гор. Москве.

В наркодиспансеры гор. Москвы обратилось за помощью:

		Посещений сделано ими
В 1924 г.	2162 алкоголика	10.142
» 1925 г.	5352 »	54.000
» 1926 г.	8971 »	75.000

За 3 года мы имеем только в Москве зарегистрированную армию в 16 тысяч алкоголиков, находящихся уже во власти алкоголя и неспособных избавиться от разрушающего его действия, несмотря на полное сознание гибельного действия алкоголя на их организм и страстное желание избавиться от болезни. «Посадите в тюрьму, сделайте, что хотите со мной, только вылечите» — таково типичное обращение алкоголика. Огромное большинство алкоголиков (85—90%)—это рабочие и члены их семейств.

Еще одно явление, свидетельствующее о нарастании алкоголизма—это количество лиц, задержанных милицией на улице в пьяном виде. Мы опять-таки располагаем данными только для отдельных городов, в том числе для Ленинграда и Москвы.

Правда, и в довоенное время по числу арестованных за пьянство Петербург превосходил столицы других стран.

Один задержанный (в год) в пьяном виде приходился на число жителей:

В Петербурге	Берлине	Вене	Париже
на 25 жит.	369	1.220	17.000

За последние годы задержано в пьяном виде в Ленинграде.

В 1923 г.	В 1924 г.	В 1925 г.
2.088	11.000	21.000

А профессор Бехтерев в № 82 «Известий ЦИК» сообщает, что число задержанных в пьяном виде достигло в 1926 году 95 тыс.

В Москве за 1926 год составлено 50 тыс. протоколов на лиц, задержанных в пьяном виде на улицах. Как заявляют во всех вытрезвителях, число протоколов равно приблизительно ½ задержанных. Протоколы составляются только на тех задержанных, с кого можно получить 3-рублевый штраф. Таким образом, и в Москве количество задержанных в пьяном виде на улицах дошло до 100 тысяч в 1926 году.

Задерживаются только лица, нарушающие общественный порядок или неспособные самостоятельно двигаться.

И тут опять огромное число (80%) падает на рабочих. К стыду нашему, довольно нередко попадаются партийцы. Так, в Баку из общего числа задержанных в пьяном виде 20,7% падает на партийцев.

Как только начинается вечер, район милиции заваливается пьяными. Напрасно вы стали бы в это время обращаться в милицию с заявлениями о кражах или других делах: все заняты пьяными буянами, которых надо допросить, составить протокол, водворить в вытрезвитель или «холодную» и стеречь его.

Нечего говорить уж о том, что наши вытрезвители совершенно не приспособлены для своих функций, что значительная

часть задержанных, переночевавших в «холодной», потом попадает в больницу с тем или иным простудным заболеванием. Хочется или не хочется, а надо ставить вопрос о постройке в городах вытрезвителей.

Не желая выставить сколько-нибудь спорных моментов, мы не приводим данных, касающихся влияния алкоголизма на заболеваемость туберкулезом, венеризмом, на повышение смертности и рост преступности, так как эту область нельзя считать разработанной безупречно.

Мы полагаем, что социальная патология алкоголизма, (т.-е. влияние на здоровье населения) достаточно характеризуется и теми цифровыми данными, которые мы выше привели.

Каково влияние алкоголизма на наше народное хозяйство?

Уже в настоящем году трата населения на спиртные напитки (водку, пиво и вино), не считая самогона, составляет около 850 миллионов рублей. Учтя, что половина этой суммы поступает в виде акцизов в бюджет Союза, все же остается еще огромная сумма около 400 милл. рублей, затрачиваемых нами на потребление разрушающих общественный организм спиртных напитков.

Другая сторона влияния алкоголизма на народное хозяйство— это прогулы и понижение производительности труда, как следствие потребления спиртных напитков. Мы, к сожалению, в этой области не располагаем хорошо разработанными данными.

Но и отчетные данные с мест дали, повидимому, основание «Экономической Жизни» в передовице от 19 мая 1926 года выставить следующее положение: «Но настоящим бичом производства являются прогулы по уважительным и особенно по неуважительным причинам, связанные с развитием пьянства. Помимо того, что рост прогулов непосредственно влияет на сокращение производительности труда; помимо того, что пьянство влияет на рост брака, прогулы и пьянство вносят еще дезорганизацию в самый ход производства, ибо вызывают простои целых цехов из-за неполадок и задержек в подготовительных отделениях».

НК РКИ Украины произвел в ноябре 1925 года обследование крупных заводов гор. Харькова в целях выявления влияния выпуска 40-градусной на прогулы и производительность труда. Обследование обнаружило на крупном заводе ВЭК увеличение прогулов на 50% и понижение производительности труда после праздничных дней на 5—15% в токарных цехах и 20—25% в литейных цехах в сравнении с месяцем до выпуска 40-градусной.

Конечно, такие огромные цифры говорят вместе с тем о том, что обследование было поставлено примитивно. Надо было исключить и другие моменты, кроме водки, повлиявшие на рост прогулов и понижение производительности труда. Но, к сожалению, мы реагируем только на такие явления и на такие цифры, которые бьют своей колоссальностью. Между тем и значительно меньшие цифры понижения производительности труда являются бичом народного хозяйства.

В конце 1914 года, через полгода после запрещения продажи спиртных напитков в России, Вольно-экономическое общество предприняло большое обследование в целях выявления влияния запрещения продажи спиртных напитков на производительность труда и на прогулы в промышленности. Обследованием

было охвачено 172 предприятия в Московском Промышленном районе с числом рабочих 214.615.

Материалы этого обследования были опубликованы в сборнике под редакцией Кубацкого. Материалы были тщательно разработаны и освещены. Самые скромные подсчеты позволяют притти к несомненному выводу, что в результате запрещения продажи спиртных напитков производительность труда увеличилась минимум на 0,89%. Это при условии, что от 15 до 18% рабочих было мобилизовано и за короткий промежуток времени влилось 6% новых рабочих.

Что означает такая скромная цифра 0,89% для нашего хозяйства? Для одной только промышленности нашей настоящего года это означает потерю в 126 милл. руб.

В отношении прогулов по неуважительным причинам мы имеем увеличение на каждого рабочего в 1926 г. на 2,2 дня против 1924 и 1925 г. Для 11-миллионной армии рабочих и служащих это означает потерю 24 милл. рабочих дней, в большей части, несомненно, вызванную алкоголизмом.

Подсчетом потери народного хозяйства от алкоголизма занимались экономисты в разных странах. Мы не должны на веру принимать все подсчеты буржуазных экономистов. Мы должны отнестись к ним критически. Все же известную ориентировку они могут дать.

Французские экономисты подсчитали, что при доходе Франции от спиртных напитков (акцизы и налоги) в сумме около 300 милл. франков, убыток государства от алкоголизма выражается в сумме около 1½ миллиарда франков.

Подсчеты статистиков и экономистов Соед. Штатов Америки показали, что Соед. Штаты терпят убытка от алкоголизма в размере полмиллиарда долларов в год.

Было бы полезно и нашим экономистам, статистикам и социальным гигиенистам заняться подсчетом дебета и кредита алкоголя. Мы считаем еще необходимым напомнить о том большом вреде, который приносит нашей партии, так называемая пьянка среди коммунистов. Значительная часть всех проступков среди членов партии за последние годы падает на пьянство. Очень хорошо эта сторона освещена в статье тов. Ярославского «Можно ли коммунисту пьянствовать» и других его статьях; повторять этих данных мы здесь не будем.

Для чего мы приводим все эти данные о вредном влиянии алкоголизма на здоровье населения и народное хозяйство? Не предлагаем ли мы вывод: запретить продажу спиртных напитков? Нет, мы к сожалению, сейчас этого предложить не можем. Запрещение не привело к трезвости у нас. Запретительная система отменена в настоящем году в Норвегии и переживает кризис в Соединенных Штатах Америки.

Трудно в короткий срок без огромной подготовительной работы и при отсутствии необходимых предпосылок уничтожить то, что веками насаждалось и прививалось населению.

Но что нужно повести у нас гигантскую борьбу с алкоголизмом, бить его на всех участках—это должно стать ясным каждому партийцу.

Мы должны со всей категоричностью заявить, что мы не ведем той борьбы с алкоголизмом, которую мы должны вести в условиях строительства социализма.

Мы не даем должного отпора извращениям, имеющим место в этой области.

Возьмем для примера наши кооперативные столовые. У них очень важные задачи: раскрепостить женщину, дать населению по сравнительно дешевой цене питание, построенное на научных основаниях. А что мы имеем сейчас? Сказать про них словами Ленина «а торгуют сейчас по-азиатски»—будет оскорбительно для азиатов. Торгуют наши кооперативные столовые по-варварски. Недавно опубликованы результаты обследования общественных столовых на Украине. Мы здесь не можем привести данных, касающихся санитарного состояния столовых, качества и цены обедов. В данном случае нас интересует вопрос о распространении спиртных напитков через общественные и кооперативные столовые.

Всего обследовано было 186 столовых. В этих общественных столовых за день выпивается 875 ведер пива и 23 ведра водки, что дает в среднем на 1 столовую 112 бут. пива, при средней посещаемости в 236 чел. и 15,3 бут. водки при средней посещаемости 147 чел.

Любопытно, что спиртные напитки отпускаются в 83% всех столовых, а вода простая для питья имеется только в 78,5%, а чай и искусственные воды—в 81%.

На всеукраинском совещании горняков 29 апреля с/г. было констатировано: «Качество обедов, отпускаемых столовыми Укрнарпита и кооперации, чрезвычайно скверно. Многие столовые по существу являются пивными, так Горловская столовая на 1700 обедов отпустила 1.500 ведер пива, а на Брянском руднике кооперация отказалась открыть столовую, так как нельзя было найти достаточно вместительного подвала для хранения пива».

Надо партийной рукой ударить по такому строю варварских кооператоров и принять все меры к созданию строя трезвых и цивилизованных кооператоров.

Есть вопрос, который должен сейчас привлечь наше особенное внимание, по поводу которого мы должны забить тревогу,—это вопрос о «перспективах развертывания спиртной промышленности в СССР».

В опубликованной Госпланом СССР книге, под названием «Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1927/28—1930/31 гг.» наряду с перспективой развития всего хозяйства дана перспектива развития винокуренной промышленности.

Авторы «Перспективы» указывают в предисловии, что их задачей было строить не путем простой экстраполяции от прошлого, «так как таким способом не построишь нового общественного строя», и дальше: «мы вступаем в новую полосу развития, когда между нашим прошлым и будущим властно вклинивается творческая воля революционного пролетариата».

Когда-же переходишь к плану развития винокуренной промышленности, то приходится предположить, что приведенные выше положения были составителями этого раздела игнорированы или забыты.

Мы находим всего лишь 3 строчки для об'яснения плана развития винокуренной промышленности: «Винокуренная и спиртоводочная промышленность развертывается в соответствии с на-

меченным планом реализации водочных изделий, так как расширение технического применения спирта за этот период не может быть значительно» (стр. 122). Иначе говоря,—готовим столько, сколько можно продать и сколько выпьют. Творческая воля революционного пролетариата не вклинивается там, где, казалось бы, эта воля особенно энергично должна вмешаться.

В результате такого пассивного отношения к этому участку народного хозяйства мы получаем довольно неприятную «перспективу». Динамика валовой продукции винокуренной и спиртоводочной промышленности представлена Госпланом в следующем виде:

По заводскому учету, по ценам лоно-фабрика, без акциза.
(В миллионах руб.).

В каком исчислении	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	За пятилетие прирост в %%
Довоенных руб. . .	140,5	180,0	216,0	250,0	280,0	192,6
Червонных руб. . .	261,5	321,0	371,5	413,0	434,0	138,5

Итак, за пять лет будет заготовлено на наших заводах водки на 1.800 млн. руб. по заводским ценам без акциза. За пять лет валовая продукция водки в червонных рублях увеличится на 138,5%, в то время как вся валовая продукция отраслей госпромышленности, производящих предметы широкого потребления, даст прирост за пять лет 37,9%, а свекло-сахарная промышленность за то же пятилетие даст прирост в черв. рублях в 24,3%.

Продукция 40-градусной водки рисуется перспективным планом Госплана в след. виде (в млн. ведер):

Продукция алкогольных напитков	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.
Спирт 40°	7,8	32,8	36,0	46,0	62,0	73,0	84,0
Из него хлебного вина . . .	4,1	20,5	31,5	38,0	48,0	58,0	68,0
На душу населения в бутылках водки	0,6	2,9	4,3	5,1	6,5	8,0	9,5

В результате такой планировки удельный вес винокуренной промышленности в общей группе предметов широкого потребления поднимается с 3,24% до 5,7% в то время, как удельный вес сахарной промышленности снижается с 8,41% до 7,45%, чайной с 1,32% до 0,94% и хлопчато-бумажной с 35,15% до 33,6%.

Пивоваренная промышленность, к сожалению, не выделена в таблицах Госплана, а включена в общую рубрику «прочие пищевые». Нам приходится, поэтому, воспользоваться данными

«пятилетней гипотезы пивоваренной промышленности» ВСНХ СССР.

Предполагаемая выварка пива рисуется в следующем виде:

Выварка пива	1928/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.
Млн. ведер пива	32	36	38	41	43,8
Душевое потребление пива в ведрах	0,22	0,24	0,25	0,26	0,28

Мы имеем и в пивоваренной промышленности постоянное нарастание продукции и душевого потребления.

Если взять теперь динамику развития *товарной* продукции отраслей госпромышленности, производящих предметы широкого потребления и сопоставить с динамикой развития водочной и пивоваренной промышленности, то получается следующая картина:

Товарная продукция госпр. в млн. руб. по ценам заводов.

Годы	Стоимость спиртных продуктов	Стоимость пива	Стоимость спиртных и пивных продуктов вместе	Стоимость тов. прод. предметов широкого потребления	%-ое отношение стоим. прод. пива и водки к стоимости прод. широкого потреб.
1925/26	160	37,4	197,4	4.510	4,3
1926/27	235	38,8	273,8	5.079	5,4
1927/28	291	36,5	327,5	5.510	5,9
1928/29	341	38,9	379,9	5.868	6,4
1929/30	381	42,5	423,5	6.152	5,9
1930/31	403	46,9	449,9	6.399	7,0

Мы видим, что удельный вес товарной продукции водки и пива в общей товарной продукции предметов широкого потребления с каждым годом увеличивается и доходит до 7% в 1930/31 г.

У нас, к сожалению, отсутствуют данные по виноделию. Вместе с продукцией вина удельный вес спиртных напитков был бы еще выше.

Небезынтересно сопоставить перспективу развития нового жилстроительства с перспективой развития спиртных напитков.

Жилищный вопрос является самым больным вопросом в нашем социалистическом строительстве. Адски тяжелые жилищные условия населения наших городов в последние годы продолжали ухудшаться.

Вместо голодной санитарной нормы в 16 кв. аршин жил. площади на 1 душу мы имеем:

1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
12,17 кв. арш.	11,31 кв. арш.	11,07 кв. арш.

Средняя жилая площадь с каждым годом уменьшается.

Сопоставим затраты населения на водку и пиво (без вина), по этикетным ценам в соответствии со сниженными ценами, предусмотренными Госпланом и ВСНХ, с затратами на новое жилищное строительство, намечаемыми по перспективному плану.

Затраты населения в милл. руб.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	Всего за 5 лет
На водку и пиво	767,4	845,0	956	1.101	1.258	4.927,4
На новое жилстроительство	325	394	457	524	590	2.290

Затраты населения на спиртные напитки в 2 с лишком раза больше, чем затраты на новое жилстроительство из всех источников.

Отбросим акциз, который составит приблизительно половину всех затрат на спиртные напитки, и все же получается, что спиртные напитки (без акциза) и не считая последствий потребления спиртных напитков, пожрут больше, чем жилищное строительство.

При этом варианте жилищного строительства средняя жилая площадь на 1 человека в кв. арш. представляется по годам в следующем виде:

1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31
12,17 кв. ар.	11,31	11,07	10,87	10,73	10,67	10,71

Мы имеем беспрерывное уменьшение средней жилой площади вплоть до 1929—30 г. В 1930—31 г. средняя площадь стабилизуется и все же остается на 12% ниже средней жилой площади 1924—25 г.

Когда сопоставляешь затраты на спиртные напитки с затратами на жилищное строительство, когда видишь перспективу резкого нарастания душевого потребления водки и пива и одновременное понижение средней жилплощади, то начинаешь сильно опасаться, не пошли ли мы в этой области как раз тем путем, который порицают сами составители «перспективного плана», не пошли ли мы «путем простой экстраполяции от прошлого, при помощи которого мы в лучшем случае продолжим это прошлое еще на пять или пятнадцать лет».

Что действительно порой применялся метод простой экстраполяции от прошлого можно видеть хотя бы из того, что Наркомзем Украины строит перспективный план развития хмеля, исходя из того положения, что за 7-летний период годовое потребление пива дойдет до нормы (!) 1910 года, т.-е. до 60 милл. ведер пива»[1].

Посадка хмеля намечена поэтому Наркомземом Украины в следующих размерах:

1925 г.	1.000 дес.	1929 г.	3.200 дес.
1926 »	1.500 »	1930 »	4.100 »
1927 »	2.000 »	1931 »	5.000 »
1928 »	2.600 »		

[1]) «Перспективный план по сельскому хозяйству Украины». Наркомзем УССР. 1925 г.

Ориентировка на довоенные «нормы» потребления спиртных напитков стала в последнее время прокрадываться в печать. Если работник Центроспирта выставляет положение «что алкогольная потребность в массе стабильна в своих размерах, т.-е. душевые нормы должны колебаться незначительно, а в 1925—26 г. приближаться к довоенным в соответствии с уровнем восстановления хозяйства»[1]), то тов. Фрумкин на страницах «Известий ЦИК» тоже ориентируется на довоенную «норму», хотя он гораздо скромнее тов. Д. Тов. Фрумкин пишет: «Учитывая годовую потребность населения в 75% довоенной, можно определить душевое потребление самогона сельским населением в 0,26 ведра»[2]).

Почему тов. Фрумкин считает необходимым ориентироваться на довоенную «норму», почему он «скромничает» и определяет потребности населения в 75% довоенных, этого он не считает нужным пояснить.

Составители «перспективного плана» не пошли по неправильному пути ориентировки на довоенные нормы в области потребления спиртных напитков, ими была взята ориентировка на душевые нормы последнего года. Так, на стр. 21 читаем следующие строки: «Мы, например, считаем недопустимым сколько-нибудь заметное расширение потребления водки против достигнутых уже стихийным развитием самогонного промысла масштабов. Поэтому программа винокурения рассчитана на предстоящее пятилетие лишь в том размере, какой необходим для замещения наличного потребления самогона».

Чрезвычайно важно, что составители перспективного плана считают недопустимым расширение потребления водки. В этой плоскости, повидимому, убеждать и спорить не приходится.

Центр тяжести надо поэтому перенести в другую плоскость: а каково теперешнее потребление спиртных напитков, вернее, каково «наличное» потребление самогона?

Составители перспективного плана, к сожалению, не сочли нужным пояснить, какое количество самогона они принимают за «наличное» и на основании каких источников.

Обратимся к источникам, из коих можно почерпнуть данные о наличном потреблении самогона. Первый источник — это данные анкеты Госспирта, произведенной в июле—августе 1923 года. Анкета охватила территорию с 42,5 милл. сельского населения. По данным этой анкеты производство и потребление самогона сельским населением нашего Союза было в 1923 году, до разрешения в продажу крепких напитков, 607,5 милл. градусов или 15,2 милл. ведер в переводе на 40°. У нас нет надобности и основания заподозрить Госспирт и его анкетеров в преуменьшении цифры самогонокурения.

Другой источник более позднего происхождения—это данные бюджетного обследования 10.000 крестьянских хозяйств, произведенного ЦСУ с 1/IV—24 года по 1/IV—1925 года.

По этим данным расход на спиртные напитки (водка, вино, пиво и самогон) составляет 78 коп. на душу в год. Как видно из этих же данных, трата на самогон в %% по отношению к общей сумме трат на все спиртные напитки, колеблется в за-

[1]) Д.—«Современное состояние самогоноварения».
[2]) Фрумкин.—«Борьба с самогоном».

висимости от местной цены на самогон, от 4,6% в Карелии, где бутылка самогона стоит 1 р. 70 к., до 94½% в Ульяновской губ., где бутылка самогона стоит 24 коп.

Из суммы душевой траты на спиртные напитки (78 коп.) трата на самогон в среднем на душу выражается в сумме около 50—60 коп. при средней стоимости бутылки самогона около 50 к. На душу сельского населения приходится, таким образом, за этот годовой период 1—1,2 бутылки самогона, а для 120.000.000 сельского населения это составит 6—6,24 милл. ведер самогона. Вот, примерно, цифра самогоннокурения, которая может служить для ориентировки.

Допустим, что после выпуска 40°, производство самогона не сократилось и что в 1926—27 г. самогонокурение дает такую же цифру, как и в 1924—25 году, тогда перспективный план должен быть построен таким образом, что душевое потребление должно быть в 1930—31 году *5,3—5,5* бутылок на душу населения (душевое потребление 40° в настоящем году равно 4,3 бут., а самогона 1—1,2 бут.). Между тем по перспективному плану в 1930—31 году душевое потребление водки дойдет до 9½ бут. на душу.

Для того, чтобы не превысить норму потребления настоящего года с учетом наличного потребления самогона, выпуск водки в 1930—31 году не должен превысить *40 мил. ведер*: соответственно 31 милл. ведер хлебного вина 1926—27 года, 6 милл. ведер самогона и 3 милл. ведер на прирост населения. Намеченная перспективным планом цифра в *68 мил. ведер* хлебного вина для 1930—31 года на 28 милл. больше той цифры, которая должна быть установлена для того, чтобы удержаться на теперешнем уровне потребления спиртных напитков.

Что составители перспективного плана далеко вышли за пределы теперешнего потребления спиртных напитков, можно видеть и из других подсчетов. На стр. 17 в таблице № 3 приведена перспективная «Структура расходного бюджета рабочей семьи в 1925—26 году—1930—31 г.». Из этой таблицы мы узнаем, что трата рабочей семьи на «напитки и наркотики» увеличивается с 7 р. 44 к. в 1925—26 г. до 12 р. 12 к. на душу в 1930—31 г. Из данных бюджетов рабочих мы можем почерпнуть сведения, что траты на табак, папиросы и спички из года в год меняются незначительно. Так, рабочая семья тратила в месяц в условных бюджетных рублях на наркотики, кроме спиртных напитков:

1923 г.	1924 г.	1925 г.
0,57	0,61	0,65

а % участия расходов на табак, папиросы и спички, обнаруживает даже тенденцию к понижению; так по годам этот % был

1923 г.	1924 г.	1925 г.
1,6%	1,4%	1,2%

Легко видеть, что по крайней мере 75% повышения трат на «напитки и наркотики» падает на спиртные напитки. В 1930—1931 году трата на «напитки и наркотики» увеличивается на душу на 4 р. 68 к. против 1925—26 г. Приняв, что 75% этой

суммы падает на спиртные напитки, мы получим увеличение трат на спиртные напитки в 3 р. 51 к. на душу, а на семью на 14 р. 39 к. Это при условии, что отпускные цены на водку будут снижены за этот период на 24—25%.

Как могла получиться такая «математика», что при установлении «недопустимости сколько-нибудь заметного расширения потребления водки против достигнутых уже стихийным развитием самогонного промысла масштабов», мы все же получаем повышение расходов на «напитки и наркотики» на 63% при повышении всего расходного бюджета на 37,6%? И эта таблица показывает, что составители «перспективного плана» вышли порядочно за пределы «достигнутых уже стихийным развитием самогонного промысла масштабов».

Укажем еще одну таблицу, которая еще раз подтвердит, насколько широко размахнулись составители «перспективного плана» в области винокуренной промышленности (таблица № 5, стр. 20). «Перспективы емкости рынка СССР на промышленные продукты широкого потребления» (при неизменных ценах). Из этой таблицы мы видим, что прирост норм в % за 5 лет для всех продуктов выразится в 46%, а для спиртных напитков 92%. Общая емкость спиртных напитков выразится по данным той же таблицы в 1930—31 году, при неизменных ценах, в сумме 335 милл. руб. Между тем, таблица № 7, на 64 стр., показывает товарную продукцию спиртоводочную на сумму 403,6 милл. по пониженным ценам. Мы получаем порядочное расхождение между емкостью рынка на спиртные напитки, устанавливаемой составителями перспективного плана, и товарной продукцией, намечаемой теми же составителями.

Значительное снижение акциза и отпускных цен на спиртные напитки, намеченное «перспективным планом», не может быть признано *рациональным*. Практика довоенная и последних лет показала, что *понижение* цен на спиртные напитки обязательно вызывает *повышение* потребления этих напитков. При намечаемом снижении индекса отпускных цен по товарной продукции за 5-летие на 16,8%, отпускные цены на водку и пиво снижаются на 23—25%; при этом акциз на пиво снижается на 30,4%.

Если в отношении акциза на водку допустимо осторожное снижение акциза и отпускных цен в целях борьбы с самогонокурением, то совершенно не рационально снижение акциза и отпускных цен на пиво и вино.

Есть еще одно чрезвычайно важное обстоятельство, которое заставляет с особенной настойчивостью требовать больше внимания алкогольному вопросу. Мы вступили в полосу военной опасности. Буржуазия в любой момент может навязать нам войну. Быть готовым к войне, это значит, помимо прочего, так строить свою промышленность и свой бюджет, чтобы война внесла по возможности меньше ломки и изменений в них. Что с началом войны мы должны будем запретить продажу спиртных напитков, это вряд ли кто станет оспаривать. Из промышленности и бюджета будет выхвачена миллиардная сумма, добыть которую иным путем мы не будем подготовлены.

В силу всех перечисленных в настоящей статье причин мы считаем, что *отступление на алкогольном фронте пора закончить*. В городах пора перейти в наступление. Не расширение потребления спиртных напитков в городах должны мы планиро-

вать, а стабилизацию и сокращение. Подлинная творческая воля революционного пролетариата должна властно вклиниться между прошлым и будущим и направить сотни миллионов рублей из русла алкоголя, подрывающего культурный и экономический рост нашей страны в русло жилищного и других отраслей нашего социалистического строительства.

Напомним, что один из тезисов агитпропа ЦК ВКП(б) в связи с выпуском сорокаградусной гласит:

«Но советское государство ни в какой мере не упускает из виду того вреда, который сопряжен с распространением водки, для культурного и экономического роста страны.

Равным образом оно считает, что доход от продажи водки не может играть доминирующую роль в его бюджете и *теперь же принимает меры, ограничивающие количество выпускаемой водки»*.

Мы считаем возможным ограничиться здесь одним выводом: перспективный план развития винокуренной и пивоваренной промышленности на пятилетие 1926/27—1930/31 гг., опубликованный Госпланом СССР, не соответствует директивам партии и интересам социалистического строительства; принятие этого плана было бы огромной ошибкой, которая способна была бы задержать темп социалистического строительства.

План Госплана в этой области должен быть решительно отвергнут. План развития винокуренной и пивоваренной промышленности, а также и виноделия должен быть построен, исходя не только из недопустимости дальнейшего повышения душевого потребления спиртных напитков в городах, но из необходимости частичного свертывания мест продажи спиртных напитков по требованию рабочего населения.

Для сельского населения дальнейший выпуск спиртных напитков должен быть максимально ограничен и предназначен для тех районов, где самогоноокурение широко развито.

В составлении нового перспективного плана должны принять активное участие помимо представителей профессиональных организаций также представители Наркомздрава, Наркомтруда и Наркомпроса.

Автор статьи, равно как партийные научные работники Государственного Института Социальной Гигиены, обсудившие изложенные здесь материалы, хорошо учитывают все трудности, какие представляют собой, с одной стороны, разработка «перспективного плана народного хозяйства», а с другой стороны, проблема алкоголизма и борьба с ним.

Тем не менее, мы считаем, что советское государство содержит в себе все предпосылки, необходимые для успешной борьбы с алкоголизмом. Надо только эти предпосылки правильно использовать.

М. Устинов.

К вопросу о формах землепользования.

Стоящая до сего времени задача восстановления разрушенного сельского хозяйства теперь разрешена. Сельское хозяйство восстановлено и в своем развитии перешло довоенный уровень. На очередь встала дальнейшая и главная задача: поднять сельское хозяйство на должную техническую высоту под углом зрения укрепления и расширения новых хозяйственных форм, новых социалистических начал в сельском хозяйстве.

Но это связано с переходом к улучшенным способам обработки земли и к увеличению сельскохозяйственной продукции путем улучшения системы полеводства, введения многопольного севооборота и перехода к прогрессивным формам землепользования.

А так как мы до сего времени страдаем нашей земельной неорганизованностью, которая царит больше всего в неорганизованной еще господствующей общине, то все эти улучшения в сельском хозяйстве упираются в эту земельную неорганизованность и, прежде всего, в общину.

Вот почему не случайным является, что одним из самых острых вопросов в жизни нашей деревни является вопрос о том, какой формой землепользования заменить общину, которая при данных экономических условиях лучше и скорее всего обеспечивала бы дальнейшее развитие производительных сил сельского хозяйства.

Вопрос этот не раз обсуждался в той или другой форме на страницах специальной и ежедневной прессы, и надо заметить, что вряд ли еще найдется такой вопрос в жизни нашей деревни, который так усиленно обращал бы на себя внимание и широких крестьянских масс, и широких партийных кругов. Несмотря, однако, на то громадное внимание, которое уделяется вопросу о формах землепользования, едва ли еще есть такой вопрос, при разрешении которого было бы столько путаницы и неопределенности.

Чем об'ясняется такое положение? А об'ясняется это тем, что некоторые товарищи, говорящие и пишущие по этому вопросу, рассматривают формы землепользования не только и не столько со стороны пригодности их для целей развития производительности сельского хозяйства, а в первую очередь под углом зрения создания ими максимума условий для обобществления последнего.

А кто рассматривает формы землепользования со стороны создания ими условий для обобществления сельского хозяйства, кто считает, что формы землепользования обусловливают обоб-

ществление его, тот неминуемо будет путаться в противоречиях, из которых не будет выхода.

Больше того. Раз для широкого развития коллективных форм землепользования (коммун, артелей, товариществ и т. д.) нет налицо тяги самого крестьянства, а равно соответствующих в достаточном количестве средств у нашего государства для поощрения этих коллективных форм, то товарищи, считающие, что обобществление сельского хозяйства обусловливается формой землепользования, вынуждены итти вглубь прошлого, давно отжившего народнического понятия.

Они начинают считать, как и раньше народники, что община якобы и является теми воротами, через которые крестьянство придет к социализму.

Ошибка народников была еще извинительна, потому что в то время хозяйственное развитие России шло черепашьим шагом, рабочий класс—акушер рождения нового общества—только начал появляться на сцену и т. д. Но ошибка теперешних сторонников общины ни в коем случае не может быть извинительна, потому что они живут в то время, когда рабочий класс стоит у власти, когда он заново строит новый порядок вещей.

Тут что-нибудь одно: либо товарищи, отстаивающие общину, пытаются воскресить тот самый вопрос, по поводу которого было пролито много чернил во время спора марксистов с народниками; либо они не могут понять путей развития нашего хозяйства вообще и сельского в частности.

Во всяком случае важно отметить, что вопрос об общине поднят снова.

Мало того. Он культивируется и проводится на страницах наших руководящих органов печати. Так, например, в журнале «Сельскохозяйственная Жизнь», № 10 за этот год напечатана статья т. Сучкова, которая, несмотря на ее явно народнический смысл, не была снабжена со стороны редакции какими бы то ни было оговорками.

В этой статье т. Сучков не только пытается отстоять общину, но в ней категорически утверждается, что *«общинная форма землепользования отвечает всем запросам, как кооперирования сельского хозяйства, так и вообще земельной политике в деревне»* (подчеркнуто нами).

Прочтя приведенную фразу т. Сучкова, не трудно догадаться, что это есть отрыжка народнической идеологии, и такой взгляд, проводимый на страницах нашей печати, должен подвергаться беспощадной критике. Нашей партии нужно глубже вникнуть в этот вопрос и сказать свое решительное слово. В противном случае наше сельское хозяйство не будет развиваться в желательных нам размерах, и затрачиваемые на землеустройство средства не дадут желательного результата.

В чем корень ошибки т. Сучкова и всех сторонников общины? Он заключается в том, что по их убеждениям формы землепользования обусловливают обобществление сельского хозяйства.

Такой взгляд, безусловно, не верен с точки зрения марксизма-ленинизма, и представлять себе дело так, как это делает т. Сучков и иже с ним, именно, что форма землепользования, в частности община обусловливает коллективизацию сельского хозяйства, это значит выдавать себе удостоверение о бедности в знании азбучных истин марксизма-ленинизма.

В самом деле, разве неизвестно мало-мальски разбирающемуся в этих вопросах человеку, что не форма землепользования создает систему хозяйства, а система хозяйства, назревая, сама создает свою, ей лишь свойственную форму землепользования.

Вот что писал Карл Маркс по этому вопросу: «Та форма земельной собственности, которую находит зарождающийся капиталистический способ производства, не есть соответствующая ему форма, только он сам создает соответствующую ему форму, подчиняя земледелие капиталу, благодаря чему феодальная собственность и собственность клана, мелькая крестьянская собственность общинной марки, как ни различны их юридические формы, превращаются в соответствующую этому способу производства экономическую форму» (К. Маркс, «Капитал», том III, ч. 2, стр. 157).

А вот что говорил по этому вопросу В. И. Ленин: «Америка наглядно подтверждает ту истину, которую подчеркнул К. Маркс в III томе «Капитала», именно, что капитализм в земледелии не зависит от форм землевладения и землепользования» (В. И. Ленин, том IX, стр. 189).

Из этих цитат следует, что:

1) сами формы землепользования суть производные функции от системы общественно-хозяйственных отношений, а не наоборот;

2) переход к социализму не будет зависеть от форм землепользования, а социализм, придя, создает ту или иную форму землепользования;

3) формы землепользования, следовательно, не могут определить характер и направление развития сельского хозяйства.

Поэтому не подлежит никакому сомнению, что, как общинная форма землепользования, просуществовав сотни лет при натуральном хозяйстве, стала разлагаться при развитии товарного хозяйства, точно так же и все другие формы землепользования нашего переходного периода с такой же неизбежностью уступят место коллективным, коль скоро социалистическая система хозяйства начнет вытеснять капиталистическую и сельском хозяйстве.

Вот почему мы считаем, что формы землепользования не должны рассматриваться под углом зрения создания ими максимума условий для коллективизации сельского хозяйства. А утверждение, что будто бы одни формы землепользования ведут к обобществлению сельского хозяйства, а другие нет, не является марксистско-ленинской постановкой. С какой же стороны нужно подходить к вопросу о формах землепользования?

Мы считаем, что формы землепользования должны рассматриваться только со стороны пригодности их для целей развития производительных сил сельского хозяйства. А так как пригодность форм землепользования для целей развития сельского хозяйства определяется, с одной стороны, экономическими условиями данного района и почвенно-климатическими условиями—с другой, для оценки значения той или иной формы необходимо взвесить все условия хозяйствования в данном районе.

Рассматривая же формы землепользования под углом зрения пригодности их для развития сельского хозяйства, можно сказать, что этому способствуют все ныне существующие формы, которые знают наше земельное законодательство и землеустроительная практика, кроме общинной, с ее коренным бичем—принудитель-

ными переделами, трехпольным севооборотом и находящейся во власти верст и меж. Без развития производительных сил сельского хозяйства невозможно не только социалистическое строительство деревни, но и никакое движение вперед, поэтому без него—застой, гибель; община же является серьезнейшим препятствием в этом развитии.

Все, что связано с улучшением сельского хозяйства—полевое травосеяние, многопольные севообороты и т. д.,—все это наталкивается на инертность большинства членов общины. Поэтому нам необходимо не задерживать искусственно общинную форму землепользования под тем или другим предлогом, а стремиться к тому, чтобы ее заменить другой, более прогрессивной. Разумеется, из того, что община служит громадным тормозом в развитии производительных сил сельского хозяйства, совершенно не следует, что ее во что бы то ни стало немедленно, сейчас обязательно нужно разрушить. Думать так—это значит не представлять себе всех тех трудностей, с которыми связан переход общины к другим формам землепользования. В самом деле, ведь для этого перехода требуются громадные затраты средств и сил, чего у нас в данный отрезок времени не имеется.

Но когда проводится мысль, что общину необходимо искусственно задержать при наличии средств и сил для перехода ее к прогрессивным формам, то это уже является уродливым искажением линии партии и соввласти в деревне в деле развития производительности сельского хозяйства. Между тем на практике можно наблюдать, когда местные земельные органы, исходя из того, что наилучшей переходной к обобществлению формой землепользования служит община, искусственно всячески пытаются ее задержать, борясь с отрубной и хуторской формами землепользования вплоть до применения административных мер.

Такая практика на местах есть результат не устраненных до сего времени целиком рогаток в деле выбора отрубной и хуторской форм, поставленных Наркомземом еще в 1923 году, с одной стороны, и защиты общины некоторыми товарищами—с другой.

Не говоря уже о том, что такая практика грубо нарушает директивы наших руководящих партийных и советских органов в области землеустроительной политики, именно, строгого соблюдения права свободного выбора форм землепользования, согласно Земельному Кодексу, такая линия в землеустройстве имеет своим последствием и то, что затрачиваемые на землеустройство средства не дают желательного эффекта. Запрещение выбирать населению отрубную и хуторскую формы землепользования обычно мотивируется тем, что они толкают крестьянство к фермерству и усиливают его дифференциацию, что эти формы не создают таких условий для кооперирования населения, как их создает община. Одним словом, община якобы является куда лучше в этом отношении, чем отруба и хутора. Нет ничего ошибочнее этих мотивировок. В самом деле, разве не известно, что община является болотом с мутной водицей, в которой крепкий мужичок ловит рыбку? Разве не известно, что община являлась и является источником обогащения кулака за счет бедноты? И разве не известно, что она помогает кулаку эксплоатировать бедноту?

Людям, которые не болеют куриной слепотой, все это известно. Только противники отрубов и хуторов (они же обычно защитники общины), очевидно, страдая куриной слепотой, не видят этого.

Выше мы уже говорили, что формы землепользования не могут определить характер и направление в развитии сельского хозяйства. С другой стороны, когда говорят, что отруба и хутора направляют развитие сельского хозяйства по капиталистическому пути, то упускают одну «мелочь», именно, что у нас государство не буржуазное, а рабочее.

Что означает капиталистический путь развития сельского хозяйства?

Он означает такое развитие, которое пойдет через глубочайшее расслоение деревни, когда на одной стороне образуются частновладельческие поместья, на другой—массовое обнищание.

При буржуазном государстве, где царит стихийность хозяйственного развития, где главнейшие орудия и средства производства принадлежат на праве частной собственности буржуазии, такой путь развития сельского хозяйства является совершенно неизбежным.

Совершенно иначе обстоит дело у нас. Раз рабочему классу, организованному в государственную власть, принадлежат все главнейшие орудия и средства производства: индустрия, транспорт, кредитная и налоговая система и земля, которая совершенно из'ята из товарного оборота, развитие сельского хозяйства по пути капиталистическому поэтому совершенно не обязательно. Наоборот, именно потому, что пролетариат стоит у власти и имеет в своих руках командные экономические высоты, именно, поэтому капиталистические элементы в развитии сельского хозяйства все успешнее будут побиваться элементами, направляющими деревню на путь социалистического развития.

Что это за путь, мы скажем ниже. Следовательно, бояться отрубов и хуторов в этом отношении совершенно нет никаких оснований.

Что же касается мотивировки, что община способствует кооперированию сельского населения больше, чем отруба и хутора, то она просто смешна.

В самом деле, разве кооперирование населения растет на пустом месте? Конечно, нет. Развитие кооперации во всех ее видах растет и будет расти только на основе развития производительности сельского хозяйства, которому, безусловно, больше способствуют отруба и хутора, а не община. Если мы посмотрим, где развитие сельского хозяйства идет вперед—у хуторян и отрубников или у общинников, то мы увидим следующее: урожайность ржи у первых против общинников выше на 22%, овса—18%, гречихи—70%, трав на хозяйство при одной и той же площади посева первые имеют против общинников—на 42%.

Валовая доходность от сельского хозяйства на одну десятину пашни в рублях:

	абсолют.	в %
Общинники	132	100
Хуторяне	151	115
Отрубники	183	139

А в соответствии с этим и происходит кооперирование. Так, например, по Смоленской губ. общинники кооперированы только на 34,3%, хуторяне и отрубники на 58,1%.

По Московской губ. общинники кооперированы на 48%, отрубники и хуторяне—95%.

Эти цифры с убедительностью говорят, что община не может создавать условия для кооперирования населения так, как их создает отрубная и хуторская формы землепользования.

Значит, боязнь отрубов и хуторов и в этом отношении совершенно ни на чем не основана, и препятствие их выбирать населению является не чем иным, как сознательным желанием задержать развитие производительности сельского хозяйства.

Поэтому прямо-таки преступным, по нашему мнению, является запрещение населению итти на отруба и хутора там, где нет налицо социально-экономических условий для развития коллективных форм землепользования (коммун, артелей, товарищесть и т. п.). В целях развития производительности сельского хозяйства, а стало быть и кооперирования, необходимо отмести все препятствия в выборе форм землепользования и предоставить населению широкую свободу в этом отношении. Разумеется, признание юридического нейтралитета в выборе форм землепользования не освобождает наше государство от экономического регулирования сельского хозяйства. Но, с другой стороны, ведь поднять сельское хозяйство и повысить его технику можно лишь путем предоставления широкой свободы выбора прогрессивных форм землепользования. Что же касается разрешения очередной задачи нашей партии и совласти—создания высших форм земледельческого хозяйства, высших по своей технике и по своему социальному строению, то методами разрешения этой задачи является кооперация, а не что-нибудь другое. Основная линия партии и совласти в этом вопросе намечена в последней статье тов. Ленина «О кооперации».

В этой статье В. И. Ленин развернул программу развития кооперирования сельского населения, как основного способа движения к социализму в крестьянской стране.

«У нас, действительно,—говорит Ленин,—раз государственная власть в руках рабочего класса, раз этой государственной власти принадлежат все средства производства, у нас, действительно, задачей осталось только кооперирование населения. При условии максимального кооперирования населения сам собою достигается тот социализм, который ранее вызывал законные насмешки, улыбку, пренебрежительное отношение к себе со стороны тех людей. справедливо убежденных в необходимости классовой борьбы. борьбы за политическую власть и т. д.».

«Кооперация еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения... Она имеет исключительное значение со стороны перехода к новым порядкам, путем возможно более *простым, легким, доступным для крестьянства* (В. И. Ленин, том XVIII, ч. 2, стр. 139). И далее Ленин писал:

«Собственно говоря нам осталось «только» одно: сделать наше население настолько «цивилизованным», чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие. «Только» это. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму» (там же стр. 141).

Следовательно, путь социалистического развития крестьянского хозяйства лежит не через ту или другую форму землепользования, а через массовое кооперирование крестьянского населения по всем линиям кооперации, через путь насаждения коллективистических начал среди крестьянства сперва по линии сбыта

продуктов сельского хозяйства и снабжения крестьянских хозяйств фабрично-заводскими изделиями, а потом по линии сельскохозяйственного производства.

Но для того, чтобы кооперировать поголовно все население, необходимо развить сельскохозяйственное производство так, чтобы оно вполне обеспечивало это кооперирование.

А для этого нужно перейти от общины к прогрессивным формам землепользования, которые и могут способствовать этому развитию. Разговоры о том, чтобы создать ту или иную желательную форму землепользования, которая будет обусловливать обобществление сельского хозяйства, и что община является самой наилучшей переходной к этому обобществлению формой землепользования—есть утопия, имеющая, однако, своим последствием задержку развития его. Поэтому надо не задерживать искусственно общину, не пытаться создавать ту или иную форму землепользования, а, считаясь с местными условиями, стремиться к тому, чтобы формы землепользования обеспечивали крестьянину большую прочность его хозяйства, возможность безбоязненно вкладывать в обрабатываемую им землю весь свой труд и все свои средства, обеспечить ему возможность прочного построения своего бюджета.

А для этого свобода выбора форм землепользования не должна быть воспрещаема.

Нечего и говорить, что коллективные формы землепользования являются самыми совершенными из всех существующих форм, которые там, где имеются налицо социально-экономические предпосылки и естественно-исторические условия — необходимо всячески развивать.

Однако, нужно помнить, что только те коллективные об'единения ценны, которые проведены самими крестьянами по свободному почину и выгоды коих проверены ими на практике (Ленин). Но вместе с тем ни в коем случае не надо задерживать стремления крестьянства в выборе и других форм землепользования.

Опасения некоторых товарищей, что предоставление широкой свободы выбора форм землепользования, например, отрубов и хуторов, дает возможность развиваться сельскому хозяйству по пути капиталистическому, совершенно не основательны.

В обстановке советского хозяйственного строя с его сосредоточением средств производства и государственной власти в руках рабочего класса одна только кооперация, пользующаяся крупными экономическими, финансовыми и банковскими преимуществами, и явится той стеной, которая загородит путь капиталистического развития сельского хозяйства.

Через посредство кооперации при господстве рыночных и денежных отношений советское государство осуществляет и осуществит свою конечную цель—утверждение социализма в сельском хозяйстве.

В. Григорьев.

О путях производственного кооперирования крестьянства и об ошибках тов. Беленького.

Вопрос о дальнейших путях кооперирования крестьянских хозяйств сейчас приобретает прямо громадное значение в виду того, что, во-первых, ряд успехов имеют у нас сбытово-снабженческие формы кооперирования, во-вторых, потому, что за последние годы сильно развились формы подсобно-производственной и производственной с.-х. кооперации. Получается так, что с.-х. кооперация у нас как бы делится на две части: сбытово-снабженческую и производственную. Надо найти пути увязки этих двух частей, установить формы их сожительства и наметить дальнейшие перспективы развития с.-х. кооперации. Потребность в этом есть, и эта-то потребность, повидимому, и вызвала появление в № 17 журнала «Большевик» статьи Беленького «Пути производственного кооперирования крестьянства».

Мы считаем, что проблема далеко не исчерпана этой статьей, что автор допустил в постановке этой проблемы ряд грубых ошибок, что вопрос нуждается в серьезном обсуждении на страницах «Большевика».

Тема статьи М. Беленьким избрана не случайно. Вопрос о путях производственного кооперирования сейчас особенно заостряется, во-первых, тем, что производственные кооперативы составляют не менее 50% всего числа с.-х. кооперативов по СССР, во-вторых, тем, что эти производственные кооперативы, в большинстве своем, «дикие», т.-е. не входят в систему с.-х. кооперации. В отчете с. х. кооперации правительству за 1926—27 г. говорится: «Количество всех мелиоративных товариществ в настоящее время исчисляется в несколько тысяч, в системе же с.-х. кооперации их насчитывается всего только 450. То же следует сказать и о машинных товариществах, коммунах, артелях и других производственных кооперативах».

Причины массовой «дикости» простейших производственных кооперативов общеизвестны. Причины эти лежат, в основном, в отсутствии какого бы то ни было обслуживания, какой бы то ни было помощи этим кооперативам со стороны системы с.-х. кооперации. В докладе группы НКРКИ СССР, обследовавшей машинные товарищества на Северном Кавказе говорится:

> «Отсутствует всякое руководство машинными товариществами со стороны союзов... машинные товарищества на 90% «дикие», вернее, беспризорные. Ни одна кооперативная организация ими не интересуется, так как с машинного

> товарищества им нечего взять. Кредитные товарищества тоже избегают знакомства с ними».

Создается такое положение, что вступление производственного товарищества в систему с.-х. кооперации означает для этого товарищества только трату денег на паи и ничего больше. Понятна, поэтому, мотивировка «дикости», которую дают сами «дикие» — «нет денег на паи». Расход этот *не нужен* и отступает перед множеством других, действительно необходимых расходов. Что такое простейшие производственные об'единения колхозы? Кто туда идет? Как правило, в них идут те слои крестьянства, которые не имеют инвентаря, которые не смогут выбиться в одиночку, которые имеют жалкое, нищенское хозяйство. Вопрос о помощи простейшим производственным об'единениям и колхозам, вопрос об обслуживании их—это прежде всего и больше всего вопрос о помощи деревенской бедноте. В постановлении ЦИК и СНК СССР «о коллективных хозяйствах» от 16-го марта 1927 года говорится:

> «Значение коллективных хозяйств в деле социалистического переустройства сельского хозяйства, их роль в организации деревенской бедноты диктуют необходимость всемерной и действительной поддержки этого движения со стороны государства. Необходимость усиления поддержки кооперативного движения вызывается прежде всего тем, что организация коллективных хозяйств является одним из наиболее действительных средств помощи бедноте».

Естественно, что нажим на кооперацию, не обслуживающую колхозного движения, не руководящую им, получился солидный. Целый ряд предложений был и целый ряд предложений вынесен партией и правительством по вопросу о такой перестройке работы с.-х. кооперации, при которой было бы обеспечено обслуживание производственных форм кооперирования. Казалось бы проще всего было приняться за проведение этих директив, но вместо этого один из руководителей с.-х. кооперации, т. М. Беленький выступает со статьей, в которой он совершенно явно подменивает действительно производственную систему кооперации системой сбытово-снабженческой и пытается доказать, что сбытово-снабженческая форма кооперирования должна быть в наших условиях основной. Разберемся в его аргументации. М. Беленький начинает с того, что устанавливает «две главнейшие формы производственного кооперирования крестьянства: 1) коллективные хозяйства (коммуны, артели и товарищества), 2) производственно-сбытовые системы с.-х. кооперации». Не заботясь о том, что в этой «систематике» совершенно выпали куда-то простейшие производственные товарищества, автор дает определение «производственно-сбытовых» систем:

> «Производственно-сбытовые системы с.-х. кооперации организованы в виде централизованных союзов (Хлебоцентр, Маслоцентр, Льноцентр и т. д.)».

Те, кто знают, что производственной работы не ведут совершенно работающие пока, как исключительно сбытовые системы, хлебная и льняная из перечисленных, а также яично-птичная, свеклосевная, хлопковая и табачная из «и т. д.», тот, кто это знает, естественно, задает вопрос, почему же М. Беленький называет все эти системы «производственно-сбытовыми»? Оказывается потому, что «Хлебоцентр об'единяет *производителей* (подчеркнуто

мною. *В. Г.*) зерна, Маслоцентр—молочные хозяйства, табаководный центр—табаководов и т. д.»! Но ведь не всегда же «рак в желудке, когда у вас в желудке рак». Для того, чтобы быть производственной системой, с.-х. кооперации мало об'единять производителей.

У М. Беленького сбытово-снабжевческие формы кооперации оказались «производственно-сбытовыми». Но этого ему мало. Надо ему доказать и то положение, что сбытово-снабженческие формы кооперации обслуживают бедноту. Отвлеченно рассуждать по этому вопросу он не решается. Ведь, тогда придется же сказать и то, что сбытово-снабженческая работа с.-х. кооперации ни к чему тем хозяйствам, которым нечего сбывать и которые не имеют средств для покупки снабженческих товаров, что эти хозяйства можно вовлечь в число клиентов сбытово-снабженческих систем с.-х. кооперации только путем их коллективизации, их производственного кооперирования. Чтобы всего этого не сказать, М. Беленький прямо берет таблицу. Вот одна из них, по молочной кооперации:

Группы	Сибирь		Урал		Европейск. часть	
	1925 г.	1926 г.	1925 г.	1926 г.	1925 г.	1926 г.
Без коров	1,0	0,8	0,7	—	2,9	2,5
С одной коровой . .	32,4	33,5	28,5	19,4	38,8	48,1
С 2—3 коровами . .	52,7	49,2	56,5	60,0	53,2	46,7
С 4 и более	13,9	16,5	14,3	20,6	5,1	2,7
Итого . . .	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Вывод из этой таблицы т. М. Беленький делает такой, «что производственно-сбытовые системы с.-х. кооперации представляют собой, в основном, движение середняцких и *бедняцких* (подчеркнуто мною. *В. Г.*) масс деревни».

Оставляя на совести автора целесообразность пребывания в молочной кооперации бескровных (?!) хозяйств, мы хотели бы указать ему только на одно обстоятельство, что тот вывод, какой он делает, надо делать не из таблицы о социальном составе с.-х. кооперации, а из сопоставления удельного веса разных групп по коровности во всех крестьянских хозяйствах с удельным весом их в хозяйствах кооперированных. Вопрос о том, какие слои населения более всего используют молочную кооперацию, должен решаться только степенью кооперированности каждой группы внутри ее самой. К счастию для читателя, М. Беленький приводит далее очень интересную таблицу, проливающую свет на этот вопрос. Он приводит данные о том, что коэффициент участия разных групп в молочной кооперации (отношение хозяйственного участия к организованному участию) у бескоровных равен 0,0, у однокоровных—0,5, у двухкоровных—0,9, у трехкоровных—1,3, у четырехкоровных—1,9, у пятикоровных—2,1, у шестикоровных—4,0, т.-е. последовательно повышается от группы к группе.

Здесь уже М. Беленький не решается повторить миф о середняцко-*бедняцком* построении молочной кооперации. Он скромно

замечает, «что однокоровные и двухкоровные хозяйства составляют 70,7% всех членов молочной кооперации».

Не везет М. Беленькому и с льняной кооперацией. Вот таблица из его статьи:

	Число всех хозяйств	Безлошадных	С 1 лош.	С 2 лош.	С 3 лош.	С 4 лош.
Кооперированные . .	100	14,8	69,2	15,0	0,9	0,1
Все с.-х. население .	100	18,9	69,8	10,5	0,7	0,1

Картина вполне определенная. Низшие группы представлены в кооперации в меньшем проценте, нежели во всем крестьянском населении. Но автор почему-то уверен, что это подтверждает все тот же бедняцко-середняцкий характер с.-х. кооперации.

Странная получается вещь. Человек, повидимому, боится признать совершенно бесспорное положение, что сбытово-снабженческая с.-х. кооперация есть кооперация *середняка*, что, чем выше имущественное положение крестьянского хозяйства, тем больше оно заинтересовано в сбытово-снабжевческой с.-х. кооперации. Мы бы хотели спросить т. М. Беленького: где, в какой директиве партии или правительства сказано, что советская сбытово-снабженческая кооперация не должна обслуживать зажиточных хозяйств, что она должна отворачиваться от хозяйства, имеющего 4 лошади или 4 коровы, что она должна заставлять эти хозяйства сбывать их продукты через кого угодно, но только не через кооперацию? Зачем понадобилось М. Беленькому вопреки даже тем цифрам, которые он приводит, доказывать, что кооперация в ее сбытово-снабженческой работе обслуживает почти исключительно середняцко-бедняцкие слои крестьянства? Если он боится кулака, так ему должно же быть известно, что не является хозяйство кулацким, если оно имеет 4 коровы или 4 лошади, что это 4-коровное или 4-лошадное хозяйство может, наконец, иметь такое количество едоков, что не может быть причислено и к зажиточным.

Повидимому, тут опять попытка и притом попытка с явно негодными средствами доказать, что эти самые «производственно-сбытовые системы—лучшее, о чем может мечтать бедняцкое хозяйство, и что разговоры о простейших производственных товариществах и колхозах, как об «одном из наиболее действительных средств помощи бедноте»—это только разговоры. Как же получилось, что М. Беленький просмотрел бурный рост производственной кооперации, быстрое разворачивание процесса кооперирования деревенской бедноты вокруг средств производства? Вторая часть его статьи, нам кажется, указывает на то, что это не описка, а ошибка и что эта ошибка для автора не случайна.

Во второй части статьи М. Беленький говорит о контрактации.

Как известно, *контрактация* заключается в том, что промышленность *заказывает* крестьянам определенное количество потребного ей сырья, выдавая соответствующие денежные авансы.

Не менее, если не более известно, что *кооперация* заключается в том, что кооперированное население создает основные средства для своего обслуживания.

Вопрос «о действительном участии в кооперации действительных масс населения, о котором говорит Ленин, решается, в основном, такой организацией кооперации, в которой население участвует своими средствами. Кооперация—это крестьянские средства в государственном обороте, контрактация в том виде, в каком она у нас есть—это государственные средства в крестьянском товарообороте. Контрактация в том виде, в каком она у нас есть—антипод кооперации. Чем она вызвана? Во-первых, необходимостью обеспечить определенные отрасли промышленности (пока-что сахарную и хлопковую) сырьем, во-вторых, тем, что сама кооперация собственных оборотных средств не накопила. По сводному балансу системы с.-х. кооперации СССР на 1-е октября 1926 г. собственные *оборотные* средства с.-х. кооперации равны меньше чем нулю. В неподвижные активы вложены не только все свои средства, но и еще 4,79 милл. рублей долгосрочных заемных средств.

Тов. М. Беленький пишет:

«Основной формой вовлечения крестьянского производства в плановое русло является контрактация посевов, широко применяемая в настоящее время по линии хлопководства, свеклосеения и др. технических культур».

Несмотря на то, что громкое наименование «других технических культур» включает в себя только кенаф и лекарственные растения, контрактация показывается у М. Беленького «основной формой вовлечения крестьянского производства в плановое хозяйство».

Перед кооперацией стоит серьезнейшая задача накопления своих средств, вовлечения в свой оборот средств кооперированного населения. Эта задача трудная и требующая времени и сил. Тов. М. Беленький предпочитает пойти по линии наименьшего сопротивления, возводя в принцип контрактацию. В своей статье он обещает распространить ее и на хлеб, и на продукты животноводства. Но ведь совершенно же ясно, что, проведенный полностью, принцип контрактации, особенно если он основан, как это сейчас есть, целиком на государственных средствах, означает проведение системы государственного капитализма, ставит крест на ленинском коопоративном плане и заодно уничтожает и смысл существования с.-х. кооперации. Дело сводится к простому: промышленность делает заказ, крестьянин его выполняет. Получается совхоз в масштабе СССР, и с.-х. кооперации как будто нечего делать.

Иначе нельзя об'яснить перспективы рисующиеся перед М. Беленьким, который пишет:

«Задачей свеклосевной кооперации является *об'единение населения и организация производства и сбыта крестьянской свеклы* (курсив автора. *В. Г.*). Она организует производителей свеклы, распределяет *за своей ответственностью* (курсив автора. *В. Г.*) между членами свеклосевных об'единений, *полученные от Сахаротреста* (курсив мой. *В. Г.*) средства производства (денежные авансы, семена, орудия производства), снабжает их другими необходимыми материалами, организует агрономическую помощь и контроль над посевами, об'единяет производителей для совместного производства, в частности для коллективного пользования сеялками и другими машинами, — короче, руководит всеми процессами производства, уборки и доставки свеклы на заводы».

Перспективы-то намечаются очень хорошие, вплоть до коллективного пользования машинами, а выполнять эти хорошие вещи тов. М. Беленький призывает Сахаротрест, участвующий в деле *деньгами*, и кооперацию, участвующую... *ответственностью* (!?).

Контрактация, могущая принести немалую пользу, как функция кооперации, в «кооперативном» плане М. Беленького превращается в нечто самодовлеющее, подчиняющее себе кооперацию.

Мы не склонны спорить с М. Беленьким по вопросу о том, что контрактация является *средством* вовлечения крестьянина в плановое хозяйство. Это-то так. И несомненно, что *принцип* контрактации в ряде сырьевых культур будущее имеет. Но тот, кто думает, что «основной формой вовлечения крестьянского производства в плановое русло» является контрактация, а не *кооперация*, и при том контрактация, ведущаяся целиком за государственный счет, тот в кооперативном плане Ленина ничего не понял, тот идет по линии наименьшего сопротивления, об'ективно скатывается к отрицанию особой роли кооперации в наших условиях, к апологии государственного капитализма. Кому же другому, как не тов. М. Беленькому, в течение ряда лет работающему в с.-х. кооперации, следует вспомнить, какие споры были, да и сейчас есть вокруг вопроса о контрактации. Особенно жестоки были эти споры в тот период, когда Сахаротрест и Главхлопком строили контрактацию так, что связывались непосредственно с крестьянином, помимо кооперации, минуя кооперацию. Были тогда разговоры о том, что Сахаротрест и Главхлопком не дают строить кооперацию? Были. Есть эти разговоры сейчас? Есть и не могут не быть, поскольку эта система еще не совсем изжита. И вопрос стоит так, что с контрактацией приходится пока-что мириться, а не возводить ее в принцип «кооперативного» строительства, как это делает т. М. Беленький.

Тов. М. Беленький цитирует Преображенского:

«Переход к социализму совершается в сфере производственного кооперирования, для чего кооперация в обмене лишь расчищает путь. Но как раз именно в сфере такого кооперирования мелких производителей наши успехи пока еще минимальны, и конкретные формы (а не общая линия) этого процесса сейчас еще совсем не ясны». (Е. Преображенский—«Новая Экономика»).

Преображенский пишет, что «кооперация в обмене лишь расчищает путь» производственному кооперированию.

М. Беленький пишет: «Не подлежит сомнению, что массовое колхозное строительство будет вырастать из недр производственно-сбытовых систем с.-х. кооперации».

Партия в резолюции XIV конференции говорит: «Первоочередными задачами с.-х. и кредитной кооперации являются: организация кооперативного кредита; организация на основе развивающейся товарности деревни переработки и сбыта продуктов сельского хозяйства; развитие всех возможных форм коллективного хозяйства, коллективного земледелия—всякого рода колхозов, коммун и т. п.; снабжение широких крестьянских масс

средствами производства. Через организацию с.-х. кредита, снабжения, переработки и сбыта могут быть созданы условия для массового воздействия со стороны советского государства на производственные процессы отдельных распыленных крестьянских хозяйств».

Ленин говорил о том, что кооперация является наиболее доступным для крестьянина путем к социализму.

И Ленин и партия берут кооперацию, как комплекс определенных политических мероприятий, приспособленных к различным слоям крестьянства.

Преображенский и М. Беленький рассуждают в плоскости того, что раньше появилось—курица или яйцо, и, по существу, затушевывают вопрос о необходимости развития и поддержки развития *всех видов* с.-х. кооперации.

Далее. Преображенский говорит о том, что конкретные формы процесса производственного кооперирования сейчас еще совсем не ясны.

М. Беленький этого не говорит. Наоборот, он пытается доказать, что они очень ясны, но к сожалению, ничего хорошего у него из этого не получается. Спутать сбытово-снабженческие системы с «производственно-сбытовыми», извести и высокий принцип контрактацию—это не значит доказать, что конкретные формы процесса кооперирования ясны.

Но самое смешное во всем этом то, что производственное кооперирование-то, ведь, идет, руководимое снабженческой и кредитной политикой нашего государства. И идет оно не стихийно, о чем с достаточной ясностью говорит быстро развивающаяся специализация с.-х. кооперации, уже сейчас выделившая организационно оформленную систему колхозов, в которую неизбежно включаются и простейшие производственные об'единения.

И мы думаем, что, если сам М. Беленький повнимательнее прочтет свою собственную статью, проанализирует свои собственные таблицы, он согласится с тем, что, во-первых, большая часть тех форм с.-х. кооперации, которые он называет «производственно-сбытовыми» на деле являются сбытово-снабженческими; во-вторых, эти сбытово-снабженческие системы приспособлены для обслуживания середняцко-зажиточных слоев деревни и их-то и обслуживают; в-третьих, что в этом нет ничего ужасного; в-четвертых, что главнейшими формами кооперирования бедноты являются простейшие производственные кооперативы и колхозы и, в-пятых, что нужно выполнять директивы партии и правительства в области поддержки этих форм кооперирования, вместо того, чтобы затушевывать вопрос о беспризорности их в системе с.-х. кооперации рассуждениями о мифическом «производственном» кооперировании *бедноты* по линии сбытово-снабженческих систем.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

«ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ЛЕНИНА». № 1, 1927 г., стр. 184, тираж 4.250 экз. Цена 1 р. 25 к.

Решение Института Ленина об издании «Записок» нужно всячески приветствовать.

Какие задачи ставятся перед новым изданием института? Редакцией правильно отмечается тот факт, что изучение и исследование величайшего наследства, оставленного нам Лениным, несмотря на всю свою значительность, еще далеко не поставлено как «самостоятельная и специальная» проблема. Еще не созданы кадры «ленинистов», «лениноведов», коим партия могла бы поручить дело изучения и разработки отдельных проблем учения Ленина. Между тем повседневные бои за ленинизм делают эту задачу все более актуальной. «Записки» должны явиться одним из путей, через который мыслится ее практическое решение.

В программе работ на ближайшее время редакция предполагает опубликовать ряд отчасти забытых, отчасти вообще мало знакомых широким кругам партии и не вошедших в собр. соч., хотя и опубликованных еще при жизни Вл. Ил. материалов, как-то: статей, заметок, писем, различного рода протокольных и хроникерских записей речей, вариантов незастенографированных выступлений и т. д. При чем особое место будет занимать раздел личной биографии Вл. Ил., где предполагается систематически опубликовывать воспоминания современников, освещающие ту или иную сторону его жизни и деятельности. Таким образом, основная задача «Записок» должна свестись к собиранию воедино распыленного материала о Ленине, чтобы сделать этот материал уже сейчас доступным для широких кругов партии.

Такой характер «Записок» отличает их от «Ленинских Сборников». В последних, как правило, публикуются совершенно *новые* документы. Несмотря на это, нам, однако, кажется, что вопрос о характере и дальнейшем направлении «Записок» следует поставить в несколько иную плоскость.

Совершенно бесспорно, что опубликование документов и материалов, связанных в той или иной степени с Лениным, является весьма важной задачей. Но эту задачу выполняют в основном «Ленинские Сборники». Достаточно будет указать на то, что в содержании последних мы найдем ряд материалов, имеющих быть по своему характеру отпечатанными и в рецензируемых «Записках» (воспоминания—IV «Лен. Сб.», 7, 8 разделы, II т., 7 раздел, ст. М. Т. и др. I «Лен. Сбор.» и т. д.). Таким образом, здесь трудно определить принципиально отличную целевую установку. Возникает опасение, что вся разница между «Ленинскими Сборниками» и «Записками» сведется к вопросу степени, количества, что «Записки» станут лишь своеобразным дополнением к «Сборникам». Между тем, партийная общественность уже сейчас остро ощу-

щает отсутствие именно такого типа сборника, в какой по мысли редакции должны будут еще только в будущем превратиться «Записки». Речь идет о создании научноисследовательского журнала, в котором находила бы место исследовательская работа над огромным материалом, накопленным Институтом Ленина. «Записки Института Ленина» и должны быть, в основном, таким журналом. Такой тип «Записок» естественно связан с необходимостью создания и сплочения вокруг Ин-та того кадра или коллектива «лениноведов», на отсутствие которого редакция вполне правильно обращает внимание партии. Излишне говорить, что высказанные соображения ничуть не умаляют ценность того материала, который нашел себе место в первом номере.

Переходя к рассмотрению содержания первого номера «Записок», надо прежде всего отметить правильную, вдумчивую группировку рецензируемого материала.

Первые два раздела, составленные из предисловия Ленина к работе Н. И. Бухарина «Мировое хозяйство и империализм» и из статей В. И. за апрель—июль 1917 г., извлеченных из «Правды»,—проникнуты непримиримейшей, страстной борьбой с изменой и оппортунизмом различных групп социал-реформизма. Этот материал сохранил всю свою принципиальную остроту и политическую свежесть.

Используя малейшую зацепку в деталях социально-экономической и политической классовой борьбы, развернувшейся тогда в России, Ильич терпеливо и настойчиво раз'ясняет рабочему классу и крестьянству его иллюзии, рассеивает заблуждения, зовет к самостоятельной, активной борьбе. Надо заметить, что предисловие т. Ленина, где он дает достойный ответ теоретическому оппортунизму Каутских, пытавшихся под прикрытием новых теоретических схем скрыть свое явное предательство, имеет особый интерес в настоящее время.

У всех на памяти споры тт. Зиновьева и Троцкого с партией по вопросу о неравномерности капиталистического развития в эпоху до- и монополистического капитализма. Вопреки тезису ЦК, утверждавшего в полном согласии с т. Лениным, что основные признаки развитого капитализма получают наиболее резкий, конфликтный характер лишь в эпоху монополистического капитализма, т.-е. империализма; что разницу в уровне хозяйственного положения различных капиталистич. стран нельзя смешивать с неравномерностью развития эпохи империализма, ибо именно нивелировка в уровне, создающая условия к обострению различных форм капиталистической конкуренции, борьбы за рынки и т. д., таит в себе неизбежность военных столкновений и приводит к усилению неравномерности; вопреки, наконец, прямому утверждению Ленина [1]), что «разговоры Каутского об ультра-империализме поощряют между прочим ту глубоко-ошибочную и льющую воду на мельницу апологетов империализма мысль, будто господство финансового капитала *ослабляет* неравномерности и противоречия внутри всемирного хозяйства, тогда как на деле оно *усиливает* их»...,—тов. Троцкий на XV Всесоюзной Партконференции (стр. 524) утверждал, что «в тот период (т.-е. XIX ст. *А.*) неравномерность капиталистического развития была *резче* и *глубже*» (курсив наш. *А.*). «Именно потому, что финансовый капитал есть самая подвижная и гибкая форма капитала, именно поэтому *империализм развивает более «уравнительные» тенденции, чем дофинансовый капитал*» (курсив наш. *А.*) [2]). Таким образом, т. Троцкий утверждает: 1) что закон неравномерности проявлялся резче и глубже в XIX ст., т.-е. в эпоху так наз. «мирного» развития капитализма, и 2) что эпоха империализма развивает более «уравнительные» тенденции. Но, ведь, если переложить этот вывод на язык политики, то это будет означать лишь то, что внутри- и межнациональные конфликты в эпоху домонополистического капитализма были значительно «резче и глубже», что основная тенденция, если не бояться до конца политически мыслить, сводится к тому, что мы вступили в полосу постепенного «сглаживания», «выравнивания» внутрикапиталистических антагонизмов, т.-е., по сути дела, марксо-ленинская теория пролетарской революции не верна, и прав Каутский, проповедующий эпоху мирного ультра-империалистического развития. Ежели не итти на эти столь далеко заходящие политические выводы, надо признать, что неправильно утверждение, будто эпоха империализма характерна завершением раздела мира, что новый передел земли и рынков возможен лишь через империалистические войны и т. д. и т. п., т.-е. надо отказаться от формулировки теории империализма в той трактовке, какую нам оставил Ленин.

1) Том XIII, стр. 310.

2) Ту же мысль выразил и т. Зиновьев по докладу т. Сталина,—см. Бюлл. № 10.

В упомянутом предисловии Ленин, полемизируя с Каутским, пришедшим к мысли о неизбежности новой эпохи ультра-империализма, пишет след.: «Не подлежит сомнению, что развитие идет в *направлении* к одному единственному тресту всемирному, поглощающему все без исключения предприятия и все без исключения государства. Но развитие идет к этому при *таких* обстоятельствах, *таким* темпом, при *таких* противоречиях (подчеркнуто мною. *А.*), конфликтах и потрясениях,—отнюдь не только экономических, но и политических, национальных и пр. и пр.,—что непременно *раньше*, чем дело дойдет до одного всемирного треста, до ультра-империалистического всемирного об'единения национальных финансовых капиталов, империализм неизбежно должен будет лопнуть, капитализм превратится в свою противоположность».

Позволительно теперь спросить: есть ли в приведенных цитатах хотя бы намек на «схожесть» определений Ленина с теми определениями характерных черт империализма, какие сформулированы т. Троцким? Думается, что ответ достаточно ясен.

Из третьего раздела—Статьи и заметки советского периода—важно отметить две записки Ленина т. Молотову об условиях приема в партию новых членов. Этот вопрос не впервые стоит перед всей партийной общественностью. И далеко не случайно. Вопросы регулирования качественного состава партии выходят далеко за рамки чисто организационных задач. Ленин с величайшим вниманием следил за динамикой качественного роста партии. Он считал «крайне опасным оставить без изменения предлагаемые Зиновьевым краткие сроки» прохождения кандидатского стажа, при чем последнее он распространяет не только на непролетарские слои трудящихся, но н. на известные слои рабочего класса. Ленин требует, чтобы партия определила «с особо детальными подробностями, в чем должно состоять действительное прохождение кандидатского стажа, каковы должны быть конкретные и фактические условия проверки того, что кандидатский стаж действительно проходится, а не остается пустой формальностью». Социальный состав партии, *не* являясь *всегда* решающим фактором в деле определения классово-пролетарской политики, вместе с тем, на известных этапах, при известных условиях может сыграть безусловно решающую роль в определении партийного курса. Именно в связи с этим, Ленин бьет тревогу, мобилизует внимание партии к вопросам социального состава партии. В своей

второй записке от отмечает: «Если не закрывать себе глаза на дей-
ствительность, то надо признать, что в настоящее время [1]) пролетарская
политика партии определяется не ее составом, а громадиым, безраз-
дельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать
старой партийной гвардией. Достаточно небольшой внутренней борьбы
в этом слое, и авторитет его будет уже зависеть не от него». В этой
связи становится особенно ясным, почему Ильич придавал такое боль-
шое значение проблеме регулирования состава партии. Диктатура про-
летарната осуществляется не поголовной организацией рабочего класса,
а коммунистической партией, т.-е. авангардом пролетариата. Партия ру-
ководит классом, политически воспитывает его, и только в этом смысле
надо понимать диктатуру партии. Всякое же отождествление или смеше-
ние этих двух понятий—диктатуры пролетариата и диктатуры партии—
теоретически и практически не состоятельно, равно как и их противопо-
ставление. Но руководящая роль и ответственность нашей партии на-
кладывает, однако, на нее определенные обязательства, важнейшее из
коих есть полное единодушие в ее рядах, абсолютное доверие к своему
руководству, к своим кадрам—провереным в боях, в течение целого
исторического периода. Вместе с тем, Ленин, однако, прекрасно со-
знавал, что противоречивость социально-экономической и политической
обстановки не может не сказаться и на руководстве. И в его среде
возможны и даже неизбежны ошибки, разногласия—и не малые!—мо-
гущие привести к чрезвычайно тяжелым последствиям. Избежать по-
следних, ликвидировать их возможно лишь тогда, когда партия будет
обладать могучим пролетарским костяком, когда рабоче-партийное мне-
ние будет формироваться и определяться именно этим последним. В этом
смысле Ленин был величайшим оптимистом. Он глубоко верил в клас-
совый инстинкт и революционное чутье рабочего класса.

Стоит лишь бросить взгляд на последние годы внутрипартийной
борьбы, чтобы получить самое наглядное подтверждение его правоты,
ибо именно в этой части партии встречали наибольший отпор различ-
ного рода антипартийные вылазки. В этом—глубочайшее оправдание
ленинской тревоги...

Важнейшее значение, особенно в настоящий момент, имеют отдель-
ные места четвертого раздела: «Записи речей Ленина», посвященных
выяснению тактики социалистов в войне. В одном из своих докладов
в Лозанне от 14 октября 1914 г. на тему «Пролетариат и война» Ленин
говорит: «Выяснение характера войны является для марксиста необхо-
димой предпосылкой, чтобы решить вопрос о своем к ней отношении.
Для такого же выяснения необходимо, прежде всего, установить, каковы
об'ективные условия и конкретная обстановка данной войны. Нужно
поставить эту войну в ту историческую обстановку, в которой она про-
исходит, и только тогда можно определить свое к ней отношение. Иначе
получится не материалистическое, а эклектическое трактование во-
проса». Таким образом, для определения отношения марксистов к войне,
Ленин выдвинул в качестве основного критерия определение характера
войны, при чем это определение должно находиться в непосредствен-
ной связи с историческими особенностями данного этапа развития, должно
итти по линии оценки того основного, специфического, что составляет
отличительный признак данного конкретного периода. Ленинская по-
становка ясна и точна. Она не терпит никаких двусмысленностей, она
требует ясного, четкого, членораздельного ответа на поставленный во-

[1]) 26/III—22 г.

прос. В этой связи политическое и практическое значение имеет оценка
военной опасности, даваемая в платформе оппозиции. В докумен-
тах последнего времени оппозиция открыто пыталась поставить под
знак вопроса классовый смысл и цели грядущей войны, исходя из
оценки Коминтерна, нашей партии и советского государства. На
ряду с этим мы имеем заверение, что в случае войны товарищи из
оппозиции будут в одних рядах с партией и т. д. Таким образом,
мы здесь сталкиваемся с положением, справедливо охарактеризованным
партией, как «условное оборончество», сводящееся к признанию для
«завтрашнего» дня справедливости тезиса Ленина: «мы—оборонцы с
25 октября 1917 г.», на ряду с «сегодняшними» сомнениями в социали-
стическом характере обороны СССР. Ибо нельзя по-большевистски обо-
ронять СССР, ведя самую яростную атаку революционного, ленинского
руководства партией, советской власти и К. И., сея сомнение в широких
пролетарских массах в социалистическом характере нашего строительства
и той политики, которую проводит партия. Нельзя серьезно ставить
проблему социалистической обороны, *обусловив* последнюю пунктом о
смене «перерождающегося» руководства; нельзя, наконец, призывать
серьезно рабочий класс к защите пролетарского государства, изменившего
якобы делу интернационализма и замкнувшегося в национально-рефор-
мистскую скорлупу. В явном непонимании того, что новая «подготовка
войны против СССР означает не что иное, как воспроизведение на рас-
ширенной основе классовой борьбы между империалистской буржуа-
зией и победоносным пролетариатом», в попытке смазать то основное,
специфическое, отличающее современную эпоху от эпохи 1914 г., что
надвигающаяся война будет резко отличаться от империалистической
войны уже тем, что она явится прежде всего войной всего империали-
стического мира против победоносно укрепившегося социализма,—обна-
руживается весь оппортунизм оппозиционной постановки вопроса о воен-
ной опасности.

В своих записках Ленин вскрывает всю фальшь и лицемерие так
наз. «левых» социалистов, скрывающих свой оппортунизм и предательство
лозунгами «целости и единства организации». В этой связи Ленин тре-
бует непримиримейшей борьбы против примиренчества, поступающегося
революционными принципами.

Большой интерес вызывает в числе прочего матерала раздел VI
материалы для биографии Ленина. В них читатель найдет подробности
из истории борьбы Ленина за партию, ее консолидацию, отдельные
штрихи, показывающие Ленина уже тогда, как величайшего вождя и
организатора. То же нужно сказать об интереснейшем материале, пред-
ставленном в виде календаря работы Ленина. В этом последнем находит
свое отражение неисчерпаемая и сложная работа руководителя совет-
ского государства. Календарь имеет еще то значение, что дает образец
настоящей рационализаторской постановки государственной работы, пре-
красно сочетавшейся с глубочайшим вниманием и заботой к нуждам
отдельных товарищей.

Нет возможности в рецензии остановиться на остальном материале.
Поэтому, в заключение мы хотим отметить лишь следующее: «Записки»
свидетельствуют о серьезном научном подходе и необходимой добро-
совестности товарищей, работавших над ними. Несомненно, что система-
тическое издание «Записок», их превращение в научноисследовательский
сборник свяжет в большей степени, нежели сейчас, всю работу Инсти-
тута с широким активом партии. Нечего греха таить—до сего времени
дело обстояло в этом отношении не совсем благополучно,—а в этом

лежит залог несомненного успеха нового начинания. Следовало бы увеличить его тираж и соответственно снизить расценку отдельного экземпляра, это способствовало бы лучшему выполнению намеченных редакцией задач.

А. Александров.

РАЗЛОЖЕНИЕ АВСТРО-МАРКСИЗМА

А. Тальгеймер. «Теоретический кризис социал-демократии». Перевод под редакцией Т. Л. Аксельрода. Госиздат. 1927 г.

«Ничто не пахнет так скверно,—говорит Шекспир,—как гниющая лилия». Ничто так не отвратительно,—говорит т. Тальгеймер,—как прогнивший марксизм австро-марксистов, теоретических запевал разлагающейся социал-демократии. Книга т. Тальгеймера воочию показывает, как эти господа превращают марксизм в жалкую мелкобуржуазную кашицу и апологию контрреволюции.

К семидесятилетнему юбилею Карла Каутского вышел в Иене сборник «Живой Марксизм», том в 600 страниц. Этот сборник дает благодарный материал для т. Тальгеймера [1]).

Философский столп австро-марксизма Макс Адлер (в статье: «Принудительный порядок и общественная организация») делает здесь открытие,—новое, впрочем, только в устах человека, считающего себя марксистом,—что государство будет существовать вечно и что государство и общество не стоят в противоречии друг к другу. Макс Адлер просто-напросто заменяет слово «государство» словами «принудительный порядок». Он уверяет, что общественная жизнь невозможна без принудительной организации. Нужды нет, что это утверждал еще Дюринг, на что Энгельс дал свой классический ответ, что в будущем строе «правительство над людьми заменится управлением вещами и заведыванием процессами производства». Как правильно замечает Тальгеймер, Макс Адлер смешивает понятия необходимости и принуждения; игнорируя, что в социалистическом строе осознанная необходимость войдет в плоть и кровь человека, он постулирует внутреннего жандарма, жандарма «в себе». Новизна этого открытия Макса Адлера заключается в том новокантианском соусе, которым оно у него сдобрено. «В долженствовании,—говорит он,—мы имеем форму обобществления воли. Отсюда вытекает, что урегулирование общественной жизни не есть нечто такое, что прибавляется каким-то образом к заранее данной неурегулированной общественной жизни, а представляет собой лишь форму самой этой общественной жизни, волевую сторону сознания, уже обобществленного благодаря своему духовному бытию». Разобраться в этом убийственном жаргоне можно разве только по интуиции. Тальгеймер понимает эту тираду в том смысле, что по Максу Адлеру социализм уже заранее дан в нормах буржуазного общества. Макс Адлер,—говорит т. Тальгеймер,—ухитрился осуществить замечательный кунстштюк, создать идею буржуазно-социалистического общества. «Внешнее (сиречь государственное) урегулирование,—говорит Макс Адлер,—становится возможным лишь потому, что социальная жизнь представляет собою внутреннюю жизнь индивидуума, сопряженную с жизнью другого

[1]) Еще более характерен этот «живой марксизм» тем, о чем он умалчивает: вопросы демократии и диктатуры пролетариата, СССР, мирового послевоенного кризиса, империализма, колоний и т. д. для него не существуют.

человека». Тальгеймер показывает, как в основе этой тирады лежит не что иное, как основная форма буржуазного сознания о связи отдельных товаропроизводителей между собой, форма, которую анализировали уже Фергюсон, Адам Смит и Гегель. Неокантианец исходит из индивидуального сознания и возводит его в общественное сознание, которого нет у буржуазного общества. В конце концов, вся эта теоретическая эквилибристика Макса Адлера служит лишь вящшему возвеличению компромисса с буржуазией.

Старый кунстштюк Макса Адлера: он фактически заменяет исторический материализм идеализмом, но при этом,—как выражается т. Тальгеймер,—умудряется сохранить материалистическую видимость для идеализма и идеалистическую видимость для материализма. Пример: «Экономический фундамент,—говорит Макс Адлер,—может осознаваться и *переживаться* (курсив наш) только в формах идеологической надстройки».

Переходим к другому столпу австро-марксизма, Отто Бауэру. В сборнике «Живой Марксизм» он представлен статьей на тему: «Мировоззрение капитализма». Отто Бауэр оперирует в ней аналогиями. Открытия его не менее изумительны, чем открытия Макса Адлера. Материализм, видите ли, соответствует схеме *выполнения* работы, а идеализм—схеме *плана* работы; а так как капитализм отличается своим анархическим, непланомерным производством, то материализм—мировоззрение капитализма. Что идеализм—мировоззрение социализма, Отто Бауэр не говорит открыто, но это сногсшибательное окрытие вытекает из всей его аргументации. Тальгеймер сочно называет этот метод аналогий грязным шарлатанством. В лучшем случае,—скажем мы,—это просто ученические упражнения в ревизионизме, написанные Бауэром от скуки в Сибири, в плену. Тальгеймер без труда разбивает их в пух и прах. В самом деле, достаточно указания на то, что материализм и идеализм были от'единены друг от друга еще задолго до капитализма, еще в древней Индии и Греции, что выполнение и план работы тоже искони от'единены у всего человечества. А поскольку Бауэр имеет в виду, что в распыленном капиталистическом производстве рабочий не в состоянии обнять целого, Тальгеймер возражает, что это—точка зрения «интеллигента-мандарина», в своем высокомерии недооценивающего пролетариата. Но это только первая из аналогий Отто Бауэра. У него в запасе еще целый ряд их.

Вторая аналогия: при планомерном общественном строе господствует телеологический взгляд на природу, при анархическом строе капитализма—причинное понимание природы. Это рассуждение Отто Бауэра еще поверхностнее, еще примитивнее первого. По такой логике оказывается, что при социализме уж, всеконечно, должен будет восторжествовать телеологический взгляд на природу! И разумеется, здесь тоже игнорируется, что причинное понимание природы имелось уже в древности.

Третья аналогия: «Механизм (механистическая философия) есть анархический метод свободной конкуренции, перенесенный из области хозяйства в область природы».

Четвертая аналогия: древнему миру и феодализму свойственен качественный взгляд на природу, капитализму—количественный. Эта аналогия строится на том, что в древности и в средние века решающую роль играли потребительные ценности, а в наше время меновые ценности.

Пятая аналогия: законы природы мыслятся по образцу государственных законов. В этом смысле Отто Бауэр провозглашает Декарта

олицетворением монархического деизма, Спинозу—олицетворением республиканского пантеизма. Поверхностность этих сближений поразительна.

Шестая аналогия: «Теоретическое противоречие между индуктивным эмпиризмом и математическим рационализмом (у Канта) есть теоретическое отражение свойственного капитализму противоречия между правовой самостоятельностью, которую он дарует индивидууму, и хозяйственной зависимостью индивидуумов друг от друга». В огороде бузина, а в Киеве дядько...

Таков теоретический, философский наряд столь решительного, столь уверенного в себе разоблачителя и критика большевизма! Просто диву даешься: такое умственное убожество трудно было предположить даже у Бауэра. Впрочем, аналогии Отто Бауэра представляют интерес и в другом отношении. Тов. Тальгеймер подчеркивает, что тогда как Макс Адлер «ликвидирует» диалектический материализм, его соратник Отто Бауэр ликвидирует и самого Макса Адлера.

Тогда как у Макса Адлера с его «экономическим идеализмом» идеология все еще носит предметный характер, у Отто Бауэра мы имеем настоящий исторический релятивизм или скептицизм, это тот же махизм, лишь с этикеткой марксизма: по Бауэру законы природы не являются просто законами экономии мышления (Мах), они приводят в порядок наш опыт «тем способом, который соответствует особым духовным потребностям определенного общественного строя и определенному классу внутри этого строя». Тальгеймер вполне правильно замечает, что эта квази-марксистская этикетка Отто Бауэра является в сущности «выцветшей ливреей буржуазии», повторением буржуазной философии последних десятилетий, прагматизма, бергсонизма и пр., в которой исчезают критерии об'ективной истины и сама она. Отто Бауэр ликвидирует кантовские априорные формы: «Только современный релятивизм,—говорит он,—преодолевший ньютоновские представления о пространстве и времени, дает нам возможность понять, что кантовские априорные формы воззрения были только априорными формами воззрения той науки о природе, которая ныне уже принадлежит к преэзойденной фазе развития». Отто Бауэр видит в эволюции современного естествознания доказательство, что «система электронов представляется наукой только как практическое подсобное средство мышления, а не как действительная сущность». Тальгеймер возражает: «Естествоиспытатели вовсе не настолько глупы, чтобы верить, будто они измеряли, исчисляли, взвешивали и определяли только фикции, только воображаемые вещи; атом и электрон давно вышли из стадии гипотез»... Это последнее утверждение рискованно. Вопрос следует ставить в другой плоскости: одна гипотеза в науке может смениться другими, наука может прибегать также к явно подсобным презумпциям, но отсюда еще далеко не вытекает правильность релятивизма вообще.

Затем следуют у Тальгеймера dii minorum gentium, имена не столь «громкие», второразрядные. Некий Альберт Кранольд пишет в сборнике «Живой Марксизм» о «социализме, как нравственной идее»; на самом же деле он преподносит «социализм» как *религиозную* идею. С этим уже давно кокетничают авторы из «Sozialistische Monatshefte», но Кранольд побил рекорд в этом деле, у него оказывается, что «социалистический человек, *по мнению Маркса и Энгельса* (курсив наш), должен быть, конечно, атеистичен, но вовсе не безрелигиозен». Итак, путешествие Карла Маркса на небо! Оставляем в стороне другие перлы в роде того, что «Маркса и Энгельса напрасно считают представителями теоретико-познавательного реализма, т.-е. теории отражения» или что диалектика

является «синтезом причинного и телеологического понимания» (Тальгеймер правильно замечает, что это не верно даже в отношении гегелевской диалектики), что исторический материализм не имеет ничего общего с социализмом (эато социализм можно основать на Фоме Аквинском!). Любопытно то, что, в то время как Маркс Адлер поет дифирамбы «принудительному порядку», Кранольд, в свою очередь, требует устранения всякого принуждения: «всякая жертва ради целого должна быть совершенно добровольной, и поэтому она уже не является жертвой, а высшим самоутверждением». Своя своих не познаша. А между тем оба одинаково клянутся Кантом. Очень поучительно почитать у Тальгеймера, как в интерпретации Кранольда взгляды молодого и старого Маркса на государство оказываются апологией эбертовской республики. К такому весьма реальному смыслу сводятся все елейные фразы о «высшем самоутверждении»...

Сын Каутского, тоже Карл Каутский, по профессии врач, резонерствует в сборнике о «течениях в современной медицине в свете исторического материализма». «Хирургия,—пишет он,—имеет много общего с большевизмом не только в том смысле, что обещает больному немедленное и радикальное излечение, но и в том смысле, что претендует на универсальную применимость своих методов». Тальгеймер остроумно замечает: если отец обнаруживает отвращение к политической хирургии, то сын обнаруживает такое же отвращение к медицинской хирургии...

Биолог Юлиус Шаксель пишет в сборнике о «Дарвинизме и марксизме». «Борьба за существование,—пишет он,—не могла стать научным понятием, потому что наука выразила учение об органических отношениях описываемых ею явлений другими понятиями. По этой же причине из научного словаря отпадают слова половой и естественный отбор... Нет никаких оснований все время изображать природу в свете английской буржуазной экономии первой половины прошлого столетия». Тальгеймер правильно подчеркивает, что здесь выворачивается на изнанку действительное положение вещей: не борьба за существование взята из буржуазной политической экономии, а напротив, Мальтус об'явил этот природный факт законом человеческого общества. У Шакселя на каждом шагу фигурируют «душа», «душевные элементы», «автономия душевного»; он весьма не прочь заменить дарвинизм спиритуализмом, неовитализмом и т. п. Тальгеймер в своих возражениях ему, к сожалению, не касается вопроса о мутациях, противопоставляемых дарвинизму, не делает попытки подойти и к ним с точки зрения дарвинизма; он ограничивается замечанием: «дарвинизм исследует явления по диалектическому: он выводит порядок из беспорядка, целесообразность из нецелесообразности, но, конечно, в своих об'яснениях этого процесса Дарвин далеко не сказал последнего слова».

Если Шаксель, следуя буржуазной моде, полемизирует против «опасной стороны дарвинизма», понимая под этим материализм, то другой из авторов сборника «Живой Марксизм» Г. Э. Граф в статье «География и материалистическое понимание истории» дополняет «еще не законченное здание исторического материализма» тоже в духе модных течений буржуазной науки, а именно в духе риккертовской школы и делает поразительное открытие, что всякое историческое событие случается лишь однажды. Об'являя, что развитие государств подлежит, главным образом, естественным законам, Граф в сущности ликвидирует Отто Бауэра точно так же, как последний ликвидировал Макса Адлера. Этот исторический натурализм или абсолютизм Графа—прямая противоположность релятивизму Бауэра. Таким образом, «Живой Марксизм» сам себя ликвидирует, «не расцвел и отцвел в утре пасмурных дней».

олицетворением монархического деизма, Спинозу — олицетворением республиканского пантеизма. Поверхностность этих сближений поразительна.

Шестая аналогия: «Теоретическое противоречие между индуктивным эмпиризмом и математическим рационализмом (у Канта) есть теоретическое отражение свойственного капитализму противоречия между правовой самостоятельностью, которую он дарует индивидууму, и хозяйственной зависимостью индивидуумов друг от друга». В огороде бузина, а в Киеве дядько...

Таков теоретический, философский наряд столь решительного, столь уверенного в себе разоблачителя и критика большевизма! Просто диву даешься: такое умственное убожество трудно было предположить даже у Бауэра. Впрочем, аналогии Отто Бауэра представляют интерес и в другом отношении. Тов. Тальгеймер подчеркивает, что тогда как Макс Адлер «ликвидирует» диалектический материализм, его соратник Отто Бауэр ликвидирует и самого Макса Адлера.

Тогда как у Макса Адлера с его «экономическим идеализмом» идеология все еще носит предметный характер, у Отто Бауэра мы имеем настоящий исторический релятивизм или скептицизм, это тот же махизм, лишь с этикеткой марксизма: по Бауэру законы природы не являются просто законами экономии мышления (Мах), они приводят в порядок наш опыт «тем способом, который соответствует особым духовным потребностям определенного общественного строя и определенному классу внутри этого строя». Тальгеймер вполне правильно замечает, что эта квази-марксистская этикетка Отто Бауэра является в сущности «выцветшей ливреей буржуазии», повторением буржуазной философии последних десятилетий, прагматизма, бергсонизма и пр., в которой исчезают критерии об'ективной истины и сама она. Отто Бауэр ликвидирует кантовские априорные формы: «Только современный релятивизм, — говорит он, — преодолевший ньютоновские представления о пространстве и времени, дает нам возможность понять, что кантовские априорные формы воззрения были только априорными формами воззрения той науки о природе, которая ныне уже принадлежит к превзойденной фазе развития». Отто Бауэр видит в эволюции современного естествознания доказательство, что «система электронов представляется наукой только как практическое подсобное средство мышления, а не как действительная сущность». Тальгеймер возражает: «Естествоиспытатели вовсе не настолько глупы, чтобы верить, будто они измеряли, исчисляли, взвешивали и определяли только фикции, только воображаемые вещи; атом и электрон давно вышли из стадии гипотез»... Это последнее утверждение рискованно. Вопрос следует ставить в другой плоскости: одна гипотеза в науке может сменяться другими, наука может прибегать также к явно подсобным презумпциям, но отсюда еще далеко не вытекает правильность релятивизма вообще.

Затем следуют у Тальгеймера dii minorum gentium, имена не столь «громкие», второразрядные. Некий Альберт Кранольд пишет в сборнике «Живой Марксизм» о «социализме, как нравственной идее»; на самом же деле он преподносит «социализм» как *религиозную* идею. С этим уже давно кокетничают авторы из «Sozialistische Monatshefte», но Кранольд побил рекорд в этом деле, у него оказывается, что «социалистический человек, *по мнению Маркса и Энгельса* (курсив наш), должен быть, конечно, атеистичен, но вовсе не безрелигиозен». Итак, путешествие Карла Маркса на небо! Оставляем в стороне другие перлы в роде того, что «Маркса и Энгельса напрасно считают представителями теоретико-познавательного реализма, т.-е. теории отражения» или что диалектика

является «синтезом причинного и телеологического понимания» (Тальгеймер правильно замечает, что это не верно даже в отношении гегелевской диалектики), что исторический материализм не имеет ничего общего с социализмом (зато социализм можно основать на Фоме Аквинском!). Любопытно то, что, в то время как Маркс Адлер поет дифирамбы «принудительному порядку», Кранольд, в свою очередь, требует устранения всякого принуждения: «всякая жертва ради целого должна быть совершенно добровольной, и поэтому она уже не является жертвой, а высшим самоутверждением». Своя своих не познаша. А между тем оба одинаково клянутся Кантом. Очень поучительно почитать у Тальгеймера, как в интерпретации Кранольда взгляды молодого и старого Маркса на государство оказываются апологией эбертовской республики. К такому весьма реальному смыслу сводятся все елейные фразы о «высшем самоутверждении»...

Сын Каутского, тоже Карл Каутский, по профессии врач, резонерствует в сборнике о «течениях в современной медицине в свете исторического материализма». «Хирургия, — пишет он, — имеет много общего с большевизмом не только в том смысле, что обещает больному немедленное и радикальное излечение, но и в том смысле, что претендует на универсальную применимость своих методов». Тальгеймер остроумно замечает: если отец обнаруживает отвращение к политической хирургии, то сын обнаруживает такое же отвращение к медицинской хирургии...

Биолог Юлиус Шаксель пишет в сборнике о «Дарвинизме и марксизме». «Борьба за существование, — пишет он, — не могла стать научным понятием, потому что наука выразила учение об органических отношениях описываемых ею явлений другими понятиями. По этой же причине из научного словаря отпадают слова половой и естественный отбор... Нет никаких оснований все время изображать природу в свете английской буржуазной экономии первой половины прошлого столетия». Тальгеймер правильно подчеркивает, что здесь выворачивается на изнанку действительное положение вещей: не борьба за существование взята из буржуазной политической экономии, а напротив, Мальтус об'явил этот природный факт законом человеческого общества. У Шакселя на каждом шагу фигурируют «душа», «душевные элементы», «автономия душевного»; он весьма не прочь заменить дарвинизм спиритуализмом, неовитализмом и т. п. Тальгеймер в своих возражениях ему, к сожалению, не касается вопроса о мутациях, противопоставляемых дарвинизму, не делает попытки подойти и к ним с точки зрения дарвинизма; он ограничивается замечанием: «дарвинизм исследует явления по диалектическому: он выводит порядок из беспорядка, целесообразность из нецелесообразности, но, конечно, в своих об'яснениях этого процесса Дарвин далеко не сказал последнего слова».

Если Шаксель, следуя буржуазной моде, полемизирует против «опасной стороны дарвинизма», понимая под этим материализм, то другой из авторов сборника «Живой Марксизм» Г. Э. Граф в статье «География и материалистическое понимание истории» дополняет «еще не законченное здание исторического материализма» тоже в духе модных течений буржуазной науки, а именно в духе риккертовской школы и делает поразительное открытие, что всякое историческое событие случается лишь однажды. Об'являя, что развитие государств подлежит, главным образом, естественным законам, Граф в сущности ликвидирует Отто Бауэра точно так же, как последний ликвидировал Макса Адлера. Этот исторический натурализм или абсолютизм Графа — прямая противоположность релятивизму Бауэра. Таким образом, «Живой Марксизм» сам себя ликвидирует, «не расцвел и отцвел в утре пасмурных дней».

Отто Иенсен пишет в сборнике на тему: «К психологии массы. Каутский и Фрейд». Исходным пунктом Иенсена является отрицательное отношение Каутского к «неорганизованной» массе во время дискуссии 1910 г. о массовой стачке. Каутский черпал свои аргументы против массы у Лебона и др., Иенсен прибегает с этой целью к Фрейду. Вместе с Каутским и Лебоном Иенсен находит, что масса отличается только страстью к разрушению и невежеством. Тальгеймер весьма кстати указывает, что самое разрушительное массовое действие, мировая война, было делом организованных масс, армий буржуазии. Иенсен об'являет революцию болезнью массы, «социальным психозом», применяет к об'яснению революции учение Фрейда об «отцовском комплексе» и в результате приходит к следующему практическому выводу: «Необходимо понять и использовать эти либидинозные связи, использовать их не с целью господства над безвольной массой, как это великолепно умели делать иезуиты и в известной степени большевики, а для того чтобы воспитать массу и из управляемого отцом племени превратить ее в общество с свободно избираемыми вождями». Итак, в основе большевизма лежит, по Иенсену, фрейдовский подсознательный либидинозный момент (похоти), басня о первобытных братьях, убивших своего «отца» за то, что тот отнимал у клана женщин в свою пользу. Умри Денис, лучше не скажешь!... Тальгеймер со всей силой обрушивается на шарлатанство венского знахаря. Тогда как австро-марксист-фрейдист пытается об'яснить большевизм отголосками первобытных половых отношений, Тальгеймер находит подоплеку фрейдизма в изуродованной семье современной буржуазии; «нужно быть слепым,—говорит он,—чтобы за маской «отца», «самца», «сыновей», «Эдипа», «матери», не узнать сейчас же венского гофрата с его дражайшими чадами и домочадцами». Очень тонко также следующее замечание Тальгеймера (по вопросу о массе): «Для оппортунизма характерно то, что он беспрерывно и беспомощно колеблется между полюсами только спонтанного и только организованного действия, не будучи в состоянии диалектически сочетать оба полюса; весь центр тяжести переносится то на раззигне, то на дирижерскую палочку организации». Здесь, очевидно, автор имеет в виду, что те же австро-марксисты обвиняют большевизм в преобладании организации (партии) над массой.

Авторов, рассмотренных до сих пор, Тальгеймер об'единяет под рубрикой: «Отход от диалектического материализма». В дальнейшем сгруппированы статьи, касающиеся вопросов более конкретного характера. Эта вторая глава озаглавлена у Тальгеймера: «Излюбленные коньки мелкобуржуазного социализма».

К таким конькам принадлежит «пролетарская» внешняя политика. О ней пишет в сборнике некий Гуго Заупе. Социал-демократия умышленно и лицемерно закрывает глаза на то, что самостоятельная внешняя политика пролетариата возможна только при победе пролетариата. Вся соль статьи Заупе заключается в том, что «необходимо отказаться от схематических приказов по адресу партий в других странах». Другими словами: в каждой стране пролетариат должен оставаться на помочах у «своей» буржуазии. Попутно высказываются такие истины: «времена империалистской вооруженной борьбы миновали»...

Ода Ольберг и венский профессор анатомии Тандлер (социал-демократ) пишут об «отношении социалистической партии к ограничению рождаемости». Неомальтузианство оказывается в их изложении не антиестественным, антикультурным продуктом, а напротив, культурным требованием! Это—революция детских люлек, как выражается т. Тальгеймер. Вместо точки зрения всего класса здесь преподносится точка зрения отдельной личности.

Анна Симсен под громким заглавием «Психологические предпосылки социализма» изрекает старые пошлости о том, что поражение пролетариата в Германии было результатом его «незрелости», что вместо стачек надо предварительно научить пролетариат вести социалистическое хозяйство и т. д. Другими словами, «четвертая фаза марксизма», как ее назвал Каутский,—сводится к апологии Носке! В том же возмутительном духе пошлости и лицемерия пишут некий Годан и профсоюзный бюрократ Рихард Зейдель. Первый—о воспитании пролетариата, второй о некритической массе, с одной стороны, и суверенной деятельности вождей—с другой. Так и сказано: суверенная деятельность! Профсоюзный бюрократ становится даже в позу сверхчеловека: суверенная деятельность вождей,—пишет он,—требует суверенных натур... Попутно осуждается захват фабрик рабочими, как противоречащий принципу централизации. Почему же,—спрашивает Тальгеймер,—сами-то профсоюзы не захватили (в Германии) фабрик? Что касается вышеупомянутого Годана, то он желает учить рабочих плавать, не пуская их в воду; он упускает из виду, что образование является в нынешних условиях монополией буржуазии. Воспитание, которое нужно теперь пролетариату,—возражает ему т. Тальгеймер,—это наука о борьбе пролетариата.

Кете Лейхтер пишет об «Уроках австрийских попыток социализации». Речь идет об арсенале в Вене и о бывших военных заводах в Фишаменд и Велерсдорф. Результаты этих попыток весьма минимальны и неутешительны, они, — как резюмирует авторша, — «не располагают ни к каким выводам насчет возможности утверждения социалистического хозяйства»; но авторша утешает себя «крушением попыток социалистического хозяйственного строительства в России»! Зато соратник ее по «Живому Марксизму», некий Бруно Цшецш идеализирует венский эксперимент и рисует в эпоху Октябрьской революции допотопный идеал «кооперативной ассоциации семейных хозяйств», как «фундамент грядущего общественного порядка». Это,—правильно замечает Тальгеймер,—фантазия мелкобуржуазного социализма в его наиболее ограниченной и тупоумной форме. Вот до каких нелепостей договорилась разлагающаяся социал-демократия! Тов. Тальгеймер остроумно предлагает поднести в подарок господину Цшецшу собрание сочинений Шульце-Делича и пару вышитых туфель.

В главе «Марксистская» вульгарная экономия т. Тальгеймер разбирает статью банкира — социал-демократа Отто Лейхтера «К анализу мирового экономического кризиса». Лейхтер считает, что мировая война «почти во всех странах привела к расширению производственного аппарата»; он ссылается при этом на Розу Люксембург и на ее подчеркивание милитаризма, как одного из способов накопления капитала. Тальгеймер возражает, что это—точка зрения отдельного капиталиста, и об'ясняет парадоксальный феномен частного накопления, а также реальное расширение производственного аппарата за время войны созданием фиктивного капитала в виде военных займов и т. д. Аргументация тов. Тальгеймера не совсем свободна здесь от противоречий: так, например, во Франции Тальгеймер находит «чрезвычайное расширение и под'ем *всей* (курсив наш) промышленности», а несколькими строками ниже он пишет: «То, что кажется здесь (речь не только о Франции) действительным накоплением общего капитала данной страны, является в действительности перенесением капитала из одних отраслей в другие». Это—существенное противоречие, оставляющее невыясненным кардинальный вопрос. Плюсу в одном месте (Америке) соответствуют минусы

в других,—говорит Тальгеймер, при чем под минусами понимает не только фактическое обеднение, но и долги, т.-е. фиктивный капитал. Очень кратко, в нескольких строках, т. Тальгеймер останавливается в этой связи на производстве средств производства и средств потребления (подразделения I и II у Маркса); он в противоположность Лейхтеру подчеркивает, что во время войны было расширено также производство средств потребления (в Америке и пр.), при чем непонятна следующая фраза: «Лейхтер смешивает потребление жизненно-необходимых продуктов, военного снаряжения и сырья, с производством средств потребления, с марксовским отделом II». В общем Тальгеймер тоже приходит к выводу: «В конце войны общая капиталистическая производительная способность, по всей вероятности, была больше, чем в начале войны».

Эти вопросы играют кардинальную роль в «марксизме 4-й фазы». Каутский, как известно, считает мировую войну и империализм случайными явлениями в теле капитализма. «С точки зрения Каутского,—говорит т. Тальгеймер,—война не имеет ничего общего с нормальным кризисом перепроизводства и поэтому располагает не к выводам о необходимости революции, а к выводам о необходимости коалиции с буржуазией; сначала рабочий клас должен поставить обессиленный капитализм на ноги и откормить его, а уже потом, когда после этого наступит нормальный кризис перепроизводства, это явится знаком, что наступило время покончить с капитализмом». Здесь, как подчеркивает т. Тальгеймер, Отто Лейхтер в известной степени «ликвидирует» Каутского: последний не считает возможной социальную революцию в наше время на том основании, что мировая война является не кризисом перепроизводства и богатства, а кризисом обеднения, а Лейхтер, напротив, доказывает, что эта война принесла с собой усиленное накопление.

Небезызвестный Альфред Браунталь в статье «Каутский как теоретик денежного обращения», в свою очередь, хоронит выставленную Лейхтером количественную теорию денег. Таким образом круг завершен, один австро-марксист побивает другого. Браунталь сетует о том, что «рабочий класс, вместо того, чтобы заниматься догматическими спорами, не направил энергично свою политику (как советовал Каутский) в сторону прекращения инфляции». Это,—говорит т. Тальгеймер,—отвратительное лицемерие: Браунталь упрекает рабочий класс в том, что целиком лежит на ответственности с.-д. вождей, допустивших, что буржуазия при помощи инфляции политически разложила (германскую) социал-демократию.

На этом мы можем покончить наше изложение. Книга т. Тальгеймера дает яркую и убедительную картину полного разброда и поразительного убожества в лагере австро-марксизма, теоретического авангарда разлагающейся социал-демократии. Это теоретическое убожество, порой доходящее до анекдотичности, соответствует политическому падению партии социал-соглашательства и социал-предательства. Иначе оно и быть не могло: теория должна служить для оправдания, для замазывания факта этого падения, она красноречиво отражает факт превращения партии в мелкобуржуазных прихвостней и обоз буржуазии.

На статье «Крестьянский вопрос в Австрии и аграрная программа австрийской социал-демократии», а также на статье «Новое экономическое обоснование социал-реформизма» (о книге К. Реннера), мы здесь останавливаться не будем. Этого не позволяет недостаток места; кроме того, статья т. Тальгеймера о книге Реннера в свое время была тоже напечатана в «Большевике».

Ф. Капелюш.

Г. ЯКОВИН.—«Политическое развитие современной Германии». Изд. «Прибой», Ленинград. 294 стр. Цена 2 руб. 50 коп.

Германия была и остается для нас в центре внимания. Особенно важна правильная оценка ее классовых сил, политического и экономического развития теперь, когда возникла угроза новой мировой войны и за Германию ведется «торговля» империалистических стран с целью приобретения ее в «семью народов» против СССР.

Поэтому книга, знакомящая нас с послевоенным развитием страны, крайне важна и необходима, и поэтому же к авторам таких работ мы должны пред'являть большие требования.

С этой точки зрения и приходится подходить к предлагаемой работе тем более, что автор рассчитывал ее на широкие круги «товарищей из партийного актива и учащейся молодежи».

Прежде всего следует отметить, что эта работа «сводная», составленная из кусочков разных работ, в том числе и главным образом из переработанных стенограмм лекций самого автора, читанных им в 1925—26 году. При этом, как нам кажется, автор не подходил достаточно критически к тому материалу, каким он пользовался.

Несомненно, отрицательную часть работы представляют высказывания автором своих мнений о будущем. А так как весь материал относится к 1925—26 г., то «будущее» автора уже теперь стало настоящим, и получается большой конфуз, когда читатель книги видит, читая работу в самый год ее издания, что предсказания автора терпят скандальное крушение.

Книге, по признанию автора, надлежало появиться на свет еще в 1926 году, но типографская волокита задержала ее почти на год. Поэтому автор решил погнаться за событиями и вставил в книгу, так сказать, «находу» новый материал. При этом факты из «новейшего материала» оказались относящимися только ко второй половине 1926 года. Так автор и не догнал событий. Ему пришлось только воздохнуть о том, как «вечно зелено дерево жизни».

Здесь нет места для того, чтобы отмечать «все» мельчайшие ошибки автора, важно отметить лишь наиболее значительные из них.

Одной из крупных ошибок автора является его мнение о германском *империализме.* Этот вопрос для нас далеко не безразличен, как не безразлично и отношение к нему той или иной партии или класса. Германия становится вновь довольно значительным фактором мировой политики; весьма возможно, что в случае нужды—для заключения союза—бывшие победители будут готовы «на жертвы» для Германии, ибо последняя *уже стала* силой, с которой приходится считаться.

Автор с легким сердцем трунит над «своеобразным империализмом» Германии, над ее «глубокой тоской по колониям» (стр. 25). Он подчеркивает, что Германия сама является полуколонией, что она задавлена тяжестью репараций, что государственный рентный банк и железные дороги страны находятся под контролем—и потому автор совершенно уверен, что Германии *не дадут* стать империалистической державой. Автор рассуждает об империализме чисто формально. *Так как* в Германии нет «элементарных политических условий, чтобы принять участие в борьбе за передел мира, *так как* она не вывозит капиталы, а в нее ввозят их разные американские дядюшки, то все разговоры о немецком империализме являются лишь тощей фантазией досужих журналистов и спекулирующих на глупости мелкой буржуазии националистических попутчиков» (стр. 27).

При этом олимпийски-спокойный автор готов игнорировать ради своей теории даже совершенно очевидные *факты.* Он не верит в эко-

номические успехи капитализма в Германии. Поэтому он издевается над «некоторыми коммунистами», которые поспешили сделать вывод, что будто бы «капитализм должен (тут автор ставит сразу два знака— вопросительный и восклицательный. *А. С.*) подняться на более высокую техническую ступень», должен «подвести под себя новую техническую базу!» (стр. 30).

Автор и не заметил, что в главе о «Хозяйственном тупике германского капитализма» он немножечко сам же себя опроверг, когда заявил о «большом техническом росте производственного аппарата и производственных возможностей германской промышленности» (стр. 18), когда он, например, написал курсивом, что «уменьшение добычи *каменного* угля компенсируется увеличением добычи *бурого* угля». Ведь это же довольно ясно говорит именно о *новой технической базе* германского хозяйства. Не ясно ли, что Германия сумела вывернуться из сырьевых затруднений тем, что нашла *новые сырьевые базы* (вместо каменного— бурый уголь и т. п.)! Если сюда прибавить еще: вместо каменного угля—нефть, вместо тяжелых металлов—легкие и цветные, вместо старого текстильного сырья—искусственный шелк, то картина станет еще яснее. Конечно, на пути возросших производственных возможностей стоит *недостаток рынков сбыта*, но это именно и толкает Германию на путь империализма. Автору, вульгарно говоря, наплевать на гигантское развитие *производства*, если нет «политических возможностей». Но ведь не политические возможности создают империализм, а именно рост производственной базы может создать новые политические условия.

Книга писалась еще в то время, когда происходил VII расширенный пленум ИККИ. Автору следовало бы заглянуть хотя бы в доклад тов. Бухарина на этом пленуме и сравнить точку зрения Коминтерна, представленную Бухариным, со своей. Вот что говорится в тезисах по докладу т. Бухарина: «Хозяйственный под'ем Германии, внутренняя консолидация ее монополистического капитализма, ее руководящая роль в империалистических международных об'единениях, ее *«западная»* ориентация, ее попытка вернуть себе колонии и т. д.—говорят о *начале возрождения германского империализма»*. И тут же делается весьма важный политический вывод: «В связи со всем этим *решение вопроса о защите германского отечества должно быть теперь* таким же *отрицательным, как и в других странах империализма»*. (Н. Бухарин. «Капит. стабил. и пролет. револ.». Стр. 317) (курсив мой. *А. С.*). Автору же рецензируемой книги совсем и невдомек то, что из его теории он должен был сделать известные выводы для дальнейшего совсем другие, чем те, которые делает Коминтерн.

VIII расширенный пленум целиком подтвердил прогноз VII пленума о росте германского империализма.

Немаловажное упущение автора составляет также и то обстоятельство, что он слабо увязывает *политическое* развитие страны с *экономическим*. Экономика весьма у него хромает. Без анализа *внутренних* экономических возможностей страны автор заключает, что Германия после войны *целиком* зависела от внешнего мира, плыла по течению, туда, куда влекла ее политика Англии и Франции. Правда, автор считает, что ему следовало бы подумать об экономическом обосновании своих утверждений, но так как работа выясняет «политическое развитие Германии», то можно-де, заняться почти чистой политикой и т. п. «Экономика понадобилась автору только для первой главы, где он ее берет напрокат, чтобы «доказать» «тупик германского капитализма», не-

возможность для Германии найти новые рынки сбыта для своей промышленности и невозможность немецкого империализма. Работа получается при всем этом работой чисто описательного характера, а не аналитического. Идеи как-то плавают «сами по себе», не будучи в состоянии за что-нибудь зацепиться. Автор описывает, «не мудрствуя лукаво», все то, что он почерпнул из прочитанных книг, с целью дать материал только для *ознакомления* с предметом. Если бы читатель спросил: что же *делать*, чтобы изменить соотношение тех или иных классовых сил, за какие рычаги надо ухватиться, какие пружины следует нажать, в чем состоят реальные препятствия на пути и т. д.,—то он не получил бы вполне ясного ответа: автор не дает достаточного анализа, необходимого для ясного ответа на эти вопросы. Выясненные им самим выводы часто неправильны.

Отношение автора к вопросу о рационализации в Германии неправильно. Он считает, что рационализация «расширения рынка дать не может. Внутренний рынок будет *ею сужен*: имея своею целью лучшее использование наличного основного капитала, она не может вызвать существенного дополнительного спроса на орудия и средства производства; приведя к увеличению безработицы, она не может не уменьшить уровня потребления рабочих масс» (стр. 24). Далее на стр. 290 он пишет: «рационализация производства также мало откроет новые пути для развития германского капитализма, как мало эти пути были открыты планом Дауэса». Правильно то, что коммунисты должны бороться против иллюзий, которые внушают рабочим социал-демократы насчет пользы для *пролетариата* капиталистической рационализации, правильно то, что положение рабочего класса ухудшается при проведении рационализации и что выгода от нее идет на пользу *капитализму*, но нельзя утверждать, что рационализация не укрепляет капитализма экономически, чтобы не набить себе шишек на лбу.

Несомненно, ошибочным является также деление всех партий Германии на три группы: реакционно-монархические, буржуазно-республиканские и социалистические. Коммунистическая партия отнесена при этом в ряде «социалистических» на ряду с с.-д. Правда, автор спохватился и написал примечание, что он не понимает политическую роль с.-д., как пролетарскую и социалистическую, но тем не менее нельзя не отнести этой партии к социалистическим, так как *формально* ее целью остается социализм и ее агитация окрашена в социалистические цвета (стр. 65). Однако, это примечание не снимает допущенной ошибки. Если даже и назвать с.-д. партию «социалистической» (что в наши дни только не именуется «социализмом»?),—то все же остается соседство с нею коммунистической партии. Конечно, автор смешал в одну кучу партию формального и действительного социализма лишь «для удобства деления». Однако, такой прием достоин осуждения.

Вопросу о с.-д. посвящена большая часть книги. Развитие партии прослеживается автором от самого ее возникновения до последнего времени. Казалось бы, что этот вопрос должен быть освещен основательно. Тем не менее и здесь существует ряд недочетов.

Автора интересует главным образом *государственная* роль с.-д., ее аппарат, правительственная политика и т. п. Внутренней жизни партии уделено слишком мало внимания. Совершенно не видно роли *масс*, массы куда-то исчезли, на сцене выступают только вожди, которые изменяют, предают и управляют. Читатель не получает представления о том, каково положение, напр., с.-д. *рабочих*, как оно изменялось в разные периоды истории партии и как соответственно этому должны были менять свою тактику вожди, откуда берутся истоки раз-

личных течений внутри с.-д. и т. п. Ведь это же все крайне важно знать коммунисту, так как известно, что наша основная задача—завоевание на свою сторону масс. Интересно было бы проследить, каким образом изменялась та база, на которую опирается с.-д. До сих пор главной опорой всего II Интернационала считалась *рабочая аристократия*. Автор полагает, что «если принять во внимание низкую оплату труда, даже, квалифицированных рабочих послевоенной Германии, *то вряд ли можно считать большое количество* (из 500.000 с.-д. рабочих. *А. С.*), *принадлежащих к рабочей аристократии*, которую трудно поднять на борьбу» (стр. 216). Значит теперь рабочей аристократии почти нет в Германии. Вот тут-то и интересно было бы узнать мнение автора о том, а почему же все-таки 500.000 рабочих плетутся за с.-д., тем более, что, как указывает сам автор, «они не только не получают никакой выгоды от «участия» партии «во власти», но само по себе это участие возможно только при условии отказа партии от борьбы и постоянного, систематического предательства интересов рабочих».

Не давая никакого анализа положения партийных рабочих масс, автор ничего совершенно не говорит также и о методах завоевания этих масс. В книге нет, равным образом, анализа роли *мелкой буржуазии* на разных этапах классовой борьбы, ее участия, напр., в фашистских организациях и т. д. Глава о фашизме вообще написана слабо.

Вопрос о течениях внутри с.-д. партии представляет большой интерес для читателя. Последний тщетно ищет у автора книги ответа на вопрос о причинах «левизны» в теориях виднейших вождей партии, о том, какое отношение имеют эти теории к марксизму; о том, как отражается на тактике с.-д.-ии существование Советского Союза, его строительства и т. д. Обо всем этом нет ни слова.

Книга повествует довольно пространно как о довоенной, так и послевоенной с.-д. Но читатель не уяснит себе того постепенного процесса кристаллизации революционных элементов, который происходил и происходит внутри рабочих слоев, давая пищу для коммунистической партии. Не видно также роли Ленина при формировании внутри II Интернационала левой в с.-д. и его борьбы с качаниями левых, борьбы за создание большевистской международной партии.

Материалы о с.-д. почерпнуты автором из разных источников. Особенное влияние оказала при этом книга Варги «С.-д. партии», некоторые страницы которой почти-что переписаны с небольшими изменениями. Правда, автор пользовался этой книгой, пока она еще не была переведена на русский язык, но это не меняет сути дела.

О коммунистической партии Германии написано слишком мало. процесс ее формирования освещен недостаточно. Не видно тех сдвигов, которые происходили внутри рабочих масс; не показано, как и из каких элементов слагалась компартия.

Поэтому течения внутри компартии не получают достаточного освещения. Статьи о компартии написаны, очевидно, наспех. Почти не использованы материалы с'ездов и пленумов Коминтерна. Внутренней жизни партии совсем не видно. Тщетно стал бы искать читатель описания конкретной борьбы партии за завоевание как партийных (с.-д. и др.). так и беспартийных масс. Не видно также анализа тех препятствий, затруднений, которые стояли и стоят на пути партии. О такой организации, как союз красных фронтовиков, нет ни слова, равно как и о других беспартийных профсоюзных, кооперативных и т. п. организациях.

Такие важнейшие события в жизни партии, как события 1923 года, в книге т. Яковина не получили почти никакого освещения: ни хода

событий, ни рассмотрения причин поражения нет; об ошибках тов. *Радека* нет ни строчки; причины последовавшего за поражением кризиса в германской компартии остались мало исследованными, равно как и результаты неудачи не получили достаточно серьезного разбора.

Колебания в руководящих сферах остаются малопонятными, так как они не увязаны с настроениями масс и об'ективным положением в стране.

Автор, так много писавший о составе, организации и аппарате с.-д., для компартии не приводит на этот счет никаких данных. Мы не слышим языка цифр, дающих представление о положении в компартии хотя бы с точки зрения силы правых или левых настроений. О ядре партии нет ни слова. Между тем составить себе представление на этот предмет для читателя было бы крайне важно. Тов. Зиновьев, когда он еще работал в Коминтерне, приводил по этому вопросу кой-какие соображения. На VI пленуме ИККИ он считал, что в компартии «80—85% левых рабочих, левых в хорошем смысле этого слова, в том смысле, что при малейшей оппортунистической ошибке, при возникновении правой опасности, они целиком поддержат свой ЦК, который будет бороться против правых; от 3 до 5%—правые рабочие, более или менее склонные поддержать политику Брандлера и 10%—ультра-левые рабочие всех оттенков». Эти соображения целиком опровергают теперешнего Зиновьева, который поддерживает ультра-левых вождей без армии против ЦК.

Вопрос о различных группировках внутри компартии Германии приобретает в настоящее время особый интерес для любого коммуниста. Интересно было бы проанализировать те причины, по которым дошли, например, «до жизни такой» германские «ультра-левые». Между тем данная работа в этом отношении совершенно разочарует читателя. Он не найдет в ней не только необходимого анализа различных левых группировок и их эволюцию, не только не поймет из книги тех причин, которые толкали «ультра-левых» «вождей» к ренегатству, к прямой измене делу коммунизма, но читатель составит себе совершенно неправильное представление о действительном положении вещей. Автор сам ничего не понял в вопросе о борьбе с германскими «ультра-левыми», в особенности с группой Рут-Фишер—Маслова. Книга проникнута большой снисходительностью к этой группе. Признавая политику «двойной бухгалтерии» со стороны группы Рут-Фишер—Маслова в общеполитических и внутрипартийных вопросах, автор оправдывает ее по вопросу о работе в профсоюзах (считая этот вопрос основным вопросом разногласий). Он пишет: «Но мы думаем, что как раз в принципиальном признании со стороны ЦК (ЦК «ультра-левых», *А. С.*), необходимости единства профсоюзов и работы в них было всего больше искренности, всего меньше «двойной бухгалтерии» (стр. 277). Отсюда видно, как мало понял автор суть дела, которую гораздо глубже понимал в свое время тов. Зиновьев, когда он в заключительном слове на VI расширенном пленуме ИККИ в 1926 году заявлял, что «столкновение между Коминтерном и так называемой германской «левой»—это была своего рода борьба между ленинизмом и «новой» расплывчатой, не вполне четко выкристаллизовавшейся, но все же совершенно иной *линией*. *Суть дела не в отдельных «левых»*. Наибольшее значение имеет тот факт, что вожди германских «левых», хотя и не высказывали это открыто, но считали ленинское руководство Коминтерном неправильным, считали, что «русское» руководство, сложившееся в отсталой крестьянской стране, не сможет указать должной дороги западно-европейскому рабочему движению. *Суть дела в том, что вожди «левых» постарались найти какой-то иной, усовершенствованный «западно-европейский» «лени-*

низм». (Стеногр. отчет VI пленума ИККИ. Стр. 452). (Курсив мой: *А. С.*). Значит основным вопросом был вопрос не об отдельных разногласиях в тактике единого фронта, а вопрос о *руководстве* вообще, вопрос о *ленинском* руководстве в Коминтерне с его организационными принципами, с его понятием о партийном единстве и т. д. Тов. Зиновьев, перебежавший теперь на сторону тех, линию которых он считал тогда антиленинской, и защищающий теперь «левых» изменников делу коммунизма, сам приемлет «новую» линию своего рода «западно-европейского» «ленинизма», представленную троцкизмом.

В книге тов. Яковина читатель не увидит картины «ультра-левого» движения в Германии. Он не найдет ответа на вопрос, почему «ультралевые» элементы в роде Корша, Каца, Урбанса и Маслова и др. дошли до того, что поливают теперь грязью Советский Союз и лучшую компартию Коминтерна. Читатель не найдет в книге Яковина никаких симптомов того «будущего» «ультра-левых», которое стало настоящим в самый год выхода книги.

Только в самом конце работы в добавленных наскоро «новейших фактах» 1926 года автор замечает вскользь, что Корш, а потом и Рут Фишер—Маслов, Урбанс, Шолем, Шван и др. были исключены из партии. При этом автор тут же делает свои предсказания на будущее: «Предстоящий партс'езд должен подвести черту под этим периодом партийной истории. Он должен привести к завершению последнего периода борьбы, создать внутри партии условия товарищеского сотрудничества и взаимной товарищеской критики на основах внутрипартийной демократии» (стр. 294).

Что значит это замечание? Здесь, как будто, автор недвусмысленно предлагает примирение с группой самых от'явленных ренегатов. Здесь он, как будто сожалеет об их исключении из партии. Как известно, в действительности получилось совершенно противоположное тому, что предсказывал здесь автор, ни о каком «товарищеском сотрудничестве и взаимной товарищеской критике» вместе с ренегатами не может быть и речи. Коминтерн наотрез отверг просьбу Рут Фишер—Маслова о возвращении их в компартию, ибо таким элементам не может быть места в Коминтерне, и никакое сотрудничество с ними невозможно. Настоящий период в истории характеризуется крайне сложной мировой обстановкой. Со стороны империалистических стран ведется бешеная подготовка войны против СССР и соответствующая «обработка» настроений рабочих масс. Нет ничего более полезного для мировой буржуазии, как черная предательская работа «бывших» вождей коммунистического движения, как систематическая компрометация Сов. Союза и ВКП(б), которой занимаются «ультра-левые», сколачивающие свою самостоятельную,—правда, жалкую,—партию со своим органом печати.

В силу отмеченных весьма важных принципиальных ошибок, книга т. Яковина, дающая неверное истолкование важнейших вопросов германского рабочего движения, не может быть рекомендована читателю, несмотря на то, что она и содержит много ценного материала, который был бы полезен для ознакомления с Германией широких партийных масс.

А. Степанов.

От редакции.

По техническим условиям рецензия т. Райека на книгу т. Ларина «Частный капитал в СССР» не могла быть помещена в настоящем номере и будет помещена в очередном номере.

Редакция: **В. Астров, Н. Бухарин, В. Молотов, А. Слепков, Е. Ярославский**

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на

НОВЫЙ двухнедельный ЖУРНАЛ

„РЕВОЛЮЦИЯ и КУЛЬТУРА“

„Революция и Культура“ будет выходить под редакцией Н. И. Бухарина, А. М. Деборина, А. В. Луначарского, И. Л. Лупоппа, В. Б. Пашуканиса, П. Сапожникова, Я. Я. Стэна.

К участию в журнале **„Революция и Культура“** привлечен весь основной кадр теоретических и культурных сил партии и широкие круги беспартийных ученых, литераторов, культурников, стоящих на материалистических позициях.

„Революция и Культура“ широко популяризируя теорию и мировоззрение Маркса, Энгельса и Ленина, будет освещать важнейшие вопросы культурной революции (вопросы культурного строительства, вопросы быта и т. д.).

„Революция и Культура“ будет бороться против враждебных и чуждых идеологических воззрений, против упадочничества и мещанства.

„Революция и Культура“ будет давать хронику культурной жизни в СССР и за границей.

„Революция и Культура“ будет освещать основную литературу по различным отраслям науки и искусства, выходящую в СССР и на Западе.

„Революция и Культура“ будет содействовать сближению научных работников с трудящимися.

В ближайших номерах журнала **„Революция и Культура“** будут освещены следующие вопросы:

национальная культура,
культурный рост масс,
проблема культурных кадров,
культурное строительство в оценке эмиграции,
роль женщины в культурном строительстве,
диалектический материализм и проблемы культуры,
наука СССР за 10 лет,
современное естествознание,
социальные корни современной религии,
об итогах идеологической борьбы с СССР,
советское искусство и литература,
о формах связи ученых различных стран,
хроника научных и культурных достижений у нас и за границей,
об „упадочных“ настроениях среди молодежи.

„Революция и Культура“ рассчитана **на широкий актив партии, комсомола, на передовые слои беспартийных рабочих, крестьян и советской трудовой интеллигенции.**

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

1 мес.—2 номера	**80** к.	6 мес.—12 номеров	**4** р. **50** к.
3 мес.—6 номеров	**2** р. **30** к.	12 мес.—24 номера	**8** р. **50** к.

В розничной продаже цена отдельного номера—**50** коп.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯЙТЕ: **Москва**, центр, М. Черкасский пер., д. № 3/4, Изд-ву **„ПРАВДА“** и **„БЕДНОТА“**, тел. 2-89-24, в любое отделение **„ПРАВДЫ“**, в почтовые конторы, а также и письмоносцам.